

ИСТОРИЯ БЕЗ КУПЮР: ОТ ПРОШЛОГО К НАСТОЯЩЕМУ

МЕЖДУНАРОДНАЯ
ЖИЗНЬ
2010

Руководитель проекта:

Главный редактор журнала «Международная жизнь»

А.Г.Оганесян

Ответственный редактор:

Ответственный секретарь журнала «Международная жизнь»

кандидат исторических наук

Е.Б.Пядышева

Редакторы-составители:

Обозреватель журнала «Международная жизнь» кандидат философских наук

Е.В.Ананьева

Обозреватель журнала «Международная жизнь» доктор политических наук

Х.С.Киреев

Обозреватель журнала «Международная жизнь» доктор политических наук

А.В.Фролов

Редактор журнала «Международная жизнь»

А.Д.Дубина

Литературные редакторы:

О.Н.Ивлиева

Н.В.Карпычева

Л.А.Подчашинская

Дизайн и верстка:

Е.В.Родина, В.А.Позднякова, М.С.Тюрина

**Материалы, публикуемые в журнале «Международная жизнь»,
не обязательно отражают точку зрения редакции.**

Адрес редакции: 105064, Москва, Гороховский переулок, 14.

Тел.: 8 (499) 265-37-81; факс: 8 (499) 265-37-71; E-mail: info@interaffairs.ru

Журнал зарегистрирован в Госкомитете РФ по печати.

Свидетельство о регистрации ПИ №ФС77 - 42508 от 1 ноября 2010 г.

Подписано к печати 24.12.2010 г. Офсетная печать.

Полиграфические работы выполнены ООО «РАИМП».

© Редакция журнала «Международная жизнь». 2010.

МЕЖДУНАРОДНАЯ ЖИЗНЬ

СОДЕРЖАНИЕ

ИЗ ИСТОРИИ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Ялта - 45: история не имеет конца

Дискуссия 5

В.Мединский

Уроки войны 24

И.Кравченко

Символ справедливости и надежды

К 65-летию Нюрнбергского процесса 45

В.Золотарев

Операция в Арденнах 62

А.Мартиросян

Как Гитлера толкали напасть на Советский Союз 86

М.Майоров

Демоны и призраки истории: мировые войны XX века 107

(Продолжение на след. стр.)

СПЕЦВЫПУСК

ИЗ ИСТОРИИ СОВРЕМЕННОСТИ

Россия и Украина: добрососедство и прагматизм?

Дискуссия 136

И.Касатонов

«Отстаивайте же Севастополь...» 167

ИЗ ИСТОРИИ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

О.Брыкин

Советские полпреды на берегах Вислы 179

А.Буллард

Четыре поколения одной британской семьи в России 209

А.Зайцев

Незабываемый 1985-й 231

К.Черевко

О российско-китайской границе 241

А.Торин

Смутное время: как англичане

на русский Север прорывались 252

ЯЛТА - 45: ИСТОРИЯ НЕ ИМЕЕТ КОНЦА

Сергей Архангелов, директор Государственного центрального музея современной истории России (ГЦМСР): Победа в Великой Отечественной войне является ключевым символом, составляющим ядро российского национального самосознания. Усиливающиеся попытки фальсификации истории Великой Отечественной войны делают необходимым, основываясь на реальных документах, фактах, вести активную борьбу за историческую правду, вырабатывать наступательную стратегию противодействия историческим фальсификациям.

Сегодня на нашей дискуссии, которая проходит в Государственном центральном музее современной истории России, особое внимание хотелось бы уделить обсуждению таких вопросов, как архитектура послевоенного миропорядка, ее системообразующие элементы и пределы прочности; ревизия итогов войны: объективно-исторический процесс или политическая конъюнктура?

Наталия Нарочницкая, президент Фонда исторической перспективы (Москва), директор Института демократии и сотрудничества (Париж), доктор исторических наук: Предложенная тематика обрела особую актуальность не только потому, что в последние 20 лет мы наблюдаем системные попытки полностью извратить роль нашей страны в Победе и сам смысл Второй мировой войны, обесценить понятие Великой Отечественной войны. Понять новую геополитическую ситуацию гораздо легче тому, кто хорошо знает

не только публичную часть документальной истории конца войны, но и закулисные переговоры, секретные документы. Понять смысл холодной войны и ее неизбежность, понять, почему масштабный передел мира 1990-х годов, продолжающийся и сейчас, удивительно напоминает то, что мы видели в прошлом, помогают документы, благодаря которым можно анализировать и сравнивать позиции государств.

Интерес к книге «Ялта-45. Начертания нового мира»*, изобилующей сносками на архивные документы и научную литературу, показал, что наше общество имеет большую тягу к серьезной литературе, истории собственной страны.

К сожалению, юбилей Ялтинской конференции не получил широкого информационного резонанса, какой наверняка был бы до перестройки и так называемой разрядки. Политики стыдливо прячут голову в песок, общий тон их речей таков: да, конечно, это величайшее событие, но это были старые международные отношения, доктрина баланса сил, сейчас ситуация совершенно изменилась и поэтому переносить параметры, которые подходят для того периода, на сегодняшний день было бы неуместным. Но именно такая позиция вписывается в ту концепцию пересмотра смысла войны, в которой Ялтинская конференция и решения великих держав, умеривших свои амбиции, трактуются как реликт доктрины баланса сил, когда демократические страны были якобы вынуждены временно смириться с ролью одного из тоталитарных монстров, для того чтобы навсегда упредить возрождение другого.

Современные мощные геополитические вызовы имеют глобальный характер. Это колоссальное изменение соотношения сил между Востоком и Западом. Это перемещение экономического динамизма в Китай, Индию, расширение исламского мира, то есть смена соотношения сил между цивилизациями, огромные демографические и миграционные потоки, которые неизбежно сотряснут западные общества и которые демократическими методами сдерживать невозможно. Борьба за ресурсы и энергоносители,

*Н.А.Нарочницкая. *Ялта-45. Начертания нового мира*. М., 2010. 288 с.

пресную воду, за контроль над ключевыми районами составляют важную часть передела мира. В этой нарождающейся архитектуре Европе удержать роль центра принятия решений без взаимодействия, а значит, нахождения «модуса вивенди» с Россией, да и с США, совершенно невозможно. Для понимания этого необходимо знание истории, огромное значение имеет знакомство исторического, академического, студенческого сообщества с реалиями прошлого. Знание документов и подлинной истории вооружает аргументацией, необходимой и при полемике с теми, кто проповедует мифы или тиражирует домыслы.

Сегодня же под флагом фарисейских лозунгов, попирая Устав ООН, под флагом прав человека и демократии у нас бомбят суверенные страны, производят гуманитарные интервенции, по периметру границ нашей страны прошли «ботанические» революции, которые на Западе уже 30 лет назад квалифицировались бы не иначе как государственный переворот. То есть рушатся все устои и понятия, лежавшие раньше в поствестфальском международном праве. Поэтому наша задача - по всем фронтам вести полемику, в том числе и за рубежом, вовлекая в эти дискуссии мировое академическое сообщество, в котором этика выше, чем в журналистском сообществе.

Валентин Фалин, *Чрезвычайный и Полномочный Посол, доктор исторических наук*: Мы до сих пор не обозначили, а когда, собственно говоря, началась и закончилась Вторая мировая война. Эрнст Нольте, солидный немецкий ученый, дает свой ответ на этот вопрос в книге «Европейская гражданская война (1917-1945)». Американские президенты Р.Рейган, а затем Б.Клинтон высказывались, что Вторая мировая война кончилась в 1991 году развалом Советского Союза. Надо выяснить, когда она началась, почему она началась, каков был ее главный вектор для той или иной страны, кто были носителями главных угроз и какие условия были поставлены.

Напомню два высказывания - одно Чемберлена, другое Гитлера. Чемберлен говорил: «Чтобы жила Британия, Россия должна исчезнуть». Гитлер выражался еще более четко: «Нам не нужна ни царская, ни советская, никакая Россия».

Изначально это была война на два фронта. Первый и главный фронт был против России, а затем против Советского Союза, а второй фронт был против тех, в ком Соединенные Штаты, англичане, французы, японцы и прочие подозревали или видели реального или потенциального противника.

Приведу пример. Второго сентября 1945 года была подписана капитуляция Японии, то есть закончилась война с Японией. Однако и до сих пор не прояснен вопрос, а когда же Япония начала войну? Ведь официально Япония войну не начинала. По последним данным, погибло 35 млн. китайцев. А число погибших бирманцев, вьетнамцев, малайзийцев, индонезийцев составляет 40 миллионов. Они, однако, не попадают в мартирологи Второй мировой войны. Сколько нужно было убить китайцев, для того чтобы их почтили хотя бы словом за победу во Второй мировой? Это издевательство над здравым смыслом и международным правом.

Когда мы говорим о Ялте, я все время предлагаю открыть текст выступления Ф.Рузвельта 1 марта 1945 года на совместном заседании Палаты представителей Сената Конгресса США. Он говорил, что не может быть ни американского, ни британского, ни китайского, ни русского мира, ни мира больших, ни мира малых наций... это может быть мир для всех, что от добросовестного исполнения тегеранских и ялтинских решений зависят судьбы американских и грядущих поколений всего мира, что американцы должны взять на себя ответственность за выполнение этих решений или взять на себя ответственность за новую мировую войну.

Конгресс США в ответ принял решение, запрещавшее президентам предоставлять Советскому Союзу кредиты на восстановление экономики. Был подготовлен новый проект выступления Ф.Рузвельта, которое он должен был зачитать 13 апреля. В нем отмечалось, что все прежние попытки решать конфликты с помощью силы, вся политика союзов провалилась, что нужно новое мышление. К сожалению, 12 апреля Рузвельт умер, и 13 апреля был дан приказ никаких директив Рузвельта не выполнять.

Новые публикации о Ялтинском соглашении чрезвычайно

важны сегодня. Ведь даже в нашей российской исторической среде высказываются мнения, что раздел мира был издевательством над международным правом. Да, Ялта плохо вписывается в сегодняшнюю ситуацию, мир изменился. Но тогда это имело здравый смысл. Ведь у Рузвельта была и другая идея, высказанная Молотову в июне 1942 года, - разоружить после войны всех, кроме США, СССР, Великобритании и, может быть, Китая. Ни победители, Франция и другие страны, ни побежденные, Германия, Япония и так далее, не должны иметь вооруженных сил. А четыре державы должны применять свою силу только по взаимному согласию и никогда друг против друга. Утопия.

Рузвельт был крайне противоречив, не раз по его вине события едва-едва не развернулись в другом направлении, были попытки и развернуть Вторую мировую войну против нас в феврале-марте 1940 года, были попытки развернуть некоторые события против нас в конце 1941 года. Я как-то спросил у Киссинджера, знает ли он подоплеку Атлантической хартии. Почему в ней нет упоминания о нападении Германии на Советский Союз? Нападения Японии на Китай? А он говорит: «Что вы имеете в виду?» Я отвечаю: «Имею в виду ноту, по которой по предложению англичан Атлантическая хартия была передана Японии - дальнейшие экспансии нетерпимы». Слово «дальнейшие» в переводе с дипломатического языка значит, что все, что до того, об этом давайте говорить, а дальше - будем согласовывать.

Это чудо, что мы выстояли в этой войне, потому что практически один на один мы должны были решить в 1941 году важнейшую стратегическую задачу.

Я спрашивал маршала Конева, какое из его сражений он считает самым главным. Он говорил: «Несомненно, битва под Москвой, вот тогда решалась наша судьба, судьба всего мира, будущее человечества. Именно тогда Германия проиграла начатую войну, эта битва прервала серию молниеносных немецких операций, тогда Германия вынуждена была из-за поражения под Москвой втянуться в оппозиционную войну, в которой у нее не было ни малейших шансов». Гитлер уже в 1941 году признал в кругу своих доверенных генералов, что Вторая мировая война

проиграна и что нужно искать выход из нее политическими средствами, и дал поручение Риббентропу в декабре 1941 года готовить почву для сговора с западными державами.

Мы после развала Советского Союза распахнули свои архивы, хотя и не полностью. Министерство обороны по непонятным причинам некоторые документы продолжает держать в секрете. По моим данным (а моим шефом в МИД некоторое время был И.Ильичев, во время войны начальник нашей стратегической разведки, у меня были хорошие отношения с А.Козыревым - министром иностранных дел, другим Козыревым - начальником секретариата Молотова и многими другими), мы до сих пор еще не все раскрыли. Ну, скажем, из Великобритании во время войны мы получили только по линии политической разведки почти 20 тыс. документов и материалов. Что из них рассекречено? А ведь весь текст, и каждая буква, и каждая запятая в этом тексте может заставить нас по-другому оценить то, что было.

Один пример: 25 июня 1943 года Черчилль направляет Сталину послание: «Мои военные советники докладывают мне, что немцы отказываются от летнего наступления». То есть от операции «Цитадель». Сталин не принял это на веру, он поручил всем нашим разведслужбам проверить информацию. А если бы это не случилось, у нас был бы второй 1941 год. Почему по британской линии нам направлялась подобная дезинформация на протяжении всей войны? Этот вопрос имеет отношение и к нынешней политике. Если мы по фактам будем судить, то должны сказать, что история Второй мировой войны, история Отечественной войны, к сожалению, пока не написана, мы к этим проблемам только приближаемся. Приходится констатировать, что самоедство, которым занимаются наши так называемые ученые, нам только вредит, и чем дальше, тем больше. История никогда не кончается. Открывая новые документы, новые ситуации, мы всегда будем вынуждены заново смотреть на самих себя.

Анатолий Кошкин, эксперт Центра стратегических разработок, доктор исторических наук: Остановлюсь на ревизии итогов войны: это объективный исторический процесс или политическая конъюнктура? Я пришел к выводу, как

бы это не звучало парадоксально, что это и объективный исторический процесс, и политическая конъюнктура? Объективный исторический процесс, потому что в истории человечества нет такой пары воевавших стран, у которых совпадали бы оценки причин, хода и исхода войны, в которой они участвовали. Обязательно будут различия. Поэтому в какой-то степени это имеет объективный характер.

Вот, например, когда выходили мои книги в Японии (а направление моей работы - Япония, Китай, Восточная Азия), японцы, даже близкие мне идеологически и политически, говорили, что написаны они как будто марсианином. Хотя писал я, и это самое интересное, на основе японских документов. «Как это так, у нас совершенно все по-другому». И действительно, если вы проанализируете их историю не только войны, а вообще японской цивилизации, то увидите, что она совершенно другая. После войны и у них были люди левого направления, которые воспринимали наши оценки, прогрессивные, объективные. Сейчас они постепенно уходят из жизни, и на поверхность выходит националистическая среда, которая возвращается к полному оправданию роли Японии в войне. Пример, Русско-японская война - разве Япония виновата? Бедная Япония! Маленькая островная, окруженная морями, без средств к существованию, без сырья. А тут еще русские в Корее, хотят захватить Японию. Нам не оставалось ничего другого делать, как защищать себя. Маньчжурия? Ведь мы, японцы, говорят они, воевали в Восточной Азии против белого империализма, против белого колониализма, мы освобождали эти страны! Но ведь вместо западного империализма они имели документальные планы внедрить свой японский империализм. Об этом они не говорят!

Теперь об отношениях с нами. Высадка войск в 1918 году? У них называется «направление войск», они даже не признают слово «интервенция». Надо было, мол, помочь белочехам и вообще бедному русскому народу как-то облегчить его положение в борьбе против большевиков, навести порядок.

С японской точки зрения, Халхингол - план Сталина. Он хотел нанести по японцам удар, чтобы не допустить заключения Трой-

ственного пакта Германии, Италии, Японии и посеять сомнение у Гитлера в целесообразности тесного военного союза с Японией.

Дальше - 1941 год: мы, японцы, никогда даже не помышляли напасть на Советский Союз в 1941 году, Мацуока подписал пакт, мы его очень бережно соблюдали, а то что миллионную армию у ваших границ держали, это мы опасались вашего нападения. А то что они сковывали советские войска, косвенно участвуя во Второй мировой войне, об этом молчат. Я, например, убежден, что, если бы японцы не проводили по согласованию с гитлеровской Германией политику сковывания до трети наших войск на Дальнем Востоке, война была бы короче и жертв было бы меньше.

По Ялте у японцев также своя позиция: в конференции мы не участвовали, а следовательно, не обязаны следовать ее решениям. Но они забывают, что Япония и не могла участвовать, так как воевала на другой стороне.

Считаю датой окончания Второй мировой войны дату разгрома милитаристской Японии. В течение более 20 лет мы боролись за восстановление этой даты. В 1990-х годах большинством депутатов Думы была принята резолюция с требованием восстановить хотя бы в реестре дней воинской славы России день победы над милитаристской Японией, если не хотите обижать Японию, то день окончания Второй мировой войны. Но против выступил козыревский МИД, ссылаясь на то, что, мол, денег нет на празднование, да и не корректно праздновать победу, которая была достигнута в результате использования атомных бомб. Получается, что мы сбросили атомные бомбы? Кстати, в Японии, я сам это проверял, многие школьники считают, что атомные бомбы сбросили не американцы, а мы, потому что в учебниках написано - Советский Союз вступил в войну, была сброшена бомба, а кто сбросил, не написано.

Михаил Демурин, директор программ Института динамического консерватизма, Чрезвычайный и Полномочный Посланник II класса: Намечены очень важные векторы обсуждения. Связь смысла и образа победы с геополитикой - важнейший момент. Необходим очень серьезный и критический взгляд на многие понятия, которые в обиходе у нас

замылены, целенаправленно стираются, на многие исторические события и личности, с тем чтобы вернуть им чистоту смысла и образа и тем самым помочь людям воспринимать и эти понятия, и все, что связано с ними.

Вот конкретный пример. Формула победы в войне 1812 года зафиксирована Пушкиным в стихотворении «Клеветникам России»: «И ненавидите вы нас... // За что ж? ответствуйте: за то ли, // Что на развалинах пылающей Москвы // Мы не признали наглой воли // Того, пред кем дрожали вы? // За то ль, что в бездну повалили // Мы тяготеющий над царствами кумир // И нашей кровью искупили // Европы вольность, честь и мир?..» Формула на века, мы ее прикладываем ко Второй мировой войне, к Великой Отечественной войне, она верна на 100%. Но вот в какой-то момент либерализации нашего общества это стихотворение уходит из наших учебных программ и в либеральном сознании вообще предается анафеме.

Есть еще прекрасная формула смысла и сути борьбы и победы во Второй мировой войне, зафиксированная Твардовским в «Тёркине»: «Бой идет святой и правый. // Смертный бой не ради славы, // Ради жизни на земле». Но и Теркин, и эта формула победы исключены из обязательной программы в школе. А формула великая, потому что здесь сказано, самое главное, что это бой святой, святой в смысле борьбы с антихристианскими силами, античеловеческими силами, правый, смертный, и самое главное, что не ради славы, а ради жизни. И вот исключение из общественного сознания понимания, что это бой был ради жизни, и переключение значения победы на выражение - цена победы. А какова цена победы? А речь ведь идет не о цене победы, а о цене жизни, а жизнь бесценна. Говорить о цене в ситуации, когда грозило тотальное уничтожение нации, и физическое, и смысловое, нравственное, моральное, какое угодно, - абсурдно. Это цена сохранения жизни русского народа и всех народов, населяющих нашу страну.

Мне представляется очень важной и увязка победы с православною верой. Сегодня уже известно, во многих воспоминаниях об этом есть, что в офицерском корпусе Красной армии и среди генералитета Красной армии был значительный процент ве-

рующих воцерковленных людей, но до сих пор ни в одном монастыре не захоронен ни один из героев Великой Отечественной войны. В Новодевичьем монастыре захоронены герои войны 1812 года. Церкви, мне кажется, важно озаботиться тем, чтобы в русских монастырях были похоронены герои Великой Отечественной войны.

Другой момент, это иконография, связанная с молениями, с крестными ходами, которые предвосхищали те или иные битвы. Не самый, наверное, воцерковленный верующий человек К.Симонов в своем стихотворении «Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины?» прекрасно сказал о великой битве 1941 года за Москву: «Всем миром сойдясь, наши прадеды молятся // За в Бога не верящих внуков своих». Он это чувствовал. И этот образ старика в белом, которого они оставляют и который стоит на околице. Это все глубоко христианская поэзия, и глубоко христианские символы, которые должны присутствовать не только в смыслах, но и в образах.

Следующий момент - это победа и сегодняшнее активное поколение России. У нас получается, что сегодняшнее активное поколение ведет огромную работу по увековечению памяти победы, а мемории у них от этого не остается. Мне представляется, что правильным было бы награждать юбилейными медалями победы не только ветеранов, но и историков, молодых историков, которые борются за доброе имя победы, руководителей поисковых отрядов, которые сохраняют останки и восстанавливают кладбища. Эти медали, увековечивающие нашу победу, должны стать общенародными, медалями не только ветеранов. Если они только для ветеранов, то через пять лет некого будет ими награждать, а награждение ими надо продолжать. Награждение молодежи было бы огромным поощрением, символом для молодых, которые тем самым материально приобщились бы к победе.

Еще один вопрос. В Интернете, особенно на сайтах Псковской и Ленинградской областей, есть очень неприятное проявление идеологического наступления наших противников. Я его назвал так: «Мне дедушка рассказывал». Какие-то молодые люди, разумеется под никами, по поводу появившихся книг и серьез-

ных исследований и опубликования серьезных документов вдруг пишут: а мне дедушка на самом деле рассказывал, что все это было не так, и там деревню не сожгли, и вообще на самом деле каратели были не такие страшные, и вообще нас молоком немцы поили. Видимо, были и дедушки, которые, может быть, это и говорили, но не в массовом количестве и не таким хорошо образованным внукам, которые сейчас проводят это идеологическое наступление, ничем не подкрепленное, но работающее на сознание молодежи. Хотел поддержать высказанные здесь мысли В.М.Фалина и вообще общую линию Фонда исторической перспективы по поводу даты начала войны. Это важно с исторической точки зрения. Но в контексте нашего отношения к германскому нацизму важно осуждать его не просто за начало войны, а за то, как велась война. Мне кажется, что когда мы осуждаем его за развязывание войны, мы не совсем правы. Смысловый акцент был несколько смещен, главные преступления - это не начало войны в этот день - тем более что она действительно началась не 1 сентября - и не нападение на Польшу, а то, как велась война, с какими целями и какими методами.

Владимир Кузнечевский, ведущий научный сотрудник Российского института стратегических исследований, доктор исторических наук: Может быть, мое выступление прозвучит диссонансом, но все-таки стержень современных споров в области истории - это позиции. Оставим Запад в стороне, нам их не убедить, они как считали, что это они войну выиграли, так и будут считать. В американских учебниках можете прочесть, что решающий вклад в победу над фашистской Германией внесли США.

Меня гораздо больше волнует наша российская аудитория. Коллеги, которые преподают в гуманитарных вузах Москвы, рассказывают, что первокурсники гуманитарных вузов - это совсем недавнее явление - высказывают мысль, что, может быть, в 1941 году не надо было защищать Ленинград, может быть, надо было сделать его открытым городом, тогда спасли бы сотни тысяч жизней. Они не сами это придумали, автором этой идеи является крупный российский писатель Виктор Астафьев. Другой пи-

сатель - Даниил Гранин пошел еще дальше и сказал, что вообще надо на Великую Отечественную войну посмотреть, так сказать, искоса. Вот до 1944 года это была народная война, Отечественная война, а с 1944-го - захватническая. Границу перешли - и зря это сделали. Надо было остановиться, пусть бы там сами разбирались с Гитлером. Гранин - участник Великой Отечественной войны, и не пристало ему такие вещи говорить, он-то знает, что пытались разбираться. Когда Красная армия вышла на границы, пытались поляки разобраться сами с немецкими войсками, пытались и другие, Прага пыталась - и что? Расколошматили их немцы.

Сейчас мы живем в условиях мирового финансового кризиса, думаю, что стержень этого кризиса отнюдь не финансовый. Кризис носит политический характер, он начался в 1991 году, начался с уходом с мировой арены Советского Союза, и сейчас идет борьба за лидерство между ведущими мировыми силами на первую половину XXI века. Один из театров военных действий разворачивается действительно в истории. В этих военных действиях огромную роль играют новые документы, но все-таки не только документы. Ну, допустим, опубликуют англичане свои переговоры с Рудольфом Гессом, которые они до сих пор секретят. Узнаем мы, что Рудольф Гесс договорился с консервативными кругами Англии окончательно решить еврейский вопрос, и что изменится? Хотя документ документу рознь. Вспоминаю, когда англичане опубликовали знаменитые планы Черчилля начать войну, во всяком случае, военное столкновение с Красной армией 1 июля 1945 года. У нас для русской аудитории это открыл В.М.Фалин. Помню, сидел на кухне, читал, увлекся, стал читать вслух, слышу грохот, а это у жены, как она услышала, сковородка из рук вывалилась. Это было потрясение для нее.

В этой борьбе решающую роль играют не столько документы, сколько позиции людей, прежде всего людей национально значимых.

Игорь Шишкин, заместитель директора Института стран СНГ: Любую историю войны победители и побежденные пишут всегда по-разному. И после войны победители хотят подать ее в одном виде, побежденные - в другом, это нор-

мальный естественный процесс. Но то, с чем мы столкнулись сейчас, - это совершенно иное явление. Оно неслучайно, это не политические ошибки, это не злая воля каких-то отдельных лиц. Распад Советского Союза в 1991 году высвободил мощнейшие силы, которые объективно заинтересованы в пересмотре итогов и самого хода Второй мировой войны, Великой Отечественной. Активизировались силы, для которых важно внедрить в общественное сознание мысль о том, что Советский Союз несет равную ответственность с Германией за начало этой войны и что Советский Союз и нацистская Германия - это близнецы-братья. Такие силы есть на Западе, такие силы есть на постсоветском пространстве, такие силы есть и внутри нашей страны. Что это за силы - отдельная тема, хорошо об этом писал покойный академик Панченко, указывая, что в первой половине XIX века в России появились люди, которые стали бороться не со злом в России, а с Россией как источником зла. Вот для таких людей после 1991 года представилась возможность реализовать свои цели, и победа в Великой Отечественной войне для них - ключевое препятствие. Не развенчав эту победу, они своей цели достичь не могут.

То же происходит и на постсоветском пространстве. Иногда приходится слышать о том, что переписывание истории - это не просто причуда В.Ющенко, что есть стремление урвать какие-нибудь территории от России, получить финансовые компенсации за якобы оккупацию, за геноцид.

Наиболее экзотические претензии предъявляет Прибалтика, там даже официально высказывалась идея - передать Новосибирскую область во временное пользование, выкачивать оттуда ресурсы как компенсацию за нехорошее наше поведение во время войны и после войны.

Давайте называть вещи своими именами. После 1991 года на постсоветском пространстве к власти пришли сепаратисты. И для них самая главная и самая важная проблема - сохранить завоеванное, не исчезнуть, как ночной кошмар, под влиянием центростремительных сил, когда кризис в России закончится. Обеспечить это можно, только если найти надежного хозяина, то есть вступить в НАТО, это задача номер один. А второе - это создать

массовую опору на своих территориях, которая будет препятствовать любым центристским, интеграционным тенденциям. Поэтому обращение к истории совершенно неизбежно, им нужно доказать тезис о многовековой русской оккупации и национально-освободительной войне каждого конкретного - латышского, эстонского, украинского, белорусского и так далее - народа против русских империалистов. Но на этом пути переписывания истории стоит Победа в самой великой войне. Какая национально-освободительная война, какая оккупация, если подавляющее большинство украинцев совместно с русскими плечом к плечу сражались для того, чтобы флаг появился над Рейхстагом? Да и значительная часть прибалтов сражалась тоже против нацистских войск.

Выход из этой проблемы был ими найден в подмене смысла войны. Тезисы те же самые, что и на Западе, что, мол, на Восточном фронте не было борьбы добра со злом, а были два тоталитарных режима, их страны попали в жернова и были вынуждены делать выбор между тем злом и этим. Нельзя сейчас осуждать тех, кто выбрал то зло, такова была страшная война. А после 1945 года свободолюбивые прибалтийские народы, мол, не смирились с тоталитарной оккупацией уже советской империи, так что они могут рассматриваться как члены не антигитлеровской, а антитоталитарной коалиции. Есть такие публикации.

На Украине сейчас пошли еще дальше, у них якобы несколько иная ситуация, многие воевали и на той стороне, и на этой, но зато у них была армия, которая сражалась и с тем злом, и с этим - Украинская повстанческая армия (УПА). И публикуются подобные статьи не только во львовской, но и в киевской прессе, утверждая ни много ни мало, что УПА - это субъект антигитлеровской коалиции. Только таким способом можно подвести идеологическую массовую основу под существование этих режимов. И как нам построить контрдействия, когда, к сожалению, и у нас разворачивается переписывание истории, ревизия и некоторые наши авторы дают трактовки, совпадающие с крайними трактовками, которые высказываются и в Прибалтике, и на

Украине. Единственное, что можно противопоставить, - это правду. Заметьте, что все, кто занимается ревизией, упорно уходят от понятия «Великая Отечественная война». Потому что это понятие означает, что была война не на жизнь, а на смерть для всех народов, в том числе для украинского, эстонского, литовского, латышского. Стоял вопрос: будет существовать эстонский, литовский, другие народы или нет? Тот, кто пошел с немцами, может быть, и искренне ошибался, но объективно становился врагом своего народа, работал на гибель своих народов.

Сергей Дмитриев, главный редактор издательства «Вече»: Сейчас мы готовим к выпуску книгу А.А.Кошкина по России и Японии, вторую «Партитуру...», посвященную Востоку. Делаем книгу И.Максимищева о том, как развалили ГДР и как она присоединилась к ФРГ, и другие. В каталоге около 150 книг, подготовленных ко Дню великой Победы. Вместе с тем на Московской книжной ярмарке Комитет по печати собрал со всех издательств России книги к юбилею Победы, и получилось, что две трети книг - «Вече». На заседании Российского книжного союза выяснилось, что только мы одни представили книги к юбилею Победы. Еще один интересный нюанс, сейчас будем проводить выставки наших книг в госорганах, и вот в одном, не буду называть этот орган, нам сказали, что эту книжку вы лучше нам не привозите. Я спрашиваю, почему? А потому что, видите, какая дискуссия идет о плакатах Сталина по Москве, ее вы нам не привозите. И это книга В.Карпова - Героя Советского Союза, очень известная книга. Люди настолько перепуганы, что даже портретов Сталина и книг с упоминанием его имени боятся, вдруг упрекнули их в сталинизме. С этим надо бороться.

В последнее время наблюдается проблема с реализацией книг. Магазины и книжные сети давно стали коммерческими предприятиями, они не руководствуются патриотизмом, высокими целями, они продвигают книги, которые хорошо продаются.

Сейчас развивается новый элемент книгораспространения - электронная книга. Я предложил бы собрать электронную библиотеку исторических книг о Второй мировой войне и разместить их на этих площадках.

Сергей Михеев, вице-президент Центра политических технологий: Мне кажется, что одной из главных проблем, связанных с попытками пересмотра истории, является ситуация в самой России. Первыми пересматривать историю стали мы, здесь в России, дав пас на постсоветское пространство и в Европу. Мы первые в 1990-х годах вытащили на свет огромное количество совершенно сомнительных фактов, иллюзий, рассуждений, которые стали тиражировать миллионами в своей собственной стране, а затем экспортировать и за пределы России.

Одна из главных трудностей - это сшивки дореволюционного и послереволюционного периодов в истории России. То есть истории до советской власти, истории советской власти, истории после 1991 года. Пока мы говорим, что советская власть была черной дырой в нашей истории, что советский период с 1917 по 1991 годы - период сплошных преступлений и извращений, трудно будет легитимизировать Победу.

Да, было много проблем, да, огромное количество ошибок. Где та страна, где было просто? Да, нужна рефлексия, в чем-то покаяние, но, если говорить, что нельзя любить страну, в которой была советская власть, а, между прочим, именно так делают либералы, мы ничего не добьемся и в трактовке Победы. Поиск форм сшивки досоветского, советского и постсоветского периодов является основной проблемой информационных технологий.

Еще о технологиях - несомненно, борьба за умы молодежи происходит в первую очередь в Интернете. Даже телевидение отходит на второй план. По статистике, в Москве 60% людей до 25 лет всю информацию получают в Интернете. Не в книгах, не газетах и журналах, и даже не по телевидению. Поэтому идти надо в Интернет и осваивать самые современные технологии. Электронные книги важны, но и они уже вчерашний день. Есть, например, масса всевозможных приложений, в том числе и бесплатных, к мобильным телефонам, платформам социальных сетей. Вряд ли можно всерьез рассуждать о том, что это будет прибыльно. Эти мероприятия - затратные, они базируются на двух факторах: энтузиазме людей, которые за это болеют, и государственных вложениях.

К сожалению, во многих странах, в том числе и постсоветских, проблема Второй мировой войны сводится к проблеме холокоста, но это не так. Иначе получается, что Вторая мировая война была войной Гитлера и евреев. А к вам это не имеет никакого отношения, это не ваша проблема. Хотя совершенно очевидно, что планы Гитлера в отношении русских или славянских народов предусматривали уничтожение их основной части, использование остальных как рабов. Если эту трактовку не будем поддерживать, у нас возникнут серьезные проблемы с молодежью. Экстремистские движения очень хорошо эту тему обрабатывают, очень технологично и очень модно ее подают.

Владимир Симиндей, руководитель исследовательских программ фонда «Историческая память», кандидат исторических наук: Хотел бы возразить: замалчивать, что был холокост, недопустимо. Но эта тематика раскрыта не просто так. Мы должны по-новому взглянуть на необходимость ее учета в нашей работе, показывая и рассказывая, что Гитлер действительно хотел сделать со славянскими народами, подключая к этой работе в том числе и еврейские организации. Серьезная работа приводит к практическим результатам. Например, совместное заявление-декларация Президента России Д.Медведева и премьер-министра Израиля Б.Нетаньяху об общем понимании смысла и итогов Второй мировой войны накануне 65-летия победы. Это стало ответом на чрезмерные, как считали уже многие в Израиле и еврейских международных кругах, попытки восточно-европейских и ряда других сил, уравнивать нацизм и коммунизм. Израильцы почувствовали угрозу пониманию смысла холокоста. С нашей стороны мы должны показывать, что, например, жители блокадного Ленинграда уничтожались по схожему, почти идентичному признаку, это был не этнический, а в широком смысле национально-территориальный подход. По планам Гитлера и его союзников, каждый ленинградец должен был умереть.

Очень важна совместная работа, чтобы показать, какова была истребительная политика нацистов. В ряде еврейских организаций мы можем найти союзников в этом важном вопросе.

На Западе мы сталкиваемся с выдающейся безграмотностью

в понимании того, что происходило за польскими границами. Историки об этом знают, есть разница в том, как вели себя германские нацисты на оккупированных территориях в Западной Европе и на оккупированных территориях Советского Союза. У нас нацисты не стеснялись вытворять и по отношению к славянскому населению, и по отношению к евреям такое, что они себе не позволяли делать в Западной Европе. Здесь как раз точка соприкосновения, здесь мы видим и наши первые успехи. Я бы предложил больше стараться искать союзников на самых разных площадках, потому что в одиночку доказать нам свою русскую правду будет очень тяжело.

Александр Наумов, старший научный сотрудник Института проблем международной безопасности РАН, кандидат исторических наук: Задается вопрос, когда начался распад Версальской системы, кто виноват в ее кризисе? Все знают, что система была создана несправедливая, на основе национального унижения целых великих наций - России, Германии. Но встает вопрос, а когда война стала неизбежной? Где та точка невозврата, и кто виноват в том, что война стала неизбежной? В Советском Союзе, в советской историографии вопрос трактовался однозначно - это 1933 год, Гитлер пришел к власти, и мир покатился к войне.

На мой взгляд, это упрощенная точка зрения, потому что Гитлер был хитрым и расчетливым политиком, он прекрасно понимал, что в одночасье уничтожить Версальскую систему невозможно. И только в 1938 году, когда творцы этой системы - Англия и Франция сдали все свои позиции, этот кризис оказался необратимым. Потому что вместо того, чтобы искать решение этого кризиса, англичане и французы посчитали, что лучше этот кризис направить на Восток. Гитлер этим очень ловко воспользовался. И поэтому с 1938 года, когда СССР был изолирован в международной политике, когда СССР перестал быть системообразующим фактором Версальской системы, которым он стал незадолго до этого, когда произошел Мюнхен, процесс стал необратимым. Говоря о пакте Молотова - Риббентропа, надо ясно понимать, что Москва использовала тот факт, что Гитлер четко

следовал своей тактической и стратегической программе, в которой место СССР в качестве жертвы было в самом-самом конце, только после Англии и Франции. Благодаря этому пакту наша страна получила невиданный в дипломатической истории геополитический выигрыш во времени и пространстве.

А когда война закончилась полным разгромом держав оси, Версальской системы больше не существовало, встал вопрос о новой. Она и была как раз сформирована в Ялте, затем - Потсдаме. Называют ее биполярной. Почему? Потому что после войны образовался вакуум силы и его не могли уже заполнить Англия и Франция. Мало того что они были сильно потрепаны войной, они еще и замарали себя в предвоенный период и морально вряд ли уже могли претендовать на роль лидеров человечества. Оказалось, что есть только две державы - США и СССР, - которые смогли создать эту биполярную систему. Спорят о том, хорошая это была система или плохая. Она обладала и устойчивостью, и жесткими правилами. Да, безусловно, существовал риск превращения «холодной» войны в «горячую».

Мне кажется, что только участие России как системообразующего элемента может создавать гарантии прочности любой системы международных отношений. Версальская система завершила свое существование во многом из-за того, что в самый разгар кризиса СССР был изолирован. А биполярная система существовала почти полвека, и только с распадом СССР мир вступил опять в хаос, опять началась анархия, борьба всех против всех. Сейчас на наших глазах формируется новый мировой порядок, новая мировая политическая архитектура. Скорее всего, не будет никакой большой «двойки» - это невозможно. Скорее всего, будет глобальный концерт мировых держав. Так, как это было в XIX веке. И очень важно, чтобы Россия заняла в нем достойное место, потому что без России это просто невозможно, это обречено на провал и хаос.

УРОКИ ВОЙНЫ

Владимир Мединский

*Будущее имеют страны,
у которых есть прошлое.
В.Пикуль*

ПЕРВЫЙ УРОК - ВОЙНУ ВЫИГРАЛИ МЫ

ВЕЛИКАЯ ВОЙНА в очередной раз показала, насколько жизнеспособен наш народ, показала его силу, не побоимся этого слова, его могущество.

В этом первый и главный урок Войны. Наш народ не только непобедим, воюя зачастую один на один с коалицией объединенных стран Европы, но и способен менять судьбы всего мира, создавать новые мировые системы.

Этот урок должен быть нами глубоко усвоен. Он должен лежать в основе нашего национального самосознания, быть краеугольным камнем всей политической пропаганды.

Вместо унылого великорусского мазохизма: дороги... дураки... Сталин идиот... чудовищные потери... бессмысленная

Владимир Ростиславович Мединский - депутат Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, член Генерального совета партии «Единая Россия», писатель, профессор, доктор политических наук, член Союза писателей России.

победа... Вместо этого жалкого скуления да придет осознание главного: мы - вершители истории. Как мы сломали хребет объединенной континентальной Европе Наполеона, так же - и объединенной Европе Гитлера.

Американцы вообще ни разу не скрестили оружие с нацистами до 1944 года - они возились с Японией. И не британцы решили исход войны где-то в пустынях Африки.

Под Эль-Аламейном германские войска были разбиты, бежали, но не было унижительного поголовного пленения, как у стен Сталинграда. Главнокомандующий Эрвин Роммель улетел в Германию на самолете. Тот самый Роммель, которого так боялись союзники, что британский главнокомандующий сэр Клод Окенлек издал совершенно уникальный приказ: «Существует реальная опасность, что Роммель станет для наших солдат колдуном или пугалом. О нем и так уже говорят слишком много. Он ни в коем случае не сверхчеловек, хотя он очень энергичен и обладает способностями. Даже если бы он был сверхчеловеком, было бы крайне нежелательно, чтобы наши солдаты уверовали в его сверхъестественную мощь.

Я хочу, чтобы вы всеми возможными способами развеяли представление, что Роммель является чем-то бóльшим, чем обычный германский генерал. Для этого представляется важным не называть имя Роммеля, когда мы говорим о противнике в Ливии. Мы должны упоминать «немцев», или «страны Оси», или «противника», но ни в коем случае не заострять внимание на Роммеле.

Пожалуйста, примите меры к немедленному исполнению данного приказа и доведите до сведения всех командиров, что с психологической точки зрения это дело высочайшей важности!»

Разумеется, этот документ мог только навести на британцев еще большего страха. Имя Роммеля не называли вслух, как в средние века боялись произнести имя «главного местного дракона», а в детском «Гарри Поттере» не произносят имя Волана-де-Морта.

11 марта 1943 года Роммель был награжден за Африканскую (проигранную) кампанию Бриллиантами (№6) к Рыцар-

скому кресту с Дубовыми листьями и Мечами. Так что эта кампания считалась немцами проигранной в военном плане, но не в психологическом.

Интересно, а как бы повел себя Роммель в плену? Если учесть, что спустя год он участвовал в покушении на Гитлера, то вполне мог согласиться на сотрудничество. Вот была бы козырная карта у британцев в рукаве!

Но взять в плен Роммеля британцы не сумели, даже и не пытались. Зато наши взяли не менее знаменитого немецкого военачальника - фельдмаршала Паулюса.

Только после Сталинграда самим немцам стало предельно ясно - «поход на Восток» обречен. И это сделали мы!!!

Современники и не думали ставить это под сомнение: ни враги, ни союзники.

Так считали гитлеровские генералы: «Для Германии битва под Сталинградом была тягчайшим поражением в ее истории, для России - ее величайшей победой. Под Полтавой (1709 г.) Россия добилась права называться великой европейской державой, Сталинград явился началом ее превращения в одну из двух величайших мировых держав»¹.

Так считал Рузвельт, называя Сталинград «эпической борьбой, решающий результат которой празднуют все американцы» (из письма Сталину, 5 февраля 1943 г.).

Так считал король Великобритании, приславший Сталинграду дарственный меч, на клинке которого выгравирована надпись: «Гражданам Сталинграда, крепким, как сталь, - от короля Георга VI в знак глубочайшего восхищения британского народа».

Вот главный урок: ВОЙНУ ВЫИГРАЛИ МЫ. Остальные нам только помогали.

А рядом с первым и главным - второй важный урок: урок великодушия.

Мы победили, но мы не мстили.

ВТОРОЙ УРОК - УРОК ВЕЛИКОДУШИЯ НАШЕГО НАРОДА

Горе побежденным! (Vae victis)!
Предводитель галлов Бренн,
завоевавший Рим в IV веке до н.э.

В любой войне есть место для мести.

Красная армия до мести поверженным врагам не унизилась.

Хотя у нас, как ни у кого иного, было моральное право и множество оснований мстить: и немцам, и их пособникам разных кровей. Разумеется, во время войны бывает всякое. На войне как на войне. Но на уровне приказов, на уровне системы государство не мстило. Когда солдат Красной армии вошел в Европу, расправы над населением поверженного врага не было.

Наши оппоненты не были бы самими собой, если бы не пытались отнять у нас, перевернуть и эту часть истории. С самых первых лет исторической «перестройки» нашего сознания нам внушается, что Красная армия творила в Европе неслыханные зверства.

В 1992 году вышла книга англичанина Энтони Бивора о взятии Берлина («Berlin: The Downfall, 1945»), мгновенно ставшая европейским бестселлером. Одна из ключевых тем сего творения - зверства Красной армии. Среди всего прочего, по подсчетам Э.Бивора, советские солдаты изнасиловали 2 млн. немок: «Русские солдаты насиловали всех немок от 8 до 80 лет. Это была армия насильников»².

С точки зрения науки эта книга просто не достойна внимания. Автор постоянно путает сноски и ссылки, опирается на слухи и сплетни, местами, кажется, вообще забывает, о чем писал пару страниц назад, в итоге - то описывает страшные морозы и метровый лед, то беженцев, которые тут же спасаются на пароходах. Русские солдаты у г-на Бивора характеризуются только двумя прилагательными: «пьяные» и «неопрятные».

Большие небоевые потери в Красной армии были, оказывается, вызваны тем, что буйнопомешанные русские «стучали по минам и снарядам твердыми предметами». С какой целью они стучали по минам - не объясняется.

Впрочем, когда творится исторический миф, несуразности и фактические нестыковки никого не волнуют. С точки зрения пропагандиста, опус Бивора бьет в цель на все 100.

Дальше - больше. Некий «ученый» - американец Джонсон насчитал уже 15 млн. изнасилований. Точь-в-точь как в анекдоте про монашку, которая дважды в день упорно, не меняя маршрута, ходит через рощу рядом с деревенским трактиром и там ее пьяные негодники неизменно насилуют.

Не углубляясь в детали «исторического» шабаша, назову лишь заголовки некоторых газетных статей и рецензий.

«Ужасный мир после ужасной войны» («The Boston Globe», США).

«Изнасилование в Берлине: История выжившей» («The Independent», Великобритания).

«Рассказ женщины, ставшей военным трофеем» («The Observer», Великобритания).

«Жизнь с русским медведем» («The Independent», Великобритания).

«Варвары» («Daily Mail», Великобритания).

«Они изнасиловали всех немок в возрасте от 8 до 80 лет» («The Guardian», Великобритания).

«Войска Красной армии насилуют даже русских женщин, которых они освобождали из лагерей» («The Daily Telegraph», Великобритания).

Стыдно, но этот миф проник и в Россию. Некоторые современные русские исследователи переполнили свои труды самыми устрашающими подробностями учиненных советскими войсками зверств³.

Недавно мне довелось долго беседовать с нашим замечательным педагогом академиком Ямбургом. Его образовательный центр считается одним из лучших в Москве. Говорят, «новые русские» специально покупают маленькие квартирки поблизости от знаменитой школы, чтобы «оформить прописку в районе» и на законных правах отправить своих отпрысков учиться «к Ямбургу». Ямбург - учитель истории, большой либерал и немного диссидент, в таком славном, искренне окупавском стиле. Заспорили мы об

истории войны и мифах о России. И не удержался Ямбург - с пафосом прочел наизусть целое стихотворение про «сто тысяч изнасилованных немок». Про то, как нам всем должно быть по сей день за это стыдно. Ну, слава богу, хоть не 15 миллионов.

Слушаю Ямбурга и понимаю умом, что, наверное, нет дыма без огня. Наверняка было много чего: и насилие, и месть были... Хоть и совершенно не в категориях «миллионов» и «сотен тысяч». Но одновременно с этим почувствовал я еще одну, совершенно ужасную вещь.

Понял, что, при всем моем сочувствии к невинным немкам, ни черта лично мне за наших солдат в Берлине не стыдно.

Наверное, признаюсь, как-то атрофировано у меня чувство исторической вины.

Каюсь. Посыпаю голову пеплом. Виноват.

Тема русских зверств в Германии 1945-го года не закрыта по сей день. Выходят все новые и новые книги, например, «Freiwild» («Добыча») Ингеборги Якобс. Выпускаются документальные и даже художественные фильмы, например «Безымянная. Женщина в Берлине» Макса Фербербека⁴.

Любопытно, а знают ли авторы, кто первым запустил в массы историю о русских варварах-насильниках? Не знают? Думают, они в этом деле пионеры? Вынужден их разочаровать: «автором идеи», как принято говорить в киноиндустрии, выступает лично маэстро Йозеф Геббельс.

Позвольте процитировать его нетленные строки из гитлеровского официоза «Фелькишер беобахтер» («Народный обозреватель») за 2 марта 1945 года:

«В лице советских солдат мы имеем дело со степными подонками. Это подтверждают поступившие к нам из восточных областей сведения о зверствах. Они действительно внушают ужас. Их невозможно даже воспроизвести в отдельности. Прежде всего, следует упомянуть об ужасных документах, поступивших из Верхней Силезии. В отдельных деревнях и городах *бесчисленным изнасилованиям подверглись все женщины от 10 до 70 лет. Это делается по приказу сверху, так как в поведении советской солдатни можно усмотреть явную систему*»⁵.

Нужно ли тратить ваше время, чтобы доказать лживость этих историй? От Геббельса до Бивора? Не было, конечно, никакого приказа и никакого поощрения зверствам.

Наоборот! Приказ Сталина от 19 января 1945 года:

«Офицеры и красноармейцы! Мы идем в страну противника... Оставшееся население на завоеванных областях, независимо от того, немец ли, чех ли, поляк ли, не должно подвергаться насилию. Виновные будут наказаны по законам военного времени. На завоеванной территории не позволяются половые связи с женским полом. За насилие и изнасилования виновные будут расстреляны»⁶.

Директива Ставки Верховного Главнокомандования, 20 апреля 1945 года.

Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. Потребуйте изменить отношение к немцам, как к военнопленным, так и к гражданским. Обращаться с немцами лучше. Жестокое отношение с немцами вызывает у них боязнь и заставляет их упорно сопротивляться, не сдаваясь в плен. Гражданское население, опасаясь мести, организуется в банды. Такое положение нам невыгодно.

Более гуманное отношение к немцам облегчит нам ведение боевых действий на их территории и, несомненно, снизит упорство немцев в обороне.

2. В районах Германии к западу от линии устья реки Одер, Фюрстенберг, далее река Нейсе (западнее) создавать немецкие администрации, а в городах ставить бургомистров - немцев. Рядовых членов национал-социалистической партии, если они лояльно относятся к Красной армии, не трогать, а задерживать только лидеров, если они не успели удрать.

3. Улучшение отношения к немцам не должно приводить к снижению бдительности и панибратству с немцами.

Ставка Верховного Главнокомандования.

И. СТАЛИН

АНТОНОВ

Мало сказать, что преступные действия жесточайшим образом пресекались командованием. Давайте задумаемся в другое:

кого уличали органы, кого по законам военного времени расстреливали перед строем? Героев. Победителей. Людей, с боями прошедших от Волги до Берлина. Людей, которые очень хорошо знали, что несли в их дом, в Россию нацисты.

За время оккупации Франции погиб примерно каждый четырехсотый житель Франции - 0,25%. При этом не будем лукавить - жертвами становились в основном представители явно очерченных групп населения. «В то время как на оккупированных территориях СССР погиб каждый 5-7-й житель, без какой-либо четкой системы, а просто в рамках этнической политики фашистов»⁷. Стремление к мести у граждан СССР могло бы быть куда более весомым, ярым, личностным.

Массовые зверства? Изнасилование миллионов? Историкам известно точное число советских военнослужащих, наказанных за жестокое отношение к мирному населению (в том числе изнасилования) - 4148⁸.

Это, кстати, вполне соответствует числу солдат союзников, попавших под военный трибунал за изнасилования в 1944-45 годах⁹.

Вы скажете: командиры покрывали своих? Не все случаи доходили до суда? Многие жертвы просто боялись жаловаться? Уверен, что так и есть. Готов с вами согласиться. Но с чего вы взяли, что американские, а особенно английские командиры не покрывали своих солдат? Что там все случаи попали в статистику? Так почему же никто и никогда не говорит о миллионах немок, изнасилованных союзниками? Зверствах англосаксов на оккупированной немецкой территории?

А поговорить есть о чем.

«Когда бои перешли на немецкую землю, хватало изнасилований, - писал журналист Осмар Уайт, - совершаемых боевыми частями и теми, кто следовал за ними. Ситуация менялась от части к части в зависимости от позиции командира. В некоторых случаях преступники устанавливались, отдавались под суд и подвергались наказанию. Армейская юстиция была сдержана, но признавала, что за... сексуальные преступления против немецких женщин некоторые солдаты были расстреляны, чаще всего, если они оказывались чернокожими. Хотя я знаю случаи, когда

женщины были изнасилованы белыми американцами. Никаких мер против этих нарушителей не принималось»¹⁰.

Французские подразделения тоже были не слишком галантны. Настоящим бичом для оккупированных итальянских территорий стали марокканские части «Свободной Франции». В мае 1944 года в городке Монте-Кассино были изнасилованы почти все женщины (до 2 тыс. человек). В Штутгарте французскими частями было изнасиловано 1198 человек, в Виллингене с населением 12 тыс. человек зафиксировано 500 изнасилований¹¹.

Это в Европе. Тут все еще было весьма целомудренно. С душой американские солдаты отрывались на Востоке. Это признавал даже генерал Макартур¹².

«Следует отметить, что большинство американских солдат были пьяны и вели себя неприлично, в городе усиленно занимались барахольством (многие носят на руках по пять-восемь часов), хвалились перед нашими бойцами нанизанными на пальцы кольцами, которые сняли с убитых...» - сообщал политотдел 425-й стрелковой дивизии¹³.

По мнению автора рапорта, «неорганизованные посещения американских солдат в наши [советские] части допускать не следует, так как они своим поведением будут способствовать разложению нашей воинской дисциплины».

Простите, это у кого на руках по пять-восемь отнятых часов? У «дикого степного зверья» из банд Сталина или цивилизованных носителей идеи свободы и демократии? Не будем наивны: что бы ни писал Илья Эренбург про «Убей немца!», его яростные статьи были делом рук журналиста.

И только. Сталин ничего подобного себе не позволял. И Жуков не позволял. И Молотов. Призывов к геноциду со стороны хоть одного руководителя Советской армии и государства не было никогда.

Зато генерал Эйзенхауэр, например, заявлял достаточно внятно: «Все население Германии параноидально. И нет никаких причин обращаться вежливо с этими параноиками»¹⁴.

...Если мы о преступлениях, почему так мало пишут и говорят о ковровых бомбардировках союзниками мирных немецких городов в 1944-1945 годах?

Бомбардировки нацистами английского Ковентри были ужасным преступлением, число погибших хорошо известно - до 60 тыс. человек¹⁵. «Акции возмездия», предпринятые ВВС союзников*, превратили в руины десятки немецких городов, погубили до 600 тыс. мирных жителей стариков, женщин, детей¹⁶.

По десять «проклятых тевтонов» за каждого англичанина.

Но сегодня об этом в политкорректной объединенной Европе - молчок. Действительно, разве кого-то интересует историческая истина? К чему напоминать цивилизованным людям о старых обидах? Лучше посочинять про миллионы немок, изнасилованных ордами русских варваров.

К тому же этот миф для немцев - даже в чем-то полезный - помогает преодолеть комплекс «вечно виноватых». Мол, мы тоже - жертвы, не только немцы совершали военные преступления...

Хотя, на мой любительский взгляд, какой-то обидный, что ли, получается для немцев этот миф. Неужели нельзя было откопать случай, как раненый эсэсовец с Восточного фронта и 28 фольксштурмистов (от 8 до 80 лет соответственно) с одним пулеметом и тремя винтовками сутки удерживали родной Канинхенталь от целого полка «диких Иванов верхом на 34-ках»? Можно было бы и книгу яркую написать, и блокбастер снять.

У мифа своя логика. Превратить немцев из агрессоров в жертв. Приравнять сталинский СССР к гитлеровской Германии. Превратить Красную армию из армии-победительницы в толпу остервенелых уродов.

Но нам-то зачем на это покупаться?

Нам, наоборот, следует помнить, что СССР был (по меркам того сурового времени) режимом жестоким, но не мстительным. Никакого планомерного истребления вчерашних врагов никогда не проводилось и не планировалось.

Не буду больше давить на эмоции, предлагаю теперь поговорить о хлебе насущном. Перейдем на сухой язык цифр и продпайков.

**Отметим - не сразу после Ковентри, не сгоряча, а в 1944-1945 гг., когда советские летчики сковали на Восточном фронте 80% люфтваффе - и для этих акций появилась практическая возможность.*

11 мая 1945 года были утверждены нормы снабжения продовольствием населения оккупированного Берлина.

Из постановления Военного совета 1-го Белорусского фронта:

«...Исходя из установленных ГОКО норм снабжения продовольствием г. Берлина в среднем на одного человека в день: хлеба - 400-450 г, крупы - 50 г, мяса - 60 г, жиров - 15 г, сахара - 20 г, кофе натурального - 50 г, чая - 20 г, картофеля и овощей, молочных продуктов, соли и других продовольственных товаров - по нормам, установленным на месте, в зависимости от наличия ресурсов... доложить Военному совету свои соображения о возможных нормах и порядке выдачи молочных продуктов населению Берлина, а также о возможности передачи минимально необходимого самоуправления Берлина молочного скота из числа трофейного».

Пленный военнослужащий вермахта получал паек - 600 граммов хлеба в день. Максимальный, намного больше пайка нашего, русского иждивенца - 300 граммов*. При чудовищной жестокости сталинского режима к «своим», отметим, что с «чужими», с пленными, обращались даже лучше, чем с собственным населением.

В статье В.Владимирова «Потребительская корзина военнопленного москвича» у меня на сайте¹⁷ приводится Приказ НКВД СССР №001282 от 18 октября 1944 года по нормам продовольственного снабжения военнопленных (1944-1945 гг., когда в плен к нам немцев попадало на порядок больше, чем в 1941-1943 гг.). Что же входило в их ежедневный рацион?

1. Хлеб ржаной из муки 96-процентного помола - 600 г.

**Для населения в СССР было установлено несколько категорий нормированного снабжения. К первой категории относились рабочие оборонной промышленности, ко второй - рабочие других отраслей, к третьей - служащие, к четвертой - иждивенцы и дети. Инженерно-технические работники приравнивались к рабочим соответствующих предприятий. К рабочим были приравнены также врачи, учителя, литераторы, работники культуры и искусства. С осени 1943 г. по первой категории выдавалось 700 г хлеба в день, по второй - 500 г. Служащие получали 400 г, дети и иждивенцы - 300 г. Ответственные работники получали дополнительное снабжение. Дополнительный паек именовали литерным, так как различные его категории обозначались буквами (литерами) - «А», «Б» и т. д.*

При калорийности ржаного хлеба - 210 ккал на 100 г это дает нам округленно 1260 ккал.

2. Мука пшеничная второго сорта - 10 г. Будем считать, что такая мука по калорийности примерно равняется пшеничному (белому) хлебу, то есть 265 ккал на 100 г. Таким образом, это дает 27 ккал.

3. Крупа разная - 70 г. Какая крупа наиболее распространена в армии? Кто служил, тот знает: конечно, перловая! Ее калорийность - 342 ккал на 100 г, что дает 239 ккал в сутки.

4. Макароны-вермишель - 10 г. Калорийность макаронных изделий - 350 ккал на 100 г, то есть это дает нам 35 ккал.

5. Мясо - 30 г. Вероятно, чаще всего это тоже была говядина. Калорийность тушеной говядины - 180 ккал на 100 г, что дает 54 ккал.

6. Рыба - 50 г, и пусть это будет сельдь атлантическая, как и в московской потребительской корзине (во многих лагерных воспоминаниях упоминается, что давали именно селедку). Калорийность - 57 ккал на 100 г, это означает 29 ккал в сутки.

7. Сало или комбижир - 10 г. Калорийность сала - 770 ккал на 100 г, свиного жира - 871 ккал на 100 г. Возьмем среднюю из этих двух цифр и получим 82 ккал в сутки.

8. Растительное масло - 10 г. Как уже говорилось, калорийность подсолнечного масла - 900 ккал на 100 г, что дает 90 ккал в сутки.

9. Томат-пюре - 10 г, его калорийность - около 33 ккал на 100 г, то есть округленно получаем 3 ккал в сутки.

10. Сахар - 17 г. Калорийность - 505 ккал на 100 г, это 86 ккал в сутки.

11. Чай суррогатный - 2 г. Не учитываем.

12. Соль - 10 г. Тоже некалорийная.

13. Лавровый лист - 0,1 г.

14. Перец - 0,1 г.

15. Уксус - 0,7 г.

Интересно отметить, что чая, соли, перца и уксуса немецкому военнопленному полагалось 12,9 г в сутки - практически столько же, сколько заложено в потребительскую корзину современного москвича (13 г).

16. Картофель - 400 г. Калорийность отварного картофеля - 60 ккал на 100 г, это 240 ккал в сутки.

17. Капуста квашеная и свежая - 100 г. Калорийность белокочанной капусты - 23 ккал на 100 г, квашеной - 28 ккал на 100 г. Если взять среднюю из этих двух цифр, то получим около 26 ккал в сутки.

18. Морковь - 30 г. При калорийности 33 ккал на 100 г - это 10 ккал в сутки.

19. Свекла - 50 г, ее калорийность - 40 ккал на 100 г, то есть это 20 ккал в сутки.

20. Лук репчатый - 10 г. Калорийность - 43 ккал на 100 г, то есть это 4 ккал в сутки.

21. Коренья, зелень, огурцы - 10 г. Калорийность огурцов - 15 ккал на 100 г, укропа - 30 ккал на 100 г, хрена - 49 ккал на 100 г...

Итак, суммируем! И получаем 2200 ккал в сутки на одного военнопленного. 19 мая 1945 года приказом НКВД СССР №00540 питание военнопленных было в очередной раз улучшено. И энергетическая ценность этого первого послевоенного рациона равнялась уже 2542 ккал. Нормы суточного довольствия немецких военнопленных в 1945 году, в условиях послевоенной разрухи были выше, чем так называемая минимальная потребительская корзина москвича в 2001-2005 годах (закон города Москвы №49 от 17 октября 2001 г. «О потребительской корзине в городе Москве», продлен законом города Москвы №46 от 21 сентября 2005 г.)!

Гуманизм русских к врагам резко контрастирует с поведением других европейских народов.

В Чехословакии изгнали из страны всех немцев: почти 3 млн. человек из 12. Немцы были *вторым* по численности народом Чехословакии. Их было больше, чем словаков! Их изгоняли с невероятной для добродушных чехов жестокостью: только в ходе изгнания немцев из Брно на так называемом «марше смерти» - несколько тысяч человек. «Уже зимой 1945 года, ожидая скорого прихода советских войск, проживавшие в Польше немцы двинулись на запад, а местное польское население приступило к массовому насилию по отношению к беженцам - писал журнал «Экс-

перт» в 2008 году. - Весной 1945 года целые польские деревни специализировались на грабежах бегущих немцев - мужчин убивали, женщин насильовали». Летом 1945-го польские власти начали сгонять немецкое население в концлагеря, где к зиме смертность порой достигала 50%. 13 сентября 1946 года был подписан декрет об «отделении лиц немецкой национальности от польского народа». По оценкам Союза изгнанных немцев, всего из Польши было изгнано около 3 млн. человек.

Из Венгрии депортировали до 600 тыс. этнических немцев.

В Югославии немецкие погромы унесли жизни 60 тыс. человек, 350 тыс. немцев были депортированы из страны.

Всего 14 млн. немцев были выгнаны из своих домов в Восточной Европе после окончания войны. 2 миллиона из них не смогли добраться до Германии живыми¹⁸.

Но это - отношение к немцам. А к собственным грешникам? К коллаборационистам, вольным и невольным пособникам нацистской оккупации?

Во Франции де Голль требовал *вечного* поражения в правах каждого, кто не шел со «Свободной Францией» и ее союзниками. А много ли говорят сегодня в Европе про так называемый «лежачий коллаборационизм»? Во Франции стандартным поводом для ареста и ссылки женщины после 1945-го было обвинение в том, что она «добровольно» спала с немецким военнослужащим. Делалось это строго по законному решению суда.

В Югославии же и в Польше с коллаборационистами обычно разбирались без судебных формальностей.

На этом фоне советский режим, как он ни был жесток, оказывается на удивление еще не самым злопамятным. Многие, даже подозреваемые в связях с бандеровцами, прибалтийскими «лесными братьями», власовцами, если они сами не совершали преступлений, имели шанс остаться на свободе. А в 1955 году вообще были амнистированы. Все.

Что же делать? Оправдываться? Объясняться? Защищаться?

Но оправдываешься - значит, все-таки виноват. Ну нет, мы же честные. Мы скажем: конечно, были случаи... Не так много, как нам приписывают, но вот были... Хотя вот у американцев было не меньше...

Или попробовать наступать? На войне как на войне, и на войне информационной тоже необходимо переходить от обороны к атаке.

Почему бы не снять пока по «Европьюс» серию документальных фильмов о бомбежках Германии в 1944-1945 годах? С рассказами свидетелей, кадрами хроники, фактами и цифрами. Такой фильм, чтобы всякому стало ясно: союзники были просто зверьем. Название напрашивается: «Растерзанная Германия»?

Может, заказать Марии Арбатовой феминистский поп-опус «Американские насильники»: о страданиях немецкой Гретхен в зоне оккупации союзников?

Может, отправить Валерию Новодворскую за рубеж? С серией публичных лекций на эту же тему? Возможно, со ссылками и на личный опыт?

А вот еще почти традиционный сюжет для контрпропаганды: про американских негров. Не про то, как «их у них вешают», а вполне актуальный - про негров в армии США. Все военное ведомство США было строго сегрегировано: черные и белые служили, как правило, отдельно.

При строительстве Пентагона в 1942 году были сделаны, как и во всех госучреждениях, отдельные туалеты: «обычные» и с табличками «for whites only» («только для белых»). Но вмешался Рузвельт и смелым президентским решением запретил вешать традиционные таблички. В результате общее количество туалетов оказалось в два раза больше необходимого. Тем не менее ничего в Пентагоне не изменилось: все и так знали, кому в какой туалет положено ходить.

В Европе порой негры женились на европейских дамах, но по возвращении в США пару ждали трудные времена: жить супругам предстояло раздельно, зачастую - в разных кварталах города.

Отменили сегрегацию в армии только в 1948-м, указом Президента Трумэна¹⁹.

Так что шутки шутками, а если серьезно - нам есть куда наступать.

ТРЕТИЙ УРОК - ПОБЕДУ НУЖНО ЗАЩИЩАТЬ

*«Что-что? Кемскую волость?
- О, я, я! Кемска волост! О, я, я...
- Да пусть забирают на здоровье»...*

Не в первый раз предлагаю: давайте исходить не из деталей истории, а из нашего отношения к ним. Из фактов всегда конструируется миф. Именно он живет в народе, именно он формирует отношение к прошлому, определяет коллективную историческую память. Миф - это матрица. Все новые получаемые нами знания обычно накладываются уже на этот матричный миф.

А какой миф нужен нам самим? Думаю, что он, может быть, и похож, и в то же время не похож на миф о Войне советского времени.

Нам незачем сегодня прятать от самих себя страницы, не соответствующие советскому официозу. Наша история - не о государстве и не об идеологии, а о народе.

Мы не отрицаем секретных протоколов 1939 года. Но и не считаем их позором. Такие договоры хотели подписать или подписывали с Гитлером, по сути, все. Сталин лишь оказался проворнее других. Так нам что теперь, каяться, что наши лидеры перехитрили западных?! Не дождутся.

Для нас Договор о ненападении стал драгоценной фойей, оттяжкой уже неизбежного начала войны. Мы проклинаем многие преступные деяния Сталина, но именно это решение - приветствуем. Мы не считаем бессмысленной и проигранной «зимнюю войну» с Финляндией. Мы ее выиграли, ибо получили все, что нам было от этой войны необходимо.

Мы не унижались до мести. Мы не устроили конюшни в доме Гёте, как нацисты - в доме Толстого в Ясной Поляне, и не стерли с лица Земли Берлин и Дрезден, как они - десятки наших городов и десятки тысяч деревень.

Война стала временем массового героизма, реализацией лучших качеств нашего многонационального народа. Сталинская пропаганда многократно искажала события, создавала образы-

штампы. Что ж... Любая пропаганда искажает события, и осуждать ее нелепо - она действует в условиях войны.

Великая Отечественная дает урок того, что народ непобедим, пока есть идея... и это была не коммунистическая идея, а любовь к своему Отечеству, Родине, дому, семье.

Та же идея, что двигала русскими партизанами и в 1812 году, и в 1709-м, когда Карл XII вторгся на Украину, и в 1612 году, когда народ поднялся против поляков.

Мы знаем далеко не всех своих героев. Наша задача в том, чтобы узнать о них как можно больше, чтобы этот список был максимально полон. Мы обязаны помнить этих людей. Мы должны пропагандировать их деяния, гордиться ими, называть их именами улицы и станции метро, снимать о них кино, вешать их портреты в школах и госучреждениях.

Говорят, на совести маршала Жукова много крови и бессмысленных жертв. Мол, любимым присловьем его было: «Бабы еще нарожают». Мы должны знать, это - ложь. Это был полководец, который стабильно обеспечивал на своих участках фронта низкий - самый низкий из возможных - уровень потерь.

Да, Г.К.Жуков был тяжелым человеком. Он жил и творил - а полководческий талант предполагает самое настоящее творчество сродни композиторскому - под чудовищным давлением: противника, обстоятельств, власти, завистников. Деликатно объяснять, убеждать подчиненных ему было некогда, да, наверное, он не считал это нужным: Жукову доставались самые сложные участки и проваленные другими задания. Он мог наорать и, может, действительно отхлестать кого-то из проштрафившихся генералов по щекам. Он всегда был недоволен, и нередко даже после успеха вместо похвалы из его приказов несло: «Плохо! Медленно! Неумело!» И что же?

Для нас сегодня что существенно? Для нас важно то, что там, где Жуков, - там победа!

А у нас что, мало было таких людей?! Если даже говорить только о полководцах: а Мерецков? А Конев? А Ватутин? Василевский! Малиновский! Толбухин! Рокоссовский! Говоров! Генерал армии Антонов - замначальника Генштаба, который после

Сталинграда планировал *все* победные операции нашей армии?

Леня Голиков и Зоя Космодемьянская, Вера Волошина и Зина Портнова не носили генеральских погон. А вечную нашу память - заслужили. Нам, как и раньше, в далеком СССР, по-прежнему нужны книги и фильмы о героях, нужны их бюсты, мемориальные доски и памятники, нужны классы и студенческие группы, борющиеся за право носить их имена.

Не думаю, что самосознание людей можно сформировать президентским указом или официальным запретом на «фальсификацию истории». Черные мифы не побеждаются постановлениями партии и правительства.

Но чувство гордости за свою историю можно и должно формировать: и через пропаганду, и через произведения искусства.

На сайте Московского Дома книги www.mdkarbat.ru проводился опрос: «Какое произведение о ВОВ вы считаете обязательным к прочтению?» Вот список для голосования:

К.Симонов «Живые и мертвые»,
Б.Васильев «А зори здесь тихие»,
В.Быков «Пойти и не вернуться»,
В.Некрасов «В окопах Сталинграда»,
Ю.Бондарев «Горячий снег»,
Г.Бакланов «Навеки девятнадцатилетние»,
Е.Носов «Красное вино победы»,
А.Твардовский «Василий Теркин»,
С.Смирнов «Брестская крепость»,
А.Чаковский «Блокада»,
Б.Полевой «Повесть о настоящем человеке»,
М.Шолохов «Судьба человека»...

Ответ «Обязательны к прочтению - все книги списка» дали 30% проголосовавших. Я тоже так проголосовал. Только вот ведь какая история... Зашел накануне Дня Победы в книжный, в детский отдел. Как раз перед 65-летием. Вижу, есть немало книг про Войну для детей. Красивые яркие книжки, замечательно изданные, с большими буквами, картинками. И изложено все грамотно, адаптировано для младшего школьного возраста: что должен знать ребенок о пионерах-героях, о защитниках Москвы, Ста-

линграде, битве за Берлин... Все очень здорово. Только каждая книжка - 350-400 рублей. Каждая! Толщиной в 50 толстеньких глянцевого страниц.

Понятно, что на общем фоне предпраздничного ажиотажа кто-то что-то своим детям из этой серии купит. Но ведь такие книги должны бесплатно раздаваться! Ну, не бесплатно - так за символические деньги. Должны печататься государством и вручаться каждому школьнику. Только прочти! Только полистай!

Мы по-прежнему живем в тылу той Войны. Война все дальше, но каждое новое поколение входит в жизнь благодаря Победе. И об этом ему надо непрестанно напоминать.

Иногда власть начинает проявлять к этой теме какой-то интерес. Всем памятно отмечание и 60-летия Победы, и особенно - 65-летия. Имея под рукой такую «колотушку», как телевидение, можно и не самые убедительные доводы-выводы вклотить в головы, опустошенные сериалами, танцами на льду, программами-максимум и прочей дребеденью.

Да вот беда, понимания, что на самом деле значит та война и чем грозит пересмотр ее итогов для сегодняшнего мира - а главное, для России! - нет до сих пор.

А ведь ответ прост. «Это элементарно!» - как говаривал герой другого известного в истории дуумвирата.

Пересмотр итогов Второй мировой войны - ни больше ни меньше есть часть большого плана по изъятию у России ресурсов и территорий.

Успокойтесь, в этом нет никакого масонского заговора. Все произойдет мирно, официально и в рамках международного права.

Давайте выстроим простую логическую цепочку.

Шаг первый. Он уже сделан. Назначаются виновники войны. Ее, как теперь считается, начали Гитлер со Сталиным, подписав секретные протоколы к пакту Молотова - Риббентропа. Ее начали вместе, Третий рейх с СССР. Продолжаем...

Шаг второй. Определяются проигравшие в войне. Раз ее начали силы Зла, то победили в ней силы Добра. Зло - тирания: Сталин с Гитлером, добро - Америка, Британия и вообще демократия. Хитрец Сталин затесался в ряды победителей, ну ниче-

го, эту историческую нелепость мы исправим. Все равно в итоге сталинизм (=нацизм) потерпел крах. Частично в 1956-м, а окончательно - в 1991-м. Кто не верит - посмотрите на карту мира. О'К. Едем дальше.

Шаг третий. Определяется, какое наказание должны понести виновные в развязывании войны, они же проигравшие. Германия, положим, за все уже расплатилась в 1945-м, а вот Россия как преемница СССР - еще нет. А ведь должна! Должна вернуть незаконно оккупированные Калининградскую область, Курильские острова, Сахалин, Карелию, Выборг. И заодно уж - Приморье, Кавказ. Не рыпаться с Осетиями и Абхазиями. Уйти навсегда из СНГ и Восточной Европы, убрать свой бизнес из Европы Западной. «Челси» можно оставить. Этот чемодан без ручки нам самим даром не нужен. Вот так.

Я сейчас спрямляю, пропускаю промежуточные этапы. Как видите, здесь нет никакой теории заговоров. Все делается чисто информационными методами.

Воевать за Курилы и Восточную Пруссию никто с Россией не будет.

Дорого, хлопотно, рискованно. Зачем принуждать, если сами отдадим? Нужно только нам самим *поверить* в то, что отдать - это правильно и справедливо. Как в проклятом 1991-м, когда страна совершенно без всякой войны понесла территориальные потери, невиданные в своей истории. И ведь все еще радовались - или почти все...

Поверьте, истина никому не нужна. Востребованы только манипуляции ради конкретных материальных целей. Целей - гигантских по размерам.

Какая к черту историческая наука? Даешь территории и контрибуции! Успевай нарезать московитские земли, пилить наш лес да качать природные ресурсы.

¹Дерр Г. Поход на Сталинград // Оперативный обзор. М., 1957.

²Beevor A. Berlin: The Downfall, 1945. London, 2002.

³Веревкин С.И. Самая запретная книга о Второй мировой войне. М., 2009.

- ⁴Брошенные в Берлине // Le Monde. 24.12.2008.
- ⁵Геббельс Й. Последние записи. Смоленск, 1998.
- ⁶Приказы Верховного Главнокомандующего в период Великой Отечественной войны. М., 1975.
- ⁷Дюков А. За что сражались советские люди: «Русский НЕ должен умереть». М., 2007.
- ⁸Лавренов С.Я., Попов И.М. Крах Третьего рейха. М., 2000.
- ⁹Лавренов С.Я., Попов И.М. Указ. соч.
- ¹⁰White O. Conquerors' Road. NY, 1948.
- ¹¹Keeling R.F. Gruesome Harvest, 2000.
- ¹²Svoboda T. Race and American Military Justice: Rape, Murder, and Execution in Occupied Japan // The Asia-Pacific Journal: Japan Focus // www.japanfocus.org
- ¹³Богомолов В.О. Жизнь моя, иль ты приснилась мне?.. // Наш современник. 2005. № 10.
- ¹⁴Irving D. Nuremberg: The Last Battle. London, 1996.
- ¹⁵Эрлихман В. Потери народонаселения в XX веке. М., 2004.
- ¹⁶Эрлихман В. Указ соч.
- ¹⁷medinskiy.ru/potrebitelskaya-korzina-voennoplenного-moskvicha-Vladimirov
- ¹⁸Сумленный С. Изгнаны и убиты // Эксперт. 28.07.2008.
- ¹⁹Frailer E.F. The Negro in the United States. New York, 1957.

СИМВОЛ СПРАВЕДЛИВОСТИ И НАДЕЖДЫ

К 65-ЛЕТИЮ НЮРНБЕРГСКОГО ПРОЦЕССА НАД ГЛАВНЫМИ НЕМЕЦКИМИ ВОЕННЫМИ ПРЕСТУПНИКАМИ

Иван Кравченко

НЮРНБЕРГСКИЙ ПРОЦЕСС - событие такого масштаба, что его исследование, равно как и оценка его значимости выходят далеко за рамки сфер права, истории, дипломатии и международных отношений. Это был один из тех тектонических сдвигов, которые сформировали облик нашей цивилизации. Принципы Нюрнберга стали неотъемлемой частью современной системы социально-политической организации общества и объединяют все созидательные силы, выступающие за верховенство закона и мирное сотрудничество всех наций.

И сегодня, спустя 65 лет, для большинства людей Нюрнбергский трибунал остается символом справедливости и праведного воздаяния, гарантией правосудия и надеждой на то, что зло не остается безнаказанным, даже если оно способно подчинить своим интересам и сделать орудием преступлений целое государство, прикрываясь национальным и «народным»

Иван Игоревич Кравченко - третий секретарь Третьего Европейского департамента МИД России, кандидат политических наук.

интересом, государственным суверенитетом, армией, передовыми технологиями и подавляющей волю пропагандой.

Велико значение Нюрнбергского трибунала и в морально-этической плоскости: именно на суде над главными немецкими военными преступниками были неопровержимо развенчаны мифы и ложь, которыми нацисты ослепляли германский народ и весь мир. Были доказаны изначальные захватнические планы нацистской верхушки, а также несостоятельность пропагандистских трюков Й.Гёббельса о превентивной войне против СССР. Человечеству впервые открылась историческая правда о фашизме и фашистской агрессии, впервые были собраны воедино и обнародованы ужасающие доказательства нацистских преступлений¹. Фашистская идеология, с культом экспансии, ненависти и разрушения, псевдонаучными теориями расового превосходства, была объявлена вне закона. Была осуждена сама форма безраздельного и жестокого диктата силы, создавшего посредством террора, фальсификаций и лжи целый мир, в котором «разум был врагом нравственности. Логика требовала согласия на преступление. Рациональная защита своей собственной жизни призвала к непротивлению, уничтожению другого человека»².

При этом процесс не стал расправой победителей над побежденными. Нацистскую верхушку судили по законам цивилизованного мира. Устав трибунала (IV ст. 16) предусматривал процессуальные гарантии для подсудимых: право защищаться в суде лично или при помощи защитника, ходатайствовать о вызове свидетелей и допрашивать свидетелей лично или через защитника, представлять суду доказательства в свою защиту, давать объяснения по предъявленным обвинениям и обратиться к суду с последним словом³. Обвинительный акт был вручен всем подсудимым за 30 дней до начала процесса. Как отмечал во вступительной речи главный обвинитель от США Р.Х.Джексон: «Мы должны добиться такой беспристрастности и целостности нашего умственного восприятия, чтобы этот судебный процесс явился для будущих поколений примером практического осуществления надежд человечества на справедливость»⁴. Сами нацисты, как показывает история, были весьма далеки от подобного благородства.

Несостоятельными оказались и попытки тех, кто пытался придать суду общую антигерманскую направленность, выставить трибунал как судилище над потерпевшим поражение германским народом и представить, таким образом, подсудимых в роли мучеников. Германский народ был жестоко и подло обманут нацистами, зомбирован и развращен постоянным промыванием мозгов на тему расовой исключительности. По словам главного обвинителя от СССР Р.А.Руденко, «подсудимые годами отравляли совесть и разум целого поколения немцев, воспитывая в них чванство «избранных», мораль людоедов, и алчность грабителей...»⁵. По их вине Германия оказалась в руинах, а немецкий народ обескровленным и дискредитированным на многие годы. «Нацистский кошмар придал самому слову «немец» новое и злое значение, которое будет ассоциироваться с этим словом еще целые столетия. Сами немцы не меньше, чем остальной мир, имеют свой счет для того, чтобы предъявить его подсудимым»⁶.

Адвокаты нацистских преступников всячески пытались оправдать своих подзащитных, вольно или невольно продолжая успешно применявшуюся руководством Третьего рейха линию лжи, фальсификации и пропаганды. В данном контексте трудно решиться на их осуждение - защищать и выгораживать зло на этом процессе была их обязанность, продиктованная, как это ни парадоксально, стремлением к справедливости. Без всякой тени иронии надо отдать должное высочайшей профессиональной компетенции этих людей: тезисы, на которых строилась линия защиты и которые в итоге были признаны судом несостоятельными на фоне неопровержимых доказательств вины подсудимых, живы и активно, может, лишь в несколько подретушированном виде, тиражируются по сей день.

Прежде всего, прослеживалась четкая установка на то, чтобы переложить вину за совершенные злодеяния на лиц, которых не представлялось возможным привлечь к ответственности: Гитлера, Гимmlера, и Геббельса, которые к тому моменту были уже мертвы, и Бормана, осужденного заочно. Главным виновником всех совершенных нацистами преступлений являлся, со слов адвокатов, Гитлер, который был «одним из величайших правонаруши-

телей, известных мировой истории»⁷. Первоисточник зла, как оказывается, - «беспринципность приказов и характера Гитлера, который ни на минуту не задумывался над вопросом чести германской армии, принимая свои внезапные решения»⁸. Свои злодейские цели фюрер, которому эти люди еще не так давно клялись в вечной верности и готовности пожертвовать жизнью, «маскировал так удачно, что ему верили как в стране, так и за границей, и, как показали представленные доказательства, верили даже члены его собственного кабинета, не посвященные в тайные планы...»⁹.

Если следовать общей логике адвокатов, то подсудимые были лишь исполнителями, сыгравшими «поистине трагическую роль... в самой ужасной драме всех времен»¹⁰. Все они верили в законность правительства Гитлера и рассматривали себя как инструмент законного правительства¹¹. Этих людей принуждали действовать тем или иным образом, они обязаны были выполнять приказы. Они положительно относились к личности Гитлера «до тех пор, пока тот не стал проявлять свои человеконенавистнические стороны»¹². А усилия некоторых из них «покончить с недостатками были безуспешными»¹³.

Таким образом, была сделана первая попытка закрепить всю вину и ответственность за совершенные злодеяния за исключительно узким, строго определенным кругом лиц, исключив из него и оставив за его пределами основную массу тех, кто был не менее виновен. Говоря проще - надо было найти козла отпущения. После окончания Нюрнбергского процесса и вынесения приговора круг главных виновников пополнился осужденными, прежде всего приговоренными к смертной казни, и дополнительно расширился за счет включения в него организаций, признанных преступными: руководящего состава нацистской партии, гестапо и СД, СС, СА*. Но границы его остались довольно четко очерченными, что дало основу для последующего выгораживания и оправдания преступных по своей сути действий герман-

**За исключением оправданных Г.Шахта, Ф.фон Папена и Г.Фриче, а также не признанных преступными организациями правительственного кабинета, генерального штаба и высшего командования германских вооруженных сил.*

ских чиновников, юристов, предпринимателей, ученых и военнослужащих вермахта, которые тоже теперь выставляются просто исполнителями чужих приказов, не знавшими ни истинных масштабов злодеяний, ни их конечной цели.

Примечательно также стремление адвокатов отвлечь внимание от творимых нацистами злодеяний, приравнивая страдания немецкого народа к горестям жертв нацистской агрессии. «Германскому народу известно, что значит это несчастье, так как он разбит, как никакой другой народ, не только в военном отношении, но и вследствие ужасных воздушных налетов, миллионных потерь в рядах своей молодежи, оставшихся навсегда на поле битвы, эвакуации, бегства в мороз и стужу. Итак, мы знаем, что такое Несчастье, мы знаем, что значит страдать»¹⁴. На фоне последствий тех жестоко-стей, разрушений, массового уничтожения людей и грабежа, которые творила «высшая раса» на оккупированных территориях, подобные заявления выглядят издевательски и кощунственно.

При этом, пространно описывая горести немцев на развалинах Третьего рейха, адвокаты всячески отождествляли печальную судьбу нацистской Германии с судьбой всей Европы: «Закончившаяся война принесла всему человечеству такие несчастья, размеры которых трудно себе представить. Война превратила Европу в часть света, истекающую кровью из тысячи ран, она оставила от Германии одни лишь развалины»¹⁵.

Задача прикрыть свои преступления страданиями немцев органично вписывается в общую политическую линию нацистской партии: понятие «немецкий народ» было весьма удобным средством достижения политических целей и универсальным лозунгом. За ширмой интересов германского народа нацисты боролись за власть, тонко и вероломно играя на желании немцев покончить с национальным унижением после поражения в Первой мировой войне, на стремлении к достойной жизни, справедливости и порядку. Под тем же лозунгом началась захватническая экспансия, порабощение и грабеж народов Европы. Во благо германского народа началось преследование, а затем уничтожение евреев. Ради него же была развязана Вторая мировая война, в ходе которой тех же немцев превратили в бездушных зомби и безжалост-

но использовали в качестве палачей и пушечного мяса. И после окончания войны, спасая свою шкуру, нацистские руководители опять попытались прикрыться немецким народом, чьи горести должны были давить на жалость и снисхождение победителей.

И сегодня тезис о равнозначности страданий немцев и жертв нацистской агрессии продолжает свое существование. Его активно используют в СМИ, чтобы отвлекать внимание от таких тем, как зверства на оккупированных восточных территориях, уничтожение гражданского населения, издевательства и опыты над пленными, массовое и системное разграбление культурных ценностей. Помимо всего прочего, это еще и весьма известная в современной политике, циничная попытка подмены понятий «агрессор» и «жертва».

Если в дальнейшем развивать этот ложный посыл, то надо искать виновных в общих страданиях разоренных Второй мировой Германии и Европы. А отсюда недалеко до пропагандистских приемов Й.Гёббельса о превентивной войне Германии против Советского Союза, опровергнутого в ходе Нюрнбергского процесса на основании многочисленных документальных свидетельств. Как заявлял на суде защитник «нациста №2» - Г.Геринга: «Геринг, как и Гитлер, был убежден в том, что Германия неизбежно станет жертвой мирового революционного большевизма... При этом Гитлер, безусловно, исходил из того, что Германия в основном составляет с Западом единое целое в культурном, экономическом и политическом отношении. Он считал, что большевистская опасность, направленная в первую очередь против Германии, угрожает также и западным странам. Поэтому он надеялся, что, объявив идеологическую борьбу против Востока, сумеет постепенно добиться ее признания и поддержки со стороны Запада»¹⁶.

Сегодняшние последователи адвокатов нацистского дьявола как в самой Германии, так и в других европейских странах небезуспешно продолжают извращать историческую правду, развивая вышеперечисленные тезисы. Делается это весьма изощренно, путем манипулирования фактами, подгонки вырванных из исторического контекста сведений и оценок под заданную концепцию, в рамках законодательства и с опорой на конституционные нормы, обеспечивающие свободу слова и доступ к информации. Ряд истори-

ческих сюжетов просто замалчивается, как, например, план «Ост», являющийся не чем иным, как программой геноцида многонационального советского народа, уничтожение советских евреев, блокада Ленинграда, обращение с советскими военнопленными, зверства в отношении мирного населения, насильственный увод граждан СССР на принудительные работы, разграбление культурных ценностей и многое другое. Принижается или вовсе отрицается решающая роль Красной армии и Советского Союза в разгроме фашизма. Ряд правых политиков, политологов и историков пытаются ставить знак равенства между политическими режимами Гитлера и Сталина, утверждать, что Вторая мировая война есть результат столкновения одинаковых по своей сути тоталитарных систем. Даже больше - что Советский Союз не менее нацистской Германии виновен в разрушениях и несчастьях народов Европы.

Если в ходе Нюрнбергского трибунала данные тезисы были несостоятельной попыткой оправдать нацистских преступников, то сегодня все это преподносится как поиск исторической правды, новое, свободное от политики и идеологии видение истории. Иные оценки отвергаются как недемократичные, обусловленные политическим заказом, давлением тоталитарной системы и т.д.

Те, кто под различными благородными предлогами пытается «открыть наши глаза» на якобы скрываемую, ранее никому не известную историческую «правду», движимы разными мотивами. Здесь и стремление выгодно продать острую сенсацию - получить прибыль от успешной реализации информационного товара, и личная неприязнь к России и ее народам, нередко всего лишь незнание истории и грубейшее дилетантство, а зачастую просто желание качественно и добросовестно выполнить заказ, не слишком заботясь о морально-этической стороне вопроса.

Неудивительно, что эту тематику активно подхватывают и раскручивают некоторые западные СМИ. Здесь все проще - нет такого количества рамок и ограничений. В печати, на телевидении и в кино незачем придерживаться каких-либо критериев, предъявляемых к научной работе, воздерживаться от эмоционально окрашенных комментариев, необоснованных оценок и привлечения сомнительных «свидетельств». В итоге, к примеру, дей-

ствия Красной армии, в частности на территории Германии, расписываются не иначе как «зверства», «гнусные преступления», «резня». Создается успешно применяемый еще Й.Геббельсом образ восточных варваров, движимых жадой мести и сметающих на своем пути цивилизацию¹⁷. Причем после распада СССР и объединения Германии подобная риторика значительно усилилась.

Книжные магазины завалены мемуарной литературой военнослужащих вермахта, люфтваффе, кригсмарине и ваффен-СС, в красках повествующей о высоком профессионализме и самоотверженности немецкого солдата. Только почему-то в них не описывается, как эти доблестные профессионалы гнали мирное население расчищать дороги от мин голыми руками, как распарывали животы, замораживали людей в кадках с водой, издевались над женщинами, отрезая выступающие части тела, пальцы рук и ног, не описывают, как вырезали раскаленными ножами звезды на наших военнослужащих и развешивали раненых на телеграфных столбах, не упоминают массовые убийства детей, издевательства над военнопленными. Все это - доказанные в ходе Нюрнбергского трибунала преступления, причем не только эс-совцев, но и обычных солдат вермахта¹⁸. Память этих «героев», которые все без исключения «ничего не знали» и «ни в чем не участвовали», весьма избирательна.

Это при том, что в ФРГ на официальном уровне всячески подчеркивается высокое и непреходящее значение покаяния, исторической ответственности немецкого народа и государства за преступления фашистской Германии, а попытки ревизии истории германского нацизма и Второй мировой войны рассматриваются как категорически недопустимые. Использование и распространение нацистской атрибутики - символики, лозунгов, речевок и приветствий строго (до трех лет тюрьмы) карается германским законодательством (ст. 86 и 86а уголовного кодекса ФРГ¹⁹). Подобные меры пресечения распространяются также и на символику запрещенных партий и групп неонацистского и правокстремистского толка - с 1949 года в Германии было запрещено 77 подобных организаций. Германия в целом позитивно характеризуется, в частности, такими организациями, как Центр Си-

мона Визенталя, за твердую позицию и активность в вопросах преследования нацистских преступников.

Тем не менее линия официальных властей и законодательные барьеры не являются препятствием для описанных выше тонких, завуалированных попыток фальсификации истории. Делается все это аккуратно, с мастерским применением методов и инструментария «мягкой силы» и рассчитано не на сиюминутный эффект, а на постепенное промывание мозгов и формирование нужного отношения к этой проблеме потребителей данной информации. Сама продукция фальсификаторов истории - будь то «научные» работы, статьи в печатных СМИ, документальные или художественные фильмы и т.д., - как правило, сделана весьма солидно. Они не навязывают свои идеи, а аккуратно предлагают их как более качественную альтернативу. Материал подается легко, без громких лозунгов, не отягощен излишней «научностью», но при этом увесисто аргументирован и способен заинтересовать самые широкие круги населения. В него умело вкрапляются элементы, апеллирующие к простым человеческим чувствам - жалости, состраданию, неприязни и отвращению. Эта ложь увлекательна, она затягивает, и, что самое опасное, как любой качественный материал, она может быть приятной для чтения или просмотра.

Отдельная тема - неприкрытая, прямая и легальная героизация нацистских преступников в Латвии и Эстонии. Бывших легионеров ваффен-СС и коллаборационистов объявляют участниками национально-освободительных движений, национальными партизанами и пострадавшими от коммунистического режима. Им открывают памятники и проводят в их честь соответствующие общественные мероприятия. Официальные власти если и не принимают участия в подобных безнравственных акциях, то в любом случае не препятствуют их проведению. В Литве активно реализуется линия на уравнивание преступлений нацизма и сталинизма - в литовском Сейме дорабатывается проект поправок к уголовному кодексу, предусматривающих уголовное наказание за публичное отрицание или умаление агрессии Советского Союза и нацистской Германии против Литвы.

Верхом кощунства и насмешкой над международным правом

стал оглашенный 17 мая 2010 года окончательный вердикт Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ) по делу бывшего советского партизана Василия Кононова. Вопреки принятому в июле 2008 года оправдательному постановлению малой палаты ЕСПЧ, большая палата ЕСПЧ, после предпринятого по настоянию Риги повторного разбирательства, признала правомерность выдвигаемых латвийским судом против ветерана Великой Отечественной войны обвинений в убийстве мирных граждан. «Мирные граждане» в данном случае - пособники нацистов, помогавшие выявлять и уничтожать партизан, а бывший партизан назван в приговоре «представителем оккупационных властей бывшего СССР»²⁰.

Получается, что человек, боровшийся с фашистскими оккупантами, сам объявлен военным преступником, а истинные преступники, таким образом, косвенно оправданы как пострадавшие «мирные граждане». Данное решение представляет собой опасный прецедент - это попытка законодательно оправдать политику ревизионизма и поставить под сомнение решения Нюрнбергского трибунала. С морально-этической точки зрения если данные критерии теперь вообще применимы к оценке ЕСПЧ, это не что иное, как глумление над всеми, кто боролся против нацистской агрессии и кто пострадал от нее.

Все эти явления в политической, социальной и культурной сферах, обусловленные субъективными факторами, протекают на фоне более масштабных и, к сожалению, необратимых процессов. Мы становимся свидетелями постепенной естественной эрозии исторической памяти. По мере того как навеки уходят участники и очевидцы Второй мировой войны - в данном случае не важно, с какой из воюющих сторон или какой национальности, - острота восприятия нашим и последующим поколениями этой глобальной катастрофы притупляется. Время стирает четкость и яркость осознания всей глубины трагизма происходившего. Отношение к Второй мировой войне постепенно вытесняется из измерения нравственно-этического и замыкается в лишенной эмоций и чувств, все более обособленной области науки.

Но без эмоций и чувств, без личного сопереживания, без веры, наконец, историческая память существовать не может. Это прежде

всего то, что в сердце каждого из нас. В этом контексте каждый из нас несет долю ответственности за ее сохранение. Обезличивание, эмоциональная отстраненность и, как итог, безразличие - путь к забвению. Как отмечал известный исследователь холокоста социолог Зигмунт Бауман: «Самозаживление исторической памяти, которое происходит в сознании современного общества... гораздо больше, чем просто оскорбление жертв геноцида. Это еще и знак опасной и самоубийственной слепоты»²¹. Хотя в данном случае речь шла о холокосте, уверен, что идея справедлива в отношении всех жертв нацистского режима.

Тонко подмечено и в отношении слепоты. Ведь именно основывающаяся на исторической памяти парадигма восприятия позволяет даже человеку с весьма поверхностными знаниями истории ориентироваться в нескончаемом потоке оценок, мнений и интерпретаций, отделять зерна от плевел, интуитивно отвергать ложь и попытки извратить правду. Иными словами, это иммунитет к масштабному промыванию мозгов в СМИ, Интернете и прочих информационных средах.

Очевидна и обратная взаимосвязь: эрозия исторической памяти обеспечивает возрастающую свободу маневра фальсификаторам, ревизионистам и беспринципным дилетантам. Чем больше мы будем забывать, чем равнодушнее мы будем относиться к живой истории, тем больше нам будут «напоминать» лжецы, самопровозглашенные «историки» и те, кто лоббирует с виду безобидное «другое» мнение.

По вполне понятным причинам проблемы ревизионизма, фальсификации истории и разрушения исторической памяти весьма актуальны для Российской Федерации. В контексте национальных интересов нашей страны фальсификация истории, в частности периода Второй мировой войны и роли Советского Союза в победе над фашизмом, - это попытка лишить народы России их героического прошлого, разбить фундамент нашего единства, стереть нашу культурно-историческую идентичность, облить грязью и опорочить то, что свято для всех нас. В свою очередь историческая память в качестве комплекса нравственно-этических примеров твердости духа, храбрости, стойкости, самоотверженного служения Отечеству и героизма является неотъемлемой частью на-

шей коллективной общенациональной морали. Разрушая ее, мы разбиваем основы социальной стабильности нашего общества.

Если не сдерживать эти вредоносные выбросы в глобальную информационную среду, нечистоты будут постепенно разъедать памятник нашей истории. Идеалы героизма и патриотизма потеряют всякий смысл. Капля за каплей яд лжи начнет отравлять наше сознание, формировать у одних губительные чувства вины, стыда и неполноценности, у других - беспринципность, безразличие, приспособленчество и тупую покорность перед силой обстоятельств, неуважение к своему государству. Это как раз то, что в свое время не удалось достичь нацистам. Общество без исторических корней и прочного морально-этического фундамента обречено на разложение.

Нельзя не отметить, что искажение правды в истории способно нанести вред нашей стране и в международных делах, в частности стратегическому партнерству России и Германии, одной из системообразующих основ которого является выбранный народами наших государств курс на историческое примирение. Я уже не говорю об отношениях с рядом стран Центральной и Восточной Европы и Прибалтики.

Потенциальный масштаб вреда для России соизмерим разве что только с пагубностью отрицания холокоста для народа Израиля. Как и совершенно справедливая твердая реакция Израиля и мирового сообщества на попытки отрицания холокоста, наша реакция на извращение исторической истины о роли народов России в разгроме фашизма и освобождении Европы должна быть принципиальной, системной и, если потребуется, жесткой. Попустительство в данном случае сравнимо с бесплодной и опасной политикой умиротворения агрессора. Великодушие и снисходительность по отношению к лающим на слона москкам будут восприниматься не иначе как слабость, неспособность и нежелание постоять за себя. Равнодушно принимать эту клевету мы не имеем права из уважения к 27 млн. наших сограждан, павших в бою, пропавших без вести, умерших от ран, голода и лишений, погибших в аду бомбежек и артобстрелов, сгинувших в концлагерях и плену, расстрелянных и замученных нацистами.

О готовности реагировать на попытки подмены исторической

правды свидетельствует, прежде всего, создание в соответствии с Указом Президента Д.А.Медведева (от 15 мая 2009 г. №549) Комиссии при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России. Работа на данном направлении обретает, таким образом, системность и долгосрочные ориентиры, ведется общая координация научно-исследовательской и культурно-просветительской деятельности. Разобщенно и хаотично бороться с переписыванием и искажением истории невозможно.

Однако, помимо комиссии как координирующего органа, для эффективной деятельности на данном направлении должна существовать развитая инфраструктура: способная самостоятельно функционировать сеть научно-исследовательских и научно-просветительских организаций, архивов, «thinktanks» при профильных государственных ведомствах, фондов, СМИ и киноиндустрии, общественных объединений ветеранов и лиц, пострадавших от нацистского режима. Необходимо привлечение частных спонсоров.

Не следует забывать, что в этом благородном деле у нас много потенциальных союзников за рубежом. Наша комиссия - далеко не единственная в мире структура, призванная ограждать историческую истину от посягательств. Есть и другие, как государственные, так и неправительственные, национального и международного масштаба. Есть много видных ученых, политиков, предпринимателей и общественных деятелей, для которых беречь историческую правду и хранить историческую память - дело чести и принципа. Мы вполне можем установить с такими организациями и частными лицами рабочие контакты, координировать наши усилия и действовать сообща в рамках подготовки и проведения совместных научных и культурно-просветительских мероприятий, профильных публикаций и издательской деятельности, работы в информационной сфере и привлечения спонсоров.

Немаловажным было бы активно задействовать здесь международный опыт, в частности инструментарий публичной дипломатии, передовые PR-технологии и механизмы «мягкой силы». Все это уже на протяжении нескольких десятилетий успешно применяется в Европе и Америке, в том числе и

продавцами и распространителями эрзац-истории. Пора сказать им петровское «спасибо за науку».

Бороться с фальсификацией и эрозией исторической памяти одними жесткими формулировками, пестрыми лозунгами и партийными установками, громкими выступлениями и давно уже устаревшей критикой просто глупо. Над нами будут смеяться. Как показывает практика, подобные методы в современном обществе отпугивают, вызывают отвращение и работают в конечном итоге против нас. Сухие научные изыскания, исчерпывающие доказательства и документальные свидетельства абсолютно необходимы, и они у нас есть, но все они работают только в сфере науки, сфере довольно замкнутой и обособленной, оказывающей без должного посредничества тех же СМИ весьма незначительное влияние на общественное мнение как у нас в стране, так и за ее пределами.

Бесспорно - правда и истина на нашей стороне, нам незачем врать, выдумывать и прибегать к информационным уловкам - у нас есть факты, незачем доказывать с пеной у рта - у нас давно есть неопровержимые доказательства и, слава Богу, пока еще остались свидетели. Но тех, кому все это интересно или хотя бы небезразлично, увы, немного. Все больше и больше людей как у нас в стране, так и за рубежом имеют весьма поверхностные знания в области истории и не проявляют к ней особого интереса - а ведь именно это незнание и равнодушие являются благодатной почвой для насаждения всяческого рода лжи. Поэтому борьба с извращением исторической правды и эрозией исторической памяти - это борьба за умы и сердца простых обывателей. Она подразумевает многолетнюю системную работу с общественным мнением за рубежом и не менее масштабную деятельность по расширению и углублению профильных знаний у наших сограждан, прежде всего молодого поколения.

Залог успеха - ориентированность не только и не столько на академические и медиакруги, сколько на простых граждан. Если мы хотим донести историческую правду до каждого, то она должна преподноситься как качественная, интересная информация, будь то в печати, на экране или в Интернете.

Весьма полезным начинанием с точки зрения сохранения

исторической памяти и борьбы с фальсификацией является создание таких открытых интернет-ресурсов, как «Подвиг народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», представляющий собой сборник электронных копий картографических материалов и документов о ходе и итогах основных боевых действий, подвигах и наградах советских военнослужащих, а также ОБД «Мемориал», объединяющий данные о потерях в период Великой Отечественной²². Подобные проекты необходимы, чтобы успешно конкурировать с нашими противниками в информационной сфере. Пока, к сожалению, мы отстаем от них на несколько лет.

Пройдитесь по нашим книжным магазинам и вы увидите большое количество тех самых мемуаров бывших солдат и офицеров вермахта, СС, люфтваффе и т. д., каждый из которых претендует на истинность и объективность на правах участника и очевидца. Воспоминаний советских военнослужащих или же просто свидетелей трагических событий тех лет, не говоря уже о работах российских историков, в той же Германии я не увидел.

В современном мире, чтобы добиваться сохранения исторической правды, ее нужно лоббировать, всячески продвигать и финансово подпитывать, иначе ее нишу в глобальном информационном пространстве займет ложь, чьи заказчики и авторы неразборчивы и отнюдь не стеснены в средствах.

Иногда необходимо действовать жестче, открыто называть вещи своими именами, не бояться критиковать и опровергать ложь, а также указывать на тех, кто ее распространяет. Успешные тому примеры - активно практикуемая в европейских странах реакция по отношению к тем, кто был замечен в отрицании холокоста в научных работах, статьях в СМИ и Интернете, публичных выступлениях и комментариях. Подобные выпады никогда не остаются без внимания, и им всегда сопутствует должное информационное сопровождение, заслуженная публичная критика и порицание. Списки особо отличившихся на этом позорном поприще доступны мировой общественности в сети²³.

В ряде случаев было бы весьма полезным предать широкой огласке в Интернете и СМИ информацию о трудах и деятельности тех историков, журналистов, общественных и политических фи-

гур, позволяющих себе оправдывать коллаборационистов и героизировать нацистских преступников, извращать правду и очернять героические страницы нашего прошлого. Каждый, кто интересуется историей, будет иметь возможность дать им свою оценку. Но это - скорее крайние меры и исключение из общего правила.

В складывающейся ситуации, когда историческая правда о сущности фашизма, нацистских преступлениях и роли Советского Союза в избавлении мира от коричневой чумы предается забвению, подменяется псевдонаучной ложью, а сама история превращается в медийную попку, информационный товар, продаваемый, покупаемый, рекламируемый и используемый как средство ослабления, разобщения и раскола в обществе, мы вновь вынуждены оглянуться на Нюрнбергский процесс. Оглянуться с надеждой.

Тогда, 65 лет назад, весь цивилизованный мир увидел истинные масштабы нацистских злодеяний и той лжи, которой они были прикрыты. Попытки извратить правду, выгородить преступников и уйти от ответственности, внести раскол в лагерь союзников, используя фальсификацию и обман, были документально опровергнуты и признаны несостоятельными. В этой борьбе с ложью мы действовали передовыми методами цивилизованного мира, проявив благородство по отношению к поверженному врагу, в котором тот нам отказывал, вообще не считая нас за людей, и судив его по закону, который тот в принципе отвергал, считая уделом слабых. И в этой борьбе мы победили.

Искренне надеюсь, что люди, которым безразлична наша история, помнят: основной и решающий вклад в Победу принадлежит единому многонациональному советскому народу, а главное оружие Победы - стойкость, храбрость, самоотверженность и героизм всех советских людей, сражавшихся на фронтах и трудившихся в тылу.

Очень хотелось бы, чтобы не только потомки, но и весь мир не забыл их подвиг.

¹См.: Нюрнбергский процесс и современность / Отв. редактор В.В.Пустогаров. М.: Институт государства и права АН СССР, 1986. С. 125; см. также: Нюрн-

берг предупреждает: от нацизма до терроризма: Материалы международной конференции «Нюрнбергский процесс - история и современность» (2-3 октября 2001 г., г. Москва). М.: Издательство НОРМА, 2002. С. 13, 52.

²Бауман Зигмунт. Актуальность холокоста. М.: Издательство «Европа», 2010. С. 240.

³Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. Сборник материалов в семи томах / Под общ. ред. Р.А.Руденко. М.: Гос. издательство юридической литературы, 1960. Т. 1. С. 70.

⁴Там же. С. 280.

⁵Там же. С. 464.

⁶Там же. С. 283. (Из вступительной речи главного обвинителя от США Р.Х.Джексона.)

⁷Там же. Т. 5. С. 688. (Речь К.Кауффмана, защитника подсудимого Э.Кальтенбруннера.)

⁸Там же. С. 674. (Речь О.Нельте, защитника подсудимого В.Кейтеля.)

⁹Там же. С. 727. (Речь О.Панненбекера, защитника подсудимого В.Фрика.)

¹⁰Там же. С. 677. (Речь О.Нельте, защитника подсудимого В.Кейтеля.)

¹¹Там же. С. 650.

¹²Там же. С. 681. (Речь К.Кауффмана, защитника подсудимого Э.Кальтенбруннера.)

¹³Там же. С. 722. (Речь А.Зейдля, защитника подсудимого Г.Франка.)

¹⁴Там же. С. 649-650. (Речь О.Нельте, защитника подсудимого В.Кейтеля.)

¹⁵Там же. С. 620. (Речь А.Зейдля, защитника подсудимого Р.Гесса.)

¹⁶Там же. С. 599. (Речь О.Штамера, защитника подсудимого Г.Геринга.)

¹⁷См.: Späte Bemühungen// Der Spiegel. Nr. 1/2009; Töte die Deutschen// Focus. Nr. 50 (1997).

¹⁸Обвинительное заключение // Нюрнбергский процесс... Т. 1. С. 121-125.

¹⁹См., например, на созданном Федеральным министерством юстиции ФРГ ресурсе <http://www.gesetze-im-internet.de/stgb/index.html>

²⁰Российская газета (Федеральный выпуск) №5184. 18 мая 2010.

²¹Бауман Зигмунт. Указ. соч. С. 10.

²²<http://www.podvignaroda.ru> и <http://www.obd-memorial.ru>

²³См., например, статью в Википедии, посвященную отрицанию холокоста (Holocaustleugnung).

ОПЕРАЦИЯ В АРДЕННАХ

Виктор Золотарев

К КОНЦУ 1944 ГОДА вермахт проиграл практически все сражения на западном фронте, и войска союзников антигитлеровской коалиции уже добрались до границ Германии. Союзная авиация регулярно наносила массированные удары по ее городам, разрушая промышленность и инфраструктуру. В результате летне-осенней кампании на Восточном фронте у ворот рейха стояла и Красная армия. На Западе англо-американские войска освободили летом Нормандию и Южную Францию, Бельгию; осенью, наступая через Вогезские горы, освободили большую часть Эльзаса и Лотарингии (северо-восток Франции) и вышли к Рейну¹.

В поисках выхода из критического положения, в котором оказалась фашистская Германия, немецкое командование приняло решение осуществить контрнаступление на западном фронте. Цель его заключалась в том, чтобы внезапным ударом разгромить союзные войска на северном участке фронта и тем самым создать предпосылки для переговоров с США и Англией о почетном для рейха сепаратном мире, а затем обратить все силы на Восток для продолжения войны против Советского Союза. Большие надежды фашистское руководство Германии возлагало и на моральный выигрыш от возможно-

Виктор Анатольевич Золотарев - вице-президент Российской академии естественных наук, доктор исторических наук, доктор юридических наук.

го успеха контрнаступления: по заявлению генерала А.Йодля, Гитлер полагал, что это позволит расстроить планы союзников на длительный срок и вынудит последних произвести принципиальный пересмотр своей политики².

Расчеты гитлеровского руководства строились на том, чтобы, используя разногласия, существовавшие по ряду вопросов между СССР, с одной стороны, США и Англией - с другой, расколоть антигитлеровскую коалицию и таким образом избежать полного поражения и безоговорочной капитуляции Германии. Выступая 12 декабря 1944 года на совещании высшего командного состава войск, действовавших на Западе, Гитлер говорил: «Нужно иметь в виду следующее. В мировой истории еще не существовало коалиции из столь чужеродных элементов, преследующих столь различные цели, какую создали наши противники... Тот, кто внимательно следит за развитием событий, не может не видеть, что противоречия между нашими врагами с каждым днем все более усиливаются. Если теперь нанести по ним несколько мощных ударов, то в любой момент может случиться, что этот «единый», искусственно поддерживаемый фронт внезапно рухнет с оглушительным грохотом, подобным раскатам грома»³. Генерал-фельдмаршал Г.Рундштедт при вторичном вступлении на должность командующего войсками на Западе, исходя из указаний Гитлера, заявил, что будет «бороться за выигрыш времени для подготовки своего наступления с целью ликвидации угрозы немецкой земле»⁴.

Решение о контрнаступлении на западном фронте фашистское командование приняло в середине сентября, то есть в тот момент, когда ему стало ясно, что американско-английские силы не смогут прорвать «линию Зигфрида» с ходу и их удастся задержать на этом рубеже. В последующем оно все более убеждалось в правильности своего решения. К середине октября определился в общих чертах план операции, получившей кодовое наименование «Вахта/Стража на Рейне» - («Die Wacht am Rhein»*),

*В американской историографии данная операция называется «*Battle of the Bulge*» - «Битва за выступ» (иногда некорректно переводится на русский как «Битва при Бульже»), в Великобритании - «*Battle of Ardennes*» - «Битва при Арденнах».

что являлось одним из элементов по дезинформации союзной разведки. Гитлеровская ставка намечала нанести силами 25 дивизий (в том числе семи танковых) удар на арденнском участке фронта (через Арденны*) в северо-западном направлении на Антверпен с целью отрезать здесь всю британскую группу армий, а также американские войска в районе Ахена от сил союзников, действовавших во Франции. Предполагалось, что эта задача будет решена на седьмой день после начала наступления. «Цель операции, - указывалось в директиве Гитлера от 10 ноября 1944 года, - заключается в том, чтобы путем уничтожения сил противника севернее линии Антверпен - Брюссель - Люксембург добиться решающего поворота хода войны на Западе и тем самым, возможно, и войны в целом»⁵.

Планируя контрнаступление, немецкое командование стремилось использовать слабые места в обороне союзников и нанести внезапный удар там, где они меньше всего его ожидали. В начале декабря 1944 года обстановка на западном фронте была для них относительно стабильной. После успешной кампании во Франции и кровопролитных боев в Бельгии союзникам была необходима передышка для подготовки нового наступления в глубь Северной Германии, намечавшегося на вторую половину декабря. В начале зимы 1944 года войска союзников, насчитывавшие около 2 млн. человек - 54 дивизии, стояли на подступах к так называемому Западному валу (линия немецких фортификационных сооружений, проходившая по германской границе с Бельгией и Францией), в том числе 40 американских, около 10 тыс. танков и самоходных орудий, почти 8 тыс. самолетов (без учета транспортной авиации).

Кроме того, в резерве главнокомандующего экспедиционными силами находились четыре воздушно-десантные дивизии. «Недавно на театр военных действий прибыла американская 11-я бронетанковая дивизия, а 17-я воздушно-десантная дивизия находилась

**Арденны - небольшая горно-лесная местность, расположенная в Бельгии на стыке с Люксембургом и Германией. Через Арденны немецкие войска прорывались во Францию еще в годы Франко-прусской войны 1870 г., в ходе Первой мировой войны в 1914 г., а также в 1940 г.*

в Соединенном Королевстве, готовая отправиться на континент, 87-ю пехотную дивизию также можно было доставить в угрожаемый район в пределах приемлемых сроков. В английском секторе, далеко на севере, Монтгомери готовился к новому наступлению. К этому времени он имел один корпус полного состава, не задействованный в операциях. Мы были уверены, что при наличии таких резервов на любое наступление, предпринятое немцами, мы можем в конечном счете эффективно ответить»⁶.

Арденнский участок фронта рассматривался союзным командованием как наиболее «тихий» (из-за труднопроходимых дорог в условиях горной местности в предстоящем наступлении союзников никакой роли данному участку не отводилось, союзным командованием не рассматривалась возможность каких-либо активных действий в Арденнах и со стороны немцев). Поэтому к середине декабря 1944 года в Арденнах на участке протяженностью около 80 км было рассредоточено всего четыре союзных дивизии⁷, входившие в 8-й корпус. Одна из них только что прибыла из США, две дивизии были укомплектованы не полностью. Объясняя причины, по которым оборона арденнского участка оказалась непрочной, Черчилль писал: «Решение союзников нанести сильный удар из Ахена в северном направлении, а также через Эльзас - в южном - очень существенно ослабило наш центр»⁸.

Таким образом, наиболее уязвимым местом в обороне американско-английских войск был слабо прикрытый арденнский участок фронта. К северу же и югу от Арденн действовали крупные силы американцев, включавшие значительное количество бронетанковых дивизий. Для отражения удара немцев союзники могли перебросить с других участков фронта в течение нескольких дней до десяти полностью укомплектованных дивизий, хорошо оснащенных противотанковой артиллерией. Бронетанковые дивизии американцев имели по штату 263 танка и не испытывали недостатка в горючем.

Немецко-фашистские войска к началу контрнаступления насчитывали 73 дивизии (в том числе 11 танковых) и 3 бригады. Дивизии были гораздо слабее союзных как по количеству личного состава, так и по вооружению. Неукомплектованность мно-

гих из них достигала 30-40%. По оценке англо-американского командования, все немецкие соединения соответствовали по своей боевой мощи 39 союзным дивизиям.

Для контрнаступления гитлеровское командование создало группировку в составе 21 дивизии за счет перегруппировок на западном фронте и вновь сформированных дивизий. Несколько соединений было переброшено из Дании и Норвегии. Кроме того, предполагалось в ходе операции ввести в сражение до пяти дивизий из резерва ОКВ⁹.

В период подготовки контрнаступления в Арденнах привлечение сил с Восточного фронта исключалось, потому что советские войска вели мощное наступление на его южном крыле, осуществляли операции в Заполярье, Латвии и вступили в Восточную Пруссию. К тому же немецко-фашистское командование имело все основания предполагать, что зимой 1944/45 года последуют еще более мощные удары советских вооруженных сил. 4 декабря 1944 года Гитлер с тревогой сообщал главе венгерского фашистского правительства Салаши о том, что очень скоро резервы, имеющиеся на Западе, потребуются для переброски на Восток, так как «русские в самое ближайшее время начнут гигантское наступление против Восточной Пруссии и Верхней Силезии»¹⁰. Естественно, в этих условиях оказалось невозможным создать группировку войск, способную осуществить далеко идущие планы на Западе.

Впоследствии бывший начальник генерального штаба сухопутных войск вермахта генерал Гальдер писал: «Силы, использованные для наступления в Арденнах, были последними грошами обнищавшего человека... Во всяком случае, недопустимо было ставить задачу прорыва из Арденн до Антверпена несколькими дивизиям, которые не располагали достаточными запасами горючего, имели ограниченное количество боеприпасов и не получали авиационной поддержки»¹¹.

К участию в контрнаступлении привлекались войска группы армий «Б»: 6-я танковая армия СС под командованием оберстрuppenфюрера СС Й.Дитриха (девять дивизий), 5-я танковая - генерала Х.Мантейфеля (семь дивизий) и 7-я - генерала Э.Бранденбурга

(четыре дивизии). Одна дивизия находилась в резерве. В ударную группировку входило около 900 танков и штурмовых орудий. Горючего у танковых войск было только на 140-160 км пути, то есть лишь на половину глубины запланированной операции. Для авиационного обеспечения операции выделялось 800 самолетов.

Недостаток сил и средств гитлеровское руководство предполагало компенсировать внезапностью удара, а проблему горючего мыслилось решить за счет захвата трофейного топлива у союзников на складах в городах Льеж и Намюр. Было решено наступление провести в период нелетной погоды (постоянных снегопадов и сильной облачности), чтобы лишить господствующую в воздухе авиацию союзников возможности нанести массированные удары по немецким войскам.

Большие надежды немецко-фашистское командование возлагало на планировавшуюся специальную диверсионную операцию в тылу противника. Для ее проведения еще 30 октября 1944 года Гитлер приказал сформировать особую воинскую часть, так называемую 150-ю танковую бригаду под командованием О.Скорцени. Она была укомплектована добровольцами из всех родов войск и частей СС (2 тыс. человек). Среди собранных диверсантов около 150 человек владели английским языком. Они проходили тщательную подготовку для действий в специальных отрядах. Задача этих отрядов состояла не только в том, чтобы прорваться в глубокий тыл союзных войск и сеять там панику, но и организовать поиск и убийство крупных военных руководителей союзников. Хотя позже сам Скорцени пытался опровергнуть это, но после провала арденнской авантюры действительно несколько гитлеровских диверсантов были обнаружены в Париже. Они были переодеты в американскую и английскую формы, вооружены американским и английским трофейным оружием¹².

Один из диверсионных отрядов получил задачу захватить переправу через Маас, мосты на которой оборонялись частями 30-го британского корпуса, были заминированы и готовы к подрыву на случай, если возникнет угроза их захвата немцами. Другие отряды и группы германских войск должны были, распространяя ложные слухи и дезинформационные приказы, вызывать

в рядах противника замешательство и панику, нарушать связь, уничтожать и переставлять дорожные указатели, перекрывать дороги, минировать железнодорожные пути и шоссе, взрывать склады боеприпасов. Кроме того, планировалось выбросить воздушный десант в район севернее Мальмеди, чтобы воспрепятствовать переброске союзных войск с севера к участку прорыва. Больше всего немецкое командование рассчитывало на свою тяжелую бронетехнику (танки «Тигр-VI» и «Тигр-VI В»), на почти пятикратное превосходство в артиллерии (до 20% их артпарка составляли самоходные артиллерийские установки) и минометах.

В штабах и войсках союзников даже не подозревали о готовившемся противником контрнаступлении. «75 тысяч американских солдат на фронте от Эхтернаха до Моншау, - пишет автор труда об операции в Арденнах Дж.Толэнд, - в ночь на 16 декабря легли спать, как обычно... В этот вечер ни один из американских командующих не предполагал всерьез о крупном немецком наступлении»¹³. Так ситуация подавалась в советской историографии. Зарубежная литература трактует обстановку по-иному.

Оказывается, американской разведке было известно о планах немецкого наступления еще в ноябре 1944 года. Возможным это стало благодаря перехвату и дешифрованию радиogramм германского командования, осуществлявшемуся союзниками в рамках стратегической разведывательной операции «Ультра», а также ведению воздушной разведки, вскрывшей перемещение немецких войск и их концентрацию восточнее Арденн. Разведка 3-й армии США довела добытую информацию о противнике до высшего командования - Верховного главнокомандующего войсками союзников Д.Эйзенхауэра. В мемуарах он отметил по этому поводу следующее: «Мы не ошибались ни относительно места его нанесения, ни относительно неизбежности такого шага со стороны противника. Более того, что касается общего реагирования на эти действия противника, то в данном случае у Брэдли и у меня имелся давно согласованный план ответных действий»¹⁴. Таким образом, если верить нашим союзникам, американское командование заранее подготовилось к отражению наступления противника, расположив крупные мобиль-

ные группировки своих войск к северу и югу от Арденн, а в самих Арденнах - намеренно ослабило оборону, оставив там 28-ю и 106-ю пехотные дивизии.

Наступление немецко-фашистских войск в Арденнах началось ранним утром 16 декабря. Застигнутые врасплох, американские войска пришли в полное замешательство и не смогли в первые дни оказать серьезного сопротивления. Эффект внезапности был достигнут немецким командованием в полной мере после того, как передовые позиции частей 1-й американской армии были взломаны и немецкие танковые клинья устремились в глубь союзных тылов.

Впрочем, в ходе наступления против немцев сыграли роль те факторы, которые способствовали достижению эффекта внезапности: плохие погодные условия и труднопроходимые дороги. Командующий 5-й танковой армией Мантейфель впоследствии отмечал: «Везде, где появлялись крупные танковые силы, сопротивление таяло, но на этой ранней стадии слабость сопротивления сводилась на нет трудностями движения». Для американских обороняющихся частей ситуация была крайне сложной. Как отмечает американский историк Х.Болдуин, в первые дни Арденнской битвы «американский фронт был бесформенным, таким же, как и тыл»¹⁵. Началось беспорядочное отступление, превратившееся на ряде участков в паническое бегство. Американский журналист Р.Ингерсолл писал, что немецкие войска «прорвали нашу линию обороны на фронте в пятьдесят миль и хлынули в этот прорыв, как вода во взорванную плотину. А от них по всем дорогам, ведущим на запад, бежали сломя голову американцы»¹⁶.

В течение нескольких часов высшие штабы не имели представления о происходивших событиях на арденнском участке фронта. В 9 часов 15 минут - более чем через четыре часа после перехода противника в контрнаступление - офицер оперативного отдела штаба 12-й группы армий докладывал, что на участке 8-го корпуса, где немецкие войска предприняли удар, никаких изменений не произошло¹⁷. Лишь к исходу дня союзное командование, разобравшись в обстановке, двинуло к участку прорыва дополнительные силы.

Позже Эйзенхауэр вспоминал об этом следующее: «Я был убежден, что это наступление не местного характера; было бы нелогично для противника предпринимать попытку небольшого наступления в Арденнах, если, конечно, оно не являлось его отвлекающим маневром с целью привлечь наше внимание к этому участку в то время, как он нанесет сильный удар где-то в другом месте. Такую возможность мы исключали. На других участках фронта либо мы были настолько сильны, что немцы не могли надеяться на успех своего наступления, либо там не было достаточно важных объектов, которыми он захотел бы овладеть. К тому же нам стало известно, что в последние дни численность немецких войск в Арденнах постепенно увеличивалась. Именно через этот район в 1940 году немцы предприняли крупное наступление, в результате которого изгнали английские войска с континента, а Францию вывели из войны. Тогда наступлением руководил все тот же фон Рундштедт, который и на этот раз был здесь командующим. Возможно, что он надеялся повторить успех, которого добился здесь более четырех лет назад. Мы все время считали, что, прежде чем признать свое окончательное поражение на Западе, немцы попытаются предпринять там отчаянное контрнаступление. Мне и Брэдли казалось вполне возможным, что именно такого рода операцию они и начали здесь»¹⁸.

Несмотря на достигнутую внезапность и первоначальный успех, планы контрнаступления немецких войск начали рушиться уже в первые дни операции, 6-я танковая армия СС, наступавшая на северном фланге ударной группировки - на направлении главного удара - и получившая задачу на второй день форсировать Маас, продвинулась лишь на незначительное расстояние. Соединения ее правого фланга ввязались в тяжелые бои с противником и не добились существенного успеха. Действия 5-й танковой армии, наступавшей в центре, были более удачными. Прорвав оборону союзных войск, она к исходу 17 декабря продвинулась на глубину до 20 км, 19 декабря заняла Уффализ, подошла к опорному пункту Бастонь и через день почти полностью окружила его. Оборона этого города серьезно затрудняла наступление немцев, так как там пересекались семь главных

дорог в Арденнах, которые были необходимы для снабжения немцев. Поэтому американские части в районе Бастони (101-я воздушно-десантная дивизия) упорно отражали атаки 5-й танковой армии и устояли до подхода подкреплений. 7-я немецкая армия, которая должна была прикрывать левый фланг наступавшей группировки, не смогла прорвать оборону американцев. Выброска немецкого воздушного десанта в районе к северу от Мальмеди, осуществленная в ночь на 17 декабря, закончилась полной неудачей. Лишь через два дня собрался отряд в 300 человек, который не имел даже продовольствия. Разделившись на мелкие группы, десантники с большим трудом возвратились через линию фронта¹⁹. Коммуникации союзников в районе Мальмеди остались ненарушенными.

Не оправдались расчеты немцев и на эффективность действий диверсионных отрядов. Переправу через Маас захватить не удалось. Развернутые в некоторых районах диверсионные действия вскоре стали решительно пресекаться американцами. Получив данные от пленных диверсантов о характере их задач, союзное командование организовало настоящую «охоту за шпионами» - в течение нескольких дней было задержано и после суда военного трибунала расстреляно более 130 из них²⁰. План стремительного прорыва через Маас и дальнейшего наступления на Антверпен немецким войскам выполнить также не удалось.

18 декабря гитлеровское командование внесло значительные изменения в первоначальный замысел, отменив намеченное ранее нанесение удара из района севернее Ахена на запад.

Действия немецко-фашистских войск в Арденнах вызвали у американо-английского командования тревогу. Оно опасалось, что противник может развернуть дальнейшее наступление и выйти к Па-де-Кале, разрезав фронт союзников. Поэтому на совещании у Эйзенхауэра в Вердене 19 декабря было решено сосредоточить все усилия на срыве контрнаступления немцев в Арденнах, спешно подготовить и осуществить контрудары по флангам наступавшей группировки неприятеля.

В донесении главнокомандующего союзными экспедиционными силами в Европе военному министру США от 19 декабря

1944 года говорилось: «Большая часть полосы обороны 3-й армии Паттона передается Деверсу. Паттону поставлена задача рокировать шесть дивизий на север и предпринять мощный контрудар 23 или 24 декабря»²¹. Причем еще за неделю до этих событий, 12 декабря, генерал Паттон обсуждал возможность прорыва немцев с левого фланга своей армии в секторе 1-й армии. В результате был разработан план контрнаступления 3-й армии на случай подобной акции противника. 19 декабря на совещании у Эйзенхауэра Паттон сказал: «Как бы там ни было, противник выбился из графика, а потому я все больше и больше укреплялся в мысли, что нам удастся окружить и уничтожить его. Хотя нельзя было забывать, что в 1940 году немцы наступали так же, как и теперь, а затем повернули на юго-запад и, пройдя через Саарбрюккен и Тионвиль, обрушились на Мец; теперь они могли повторить тот же маневр»²². Время начала атаки Паттон определил 04.00 22 декабря.

Для улучшения руководства и управления войсками в подчинение командующего 21-й группой армий Монтгомери были переданы 1-я и 9-я американские армии. Монтгомери предпринял энергичные меры по переброске войск к Арденнскому выступу. К северному флангу выступа он выдвинул 30-й корпус из состава 2-й английской армии (три пехотные, одна бронетанковая дивизии). Три дивизии, по его указанию, заняли оборону по западному берегу Мааса на рубеже от Динана до Оттона.

Тем временем немецкие войска пытались продолжить наступление. Но 6-я танковая армия СС по-прежнему терпела неудачи; большая часть сил 5-й танковой армии оказалась скованной боями за Бастонь; 7-я американская танковая дивизия в течение пяти дней удерживала город Сен-Вит, недалеко от бельгийско-германской границы на северном участке Арденнского выступа (этот маленький город так же, как и Бастонь, был местом пересечения важных дорог в Арденнах, по плану немцы его рассчитывали взять в 18.00 17 декабря, а случилось это лишь 21 декабря). Успешная оборона этих городов сбила темп немецкого наступления и дала союзникам возможность перебросить в Арденны дополнительные войска. Лишь передовые ее части к 24 декабря приблизились к Ма-

асу в районе Динана. Однако дальше продвинуться они не смогли: танки не имели горючего, да и силы выдвинувшегося вперед отряда были незначительными.

3-я американская армия, получив задачу нанести контрудар по южному фасу выступа фронта, передала почти всю свою полосу обороны 7-й армии. В период с 19 по 24 декабря она была переброшена на север. По словам генерала Брэдли, свыше 133 тыс. грузовиков и танков круглосуточно двигались по обледенелым дорогам²³.

С 20 декабря в тяжелое положение попала 7-я полевая армия вермахта, прикрывавшая наступление 5-й танковой армии с юга. Позиции ее частей были оттеснены контрнаступающей с юга 3-й американской армией под командованием генерала Паттона. Однако вначале из-за отсутствия авиационной поддержки она продвигалась медленно. Но 23 декабря погода улучшилась, и союзная авиация, полностью господствовавшая в воздухе, приступила к интенсивным действиям против немецких войск: стала наносить удары по наступающему противнику и бомбить линии снабжения немецких войск, которые все острее испытывали нехватку горючего, так и не сумев захватить топливные склады в Льеже и Намюре. После 23 декабря продвижение американских частей ускорилось.

Наступление вермахта захлебнулось у бельгийского города Селль (Celles) утром 25 декабря 1944 года в 6 км от реки Маас и моста в городе Динан. Это было «острие» Арденнского выступа, то есть самая западная точка немецкого наступления в Арденнах. Здесь 2-я немецкая танковая дивизия, наступавшая в авангарде 5-й танковой армии, попала в окружение у города Селль. 2-ю немецкую танковую дивизию окружили 2-я американская и 11-я британская танковые дивизии. Это был редкий случай в истории, когда в сражении столкнулись две дивизии противников с одинаковыми номерами.

26 декабря передовые отряды американских войск соединились с частями, оборонявшими блокированный Бастонь. Развивая успех, Паттон сосредоточил усилия в направлении города. В этот же день им удалось деблокировать Бастонь, а 1-я амери-

канская армия с 30-м английским корпусом полностью остановили наступление противника.

Однако Гитлер требовал его продолжения. Им принимается запоздалое решение перенести главный удар на участок наступления 5-й танковой армии, для чего Мантейфелью были переброшены подкрепления. Но возможность наступления оказалась упущенной. Мантейфель впоследствии отмечал: «Мне дали оставшиеся резервы только 26 декабря, но мобильные части не могли продвигаться вперед из-за недостатка горючего». Нехватка горючего объяснялась как не свершившимися планами по захвату топлива у союзников, так и действиями активизировавшейся в хороших погодных условиях союзной авиации, которая парализовала немецкие тылы²⁴.

К тому же 3-я американская армия, освободив Бастонь, вклинилась в южный фланг немецких войск и перерезала линии их снабжения к югу от Бастони. Немецкая 5-я танковая армия оказалась под угрозой окружения. Для ее отступления оставался только «коридор» к северу от Бастони шириной 40 км, который с обеих сторон простреливался перекрестным огнем американских 155-мм орудий (дальность стрельбы 20-24 км). Весьма эффективными в Арденнских лесах оказались новые снаряды с радиовзрывателями, использовавшиеся американской артиллерией. Вдобавок ко всему удары по отступавшим немецким войскам наносила союзная авиация.

28 декабря на совещании в ставке при обсуждении хода Арденнской операции Гитлер признал, что наступление потерпело неудачу. Поэтому он решил на время отказаться от продолжения операции на этом участке фронта и осуществить новые удары к югу от Арденн с целью уничтожить находившиеся там американские войска. В ночь на 1 января 1945 года немецкие войска вновь переходят в наступление. На этот раз южнее Арденн, в Эльзасе, в районе Страсбурга, против войск американской 7-й армии с целью отвлечения сил противника. 1 января авиация Германии (в том числе новые реактивные истребители «Мессершмитт» Me.262) нанесла бомбовые удары по аэродромам союзников во Франции, Бельгии и Голландии, уничтожив 260 самолетов. Однако люфтваффе также потеряли от действий авиации и зенитных расчетов союзников более чем 300 самолетов. 4 ян-

варя войска немецкой 19-й армии предприняли наступление севернее Страсбурга и форсировали Рейн²⁵. Но это были лишь отвлекающие удары локального характера, проводимые небольшими силами, - в Арденнах немецкие войска уже безнадежно отступали. Стратегическую инициативу на западном фронте вермахт потерял безвозвратно. «Последний блицкриг» завершился.

Потери союзников в Арденнах составили 76 890 человек, в том числе 8607 убитыми, 47 129 ранеными и 21 144 пропавшими без вести²⁶. Гитлеровцы в период Арденнской операции потеряли 81 834 человека - 12 652 убитыми, 38 600 ранеными и 30 582 пропавшими без вести²⁷.

Предприняв операцию, немецкое командование и руководство фашистской Германии сумели сорвать планы союзников осуществить крупное наступление в конце 1944 года. Однако основная цель контрнаступления в Арденнах, в котором еще раз проявился авантюризм немецко-фашистской стратегии, не была достигнута. Антигитлеровскую коалицию расколоть не удалось, а боевой дух и моральное состояние армии и населения Германии еще более ухудшились.

Тем не менее положение союзников в Западной Европе оставалось сложным. Опасаясь новых ударов противника, Черчилль 6 января обратился с посланием к Сталину, в котором, в частности, писал: «На Западе идут очень тяжелые бои... Я буду благодарен, если Вы сможете сообщить мне, можем ли мы рассчитывать на крупное русское наступление на фронте Вислы или где-нибудь в другом месте в течение января...» 12 января 1945 года, ранее намеченного срока, Красная армия перешла в наступление на широком фронте от Балтийского моря до Карпат. Рундштедт был вынужден снять с западного фронта 6-ю танковую армию, а затем еще 16 дивизий и отправить их на Восток²⁸.

Однако некоторые считают вымыслом, что будто бы Сталин по просьбе Черчилля ускорил наступление Красной армии, чтобы спасти союзников в Арденнах, и перенес его начало с 20 на 12 января 1945 года. «Только в 1990-х годах исследования историков выявили, что утвержденный Г.К.Жуковым еще 29 декабря 1944 года план сосредоточения войск 1-го Белорусского фронта

предусматривал начало наступления 8 января 1945 года, но из-за плохой погоды, ограничившей действия авиации, его пришлось перенести на более поздний срок. Письмо же Черчилля Сталину, где упоминались Арденны, содержало лишь просьбу дать информацию о советских военных планах, но отнюдь не мольбу о помощи. Сталин тогда просто разыграл готовность пожертвовать жизнями советских солдат ради союзных интересов, прекрасно зная, что наступление как раз и должно начаться около 12 января»²⁹.

Весь январь союзники вели ожесточенные бои за освобождение Арденнского выступа. Немецкие войска отходили с боями. 16 января разведывательные дозоры американских 1-й и 3-й армий встретились к северу от Бастони в районе городов Уффализ и Новилль, в середине Арденнского выступа, тем самым ликвидировав более его половины. Еще восемь дней ушло на полное вытеснение немецких войск из этого района, но немцам удалось почти полностью вывести войска из грозившего им окружения. Впрочем, как отмечает немецкий военный историк Типельскирх, при отступлении немецких войск потери в боевой технике были большими, чем при наступлении (из-за нехватки горючего технику приходилось просто бросать).

К 25 января Арденнский выступ, образованный немецким прорывом, был полностью ликвидирован, хотя прежнюю линию фронта англо-американским войскам удалось восстановить только к 7 февраля 1945 года.

Операция немцев в Арденнах окончилась неудачей. Результаты Арденнской операции не оправдали надежд немецкого командования. Она истощила силы Германии, что, в свою очередь, во многом обусловило крах немецкого фронта на Западе. За время проведения Арденнской операции потери противоборствующих сторон были практически равными - для каждой они составили около 80 тыс. человек убитыми, ранеными и пленными. Однако немецкие войска потеряли много новейшей бронетехники, особенно тяжелой, самолетов (в том числе реактивных) и топлива, что в условиях падения производства германской военной промышленности стало ощутимым ударом для вермахта.

Несмотря на то что немецкое командование не достигло постав-

ленных результатов, Арденнская операция задержала наступление на Рейне на шесть недель, отдалив возможность продвижения союзных войск в глубь Германии: союзники планировали наступление на 18 декабря 1944 года, но его пришлось перенести на 29 января 1945 года. Впрочем, благодаря этому союзники понесли меньше потерь, поскольку немецкие войска были разбиты на открытой местности, где мобильным англо-американским силам было проще действовать. Если бы немцы оставались на укреплениях «линии Зигфрида», то победа над ними стоила бы больших потерь.

Как отмечает историк Г.Фейс, после событий в Арденнах Эйзенхауэр стал более осторожным в вопросах стратегии военных действий. Он сравнил Арденнское сражение с битвой за Кассеринский перевал в Тунисе: «Хотя при сравнении сил, вовлеченных с обеих сторон в Арденнское сражение, Кассеринское представляется простой стычкой, тем не менее между ними существует и некоторое сходство. И тут и там это было наступление отчаявшихся; и тут и там противник воспользовался сильно укрепленными оборонительными позициями, чтобы сосредоточить силы для нанесения удара по коммуникациям союзников в надежде вынудить их отказаться от планов непрерывных наступательных операций. Сколь ни внезапным были для нас время и сила этого удара, мы не ошибались ни относительно места его нанесения, ни относительно неизбежности такого шага со стороны противника. Более того, что касается общего реагирования на эти действия противника, то в данном случае у Брэдли и у меня имелся давно согласованный план ответных действий»³⁰.

Уроки Арденнского сражения заставили союзников задуматься о необходимости более тесного сотрудничества с советским Верховным Главнокомандованием по вопросам координации военных усилий в борьбе против фашистской Германии. Впоследствии на Крымской конференции 4-11 февраля 1945 года союзники уделили особое внимание решению проблем по координации военных планов советского и англо-американского командования³¹.

С Арденнским сражением 1944-1945 годов неразрывно связана и еще одна трагичная страница истории - военные преступления немецких войск, вошедшие в историографию как бой-

ня у Мальмеди. В день, когда началось немецкое наступление, американские войска, действуя в густом тумане и на незнакомой местности, оказались в обстановке страшной неразберихи. В немалой степени ее усиливал переодетый в американскую военную форму десант Скорцени. В такой переплет и попал 285-й разведывательный дивизион полевой артиллерии, укомплектованный неопытными солдатами, которые, как говорится, едва могли отличить ствол винтовки от приклада. Направляясь в бельгийский город Линьевиль для соединения с 7-й бронетанковой дивизией армии США, которая предположительно двигалась в направлении Визальма, дивизион заблудился и остановился на развилке дорог в Бонье.

Одна из рот оказалась возле кафе «Бодарв», и офицер осведомился у местных жителей, в правильном ли направлении они двигались, так как многие дорожные указатели были либо переставлены, либо вообще сорваны немецкими диверсантами. Но местные жители оказались не столь радушными и приветливыми, как те, что встречали союзников в других местах после высадки в Европе. Многие из них были настроены традиционно прогермански. Поэтому люди в кафе встретили американского офицера угрюмым молчанием.

Когда он вышел, чтобы дать команду колонне возобновить движение, на горизонте появились танки боевой группы Иоахима Пайпера. Один из бронетранспортеров на полугусеничном ходу громыхнул выстрелом, и головной джип американской колонны исчез во вспышке оранжевого пламени и черного дыма. Остальные танки, по мере того как они выползали из-за бугра и с грохотом двигались к месту, где царили хаос и смерть, тоже открыли огонь. Застигнутые врасплох, американские солдаты рассыпались в поисках укрытия: кто бросился в канаву, кто в близлежащий сарай, кто спрятался за стогом сена. Когда немецкие танки поравнялись с разгромленной колонной, американцы побросали оружие на брусчатую мостовую и подняли руки, сдаваясь в плен.

Немцы окружили пленных, обыскали, чтобы изъять спрятанное оружие, и согнали их всех вместе в поле у развилки дорог. Подъехал Пайпер с болтающимся на правом плече «шмайс-

сером». Он приказал нескольким солдатам охранять пленных, остальные двинулись дальше.

Пленные с тревогой думали о том, что их ждет. Уж очень зловеще вели себя часовые. Казалось, они искали любой повод, чтобы открыть огонь. В городе Буллингене, который немцы только что покинули, они взяли в плен сто американцев. Но трое из них бежали, перерезав горло эсэсовскому охраннику. Поэтому неудивительно, что в тот день, 17 декабря 1944 года, в сыром туманном воздухе витал призрак смерти.

Американцы сидели прямо в заснеженном поле и курили, мрачно наблюдая за сложными маневрами несметного количества танков противника, продирающихся через узкую развилку на дорогу к Линьевиллю, - ту самую дорогу, которую они искали перед тем, как попали в засаду. У молоденького лейтенанта Вирджила Лэрри пересохло в горле, когда его взгляд уперся в холодные как сталь глаза молодых штурмовиков, которые с высоты танковых башен упивались своей маленькой победой. И пленный лейтенант задумался над тем, что ожидает его самого и его роту. Одна 88-мм самоходная пушка остановилась и угрожающе развернула ствол, направив его прямо на пленных американцев, скрючившихся на снегу. Но немецкий сержант, злобно выругавшись, приказал продолжать движение.

Затем к пленным еще раз наведалься Пайпер, прибывший на «королевском тигре». Он улыбнулся, махнул рукой и крикнул по-английски: «Увидимся в Типперери, ребята!», и «тигр» умолчался, выпустив клуб сизого дыма из выхлопной трубы. Немцу, оказывается, была знакома американская солдатская песенка «Долог путь до Типперери».

Наконец у развилки развернулись и остановились два бронетранспортера. Рядовой Георг Флепс расстегнул кобуру, достал пистолет и прыгнул на землю. Размахивая своим «люгером», он подошел к толпе беззащитных пленных и выстрелил. Один из американцев упал. Еще выстрел - и еще один труп остался лежать на снегу. Затем воздух наполнился гулким и частым треском - это в унисон застрочили тяжелые пулеметы, установленные на бронетранспортерах. И американцы посыпались на снег, скошенные смертельным огнем.

«Убейте их всех!» - раздался голос, перекрывавший треск пулеметов. Он словно подхлестнул убийц.

В.Лэрри видел, как замертво упал его водитель, слышал возгласы офицера, призывавшего солдат держаться, пока ему не прострелили горло. Военный полицейский Гомер Форд, переживший этот расстрел, потом рассказывал: «Вокруг валялись трупы, раздавались стоны умирающих и раненых. Я спрятался под один из трупов, притворившись мертвым. Стрельба все продолжалась. Я чувствовал, как по мне текла кровь моих товарищей.

Вскоре стрельба прекратилась, и я услышал голоса приближающихся немцев. Они спрашивали друг друга: «Этот дышит?» - и пристреливали или добивали прикладами раненых. Ко мне подошли шагов на десять, не ближе. После очередных выстрелов я почувствовал, как из моего тела тоже сочится кровь. В меня попала пуля, я был ранен. Я лежал на снегу и боялся, что немцы увидят, как я дрожу от холода и боли, но они не заметили. Я слышал выстрелы совсем рядом. Были слышны даже щелчки, когда они ставили пистолеты на боевой взвод. Умирающие стонали и выкрикивали проклятия. Я слышал омерзительные хлюпающие звуки, когда прикладом били по голове».

Санитар Сэмюэль Добинс, как и Форд, спрятался под трупами, притворившись мертвым. Когда пулеметная стрельба стихла и послышались одиночные пистолетные хлопки, он понял, что его товарищей добивают выстрелами в голову.

«Я не хотел умирать, как кролик, - вспоминает он. - Слева от меня был небольшой лесок, и я решил во что бы то ни стало добраться до него. Но тут вдруг застрочил пулемет. Я почувствовал, как в мое тело впиваются куски металла. Как я потом узнал, в меня попало четыре пули. Я услышал хруст сапог по снегу - это приближались немцы, чтобы прикончить меня. Но они, видимо, решили, что я уже мертв, так как повернули обратно. Я видел, как трое или четверо добивали раненых, взывающих о помощи. Я думал, что в живых остался я один».

Лэрри тоже остался в живых и свидетельствовал против убийц на судебном процессе после войны: «Когда застрочили пулеметы, вокруг меня начали падать убитые и раненые. Стрельба про-

должалась минуты три или чуть дольше. Я тоже упал, притворившись мертвым. Заскрипел снег под тяжелыми сапогами, и я услышал рядом пистолетный выстрел. Затем щелкнула новая обойма, вставленная в пистолет. Шаги удалились, и послышался шепот: «Тебя еще не убили?» В ответ прозвучало: «Пока нет, но если эти ублюдки будут добивать нас, то лучше бы уж скорее вернулись и сделали это». Пуля задела мне пальцы ноги, было ужасно больно, я весь продрог. Рядом снова послышались голоса: «Они уже ушли? Что делать? Может быть, попытаться спастись?» Человек пятнадцать из нас решили бежать. Когда мы преодолели уже несколько метров, защелкали винтовочные выстрелы, затем застрочил пулемет. Я перемахнул через забор и побежал по проселочной дороге, пока не наткнулся на полуразвалившийся сарай. Рядом были сложены дрова, и я спрятался за поленницей».

Нескольким американцам удалось переползти через дорогу к близлежащим домам. Но кровавая вакханалия продолжалась, и многие из раненых были прямо на дороге раздавлены гусеницами танков и бронетранспортеров арьергарда Пайпера, который спешил догнать колонну главных сил на пути в Линьевиль. Другие американцы бросились в кафе «Бодарв», но немцы подожгли его огнеметами. Американцы выскакивали из кафе с поднятыми руками, но обезумевшие от ярости эсэсовцы тут же расстреливали их.

Это было одно из самых чудовищных преступлений, совершенных немцами по отношению к американским солдатам на европейском театре войны. 100 безоружных человек были убиты, многие тяжело ранены. В живых остался 41 человек. Гитлеровцы очень скоро испытали на себе гнев американцев, потрясенных этим преступлением. Известие об этой кровавой расправе мгновенно распространилось по всему фронту. Всего за одну ночь неопытные новобранцы превратились в зрелых воинов, безжалостных к коварному врагу. Командование разрешило корреспондентам журнала «Тайм» Холу Бойлу и Джеку Белдену побывать на месте расправы у дорожной развилки близ города Мальмеди, чтобы сделать фотоснимки и написать репортаж о злодеянии немцев. Одним из первых, у кого журналисты взяли интервью, оказался лейтенант Лэрри, который с трудом приковы-

лял из своего укрытия. Морщась от боли, он вытряхнул из сапога пальцы вместе с пулей, отрезавшей их, и сказал: «Мы не могли ничего сделать... У нас просто не было ни единого шанса».

Когда в разгар боев этот репортаж был напечатан на первой странице армейской газеты «Старз энд страйпс», 328-й пехотный полк получил письменный приказ: «Эсэсовцев и диверсантов в плен не брать, расстреливать на месте». Жестокость породила жестокость.

Еще до капитуляции Германии военно-юридическая служба США создала специальную группу по сбору показаний и улик против тех, кто учинил бойню под Мальмеди. Пайпер, уже в должности заместителя командира дивизии, был взят в плен во время боев за Вену в самом конце войны. Он должен был ответить за преступление своих подчиненных у Мальмеди, кто бы ни отдал тот приказ открыть огонь. Его допросили вместе с остальными 800 уцелевшими солдатами из его боевой группы. В конечном счете Пайпер, руководитель операции генерал СС Зепп Дитрих и еще 73 человека предстали перед судом.

Суд происходил в Дахау, очень подходящем для свершения возмездия месте, так как именно здесь находился первый нацистский концлагерь. 16 мая 1946 года главный обвинитель, подполковник Бертон Эллис открыл процесс словами: «Солдатам дивизии СС «Адольф Гитлер» велели соревноваться между собой и совершенствовать свое мастерство, стреляя в пленных. Каждый из обвиняемых был винтиком в гигантской машине убийств».

Среди свидетелей обвинения были и немецкие солдаты, у которых происшествие на развилке у Мальмеди вызвало отвращение. Четверо рядовых показали, что Пайпер велел им «никого не щадить» в бою и «не брать пленных». Капрал Эрнст Колер заявил на суде: «Нам говорили, что мы должны помнить о женщинах и детях Германии, убитых во время воздушных налетов союзников, и не брать пленных, а также не щадить бельгийцев». Лейтенант Хайнц Томхардт свидетельствовал: «Я велел моим солдатам не брать пленных». Поэтому и были убиты американские солдаты.

По мере поступления все новых и новых показаний стало ясно,

что Пайпер и его солдаты виновны в массовом убийстве. Пайпер же заявил, что он не приказывал убивать. Дитрих тоже отрицал свою причастность к расстрелу американских военнопленных. Тем не менее 16 июля 1946 года Иоахим Пайпер услышал страшные для солдата слова: смерть через повешение. Дитриху и еще 42 нацистским убийцам тоже был объявлен смертный приговор.

Но в конечном итоге никто из приговоренных к смерти не был казнен. Адвокат из Атланты Уильям Эверетт, защищавший немцев на суде, представил доказательства, что некоторые из обвиняемых признали свою вину под воздействием пыток и избиений. Оказалось, что под ногти обвиняемым эсэсовцам загоняли горящие спички, у некоторых были сломаны челюсти, их прижигали сигаретами. Это были постыдные действия, достойные гестапо, а не военнослужащих армии США. Подобные факты подорвали доверие к трибуналу, и 29 июля 1948 года сенатская комиссия по вооруженным силам приняла решение о пересмотре дел обвиняемых. К 1951 году смертные приговоры были отменены, а в 1958 году были освобождены последние из обвиняемых по этому делу - Дитрих и Пайпер. Возмущение общественности ни к чему не привело³².

В основном же действия союзных войск в Западной Европе в 1944-1945 годах были успешными. Однако нет никаких оснований для преувеличения их роли во Второй мировой войне, как это делается некоторыми зарубежными и отечественными авторами. Немало фальсификаций содержится в работах германских историков, стремящихся исказить истинные причины поражений вермахта на Западе. В ряде работ, посвященных истории Второй мировой войны, они предпринимают попытки доказать, что причина затягивания правительствами США и Англии открытия Второго фронта была не в преднамеренной их политике, а в слабости американско-английских вооруженных сил. Вступление союзных сил в Европу преподносится как следствие «чуда», которое якобы стало возможным только благодаря быстрому созданию мощной военной машины США и успехам американской политики. В них замалчивается роль побед советских вооруженных сил во Второй мировой войне и значение наступления советских войск от Вис-

лы к Одеру в срыве наступательных планов немецкого верховного командования на Западе. Действия американо-английских войск зарубежные авторы расценивают как единственный фактор, позволивший сорвать эти планы гитлеровцев. Более того, они утверждают, что Красная армия якобы воспользовалась плодами победы союзников и развернула наступление через Польшу, когда «все немецкие армии были скованы на Западе»³³.

Несостоятельность и беспочвенность этих и подобных им утверждений со всей очевидностью показывают изложенные выше исторические факты. Открытие Второго фронта в то время, когда окончательный разгром Германии был уже предreshен поражениями вермахта на советско-германском фронте, где и после высадки экспедиционных сил союзников в Нормандии продолжали действовать главные силы немецких войск, при всей своей важности не могло иметь и не имело определяющего значения для хода и исхода Второй мировой войны. В целом же высадка союзных войск в Северной Франции и их последующие наступательные операции в Западной Европе, предпринятые в 1944-1945 годах, сыграли известную роль в ускорении разгрома фашистской Германии.

¹Последняя надежда фюрера // Частный корреспондент. 16 декабря 2009.

²*Вестфаль* 3. и др. Роковые решения / Пер. с англ. М., 1958. С. 265.

³Hitlers Lagebesprechungen. Die Protocollfragmente seiner militairischen konferenzen 1942-1945. Stuttgart, 1962. S. 722.

⁴Kriegstagebuch des Oberkommandos der Wermacht 1940-1945 (КТВ/ОКВ). Bd. IV. Frankfurt a/M., 1961. S. 395.

⁵Der zweite weltkrieg. Dokumente. Berlin, 1974. S. 287; История Второй мировой войны 1939-1945: В 12 томах. М., 1973-1982. Т. 9. С. 271-272.

⁶Эйзенхауэр Д. Крестовый поход в Европу. Военные мемуары. М., 1980. С. 388.

⁷Шамрин О.А. История Крыма - Арденнская операция и ее влияние на Крымскую конференцию (<http://www.ironcross-cma.com/content/view/940/95/>).

⁸Churchill W. The Second World War. Vol. VI. L., 1952. P. 238.

⁹Jung H. Die Ardennen-offensive 1944/45. Ein Beispiel fur die kriegsfuhrung Hitlers. Zurich - Frankfurt a/M. - Gottingen, 1971. S. 334-336.

¹⁰Staatsmanner und Diplomaten bei Hitler. Zweiter Teil. Vertrauliche Aufzeichnungen uber Unterredungen mit Vertretern des Auslandes 1942-1944. Frankfurt a/M., 1970. S. 533.

- ¹¹Halder F. Hitler als Feldherr. Munchen, 1949. S. 59-60.
- ¹²История Второй мировой войны... С. 272-274.
- ¹³Toland J. Battle. The Story of the Bulge. New York, 1959. P. 8, 10.
- ¹⁴Эйзенхауэр Д. Указ. соч. С. 390.
- ¹⁵Цит. по: Шамрин О.А. Указ. соч. (<http://www.ironeross-cma.com/content/view/940/95/>)
- ¹⁶Ингерсолл Р. Совершенно секретно / Пер. с англ. М., 1947. С. 329.
- ¹⁷Погью Ф. Верховное командование / Пер. с англ. М., 1959. С. 392.
- ¹⁸Эйзенхауэр Д. Указ. соч. С. 387.
- ¹⁹Kessler H. Der letzte Coup. Die Ardennenoffensive 1944. Berlin, 1966. S. 234.
- ²⁰Geheime Kommandosache. Hinter den kulissen des zweiten weltkrieges. Bd. 2. Stuttgart - Zurich - Wien, 1965. S. 556-558.
- ²¹NAUS, Record Group 218, CCS, SCAF 149, 19 December 1944. P. 1; История Второй мировой войны... С. 274-275.
- ²²Паттон Дж. Война, какой я ее знал. М., 2002. С. 175.
- ²³Брэдли О. Записки солдата / Пер. с англ. М., 1957. С. 508.
- ²⁴Шамрин О.А. Указ. соч. (<http://www.ironeross-cma.com/content/view/940/95/>)
- ²⁵Там же.
- ²⁶Погью Ф. Указ. соч. С. 411.
- ²⁷КТВ/OKW. Bd. IV. S. 362.
- ²⁸История Второй мировой войны... С. 276.
- ²⁹Соколов Б. Второй фронт или первый? (<http://www.grani.ru/War/m.71864.html>).
- ³⁰Эйзенхауэр Д. Указ. соч. С. 391.
- ³¹Шамрин О.А. Указ. соч. (<http://www.ironeross-cma.com/content/view/940/95/>)
- ³²Иоахим Пайпер: Преступление в Арденнах // Энциклопедия мировых сенсаций (<http://www.gta-x.info/asens47.htm>).
- ³³Freund M., Vogelsand Th. Deutsche Geschichte. Gutersloh - Berlin - Munchen - Wien, 1973. S. 1479.

КАК ГИТЛЕРА ТОЛКАЛИ НАПАСТЬ НА СОВЕТСКИЙ СОЮЗ

Арсен Мартиросян

ОДНОЙ ИЗ НЕРАСКРЫТЫХ ТАЙН Второй мировой войны является сговор Англии с Гитлером. Некоторые исследователи, формулируя вопрос «Кто заставил Гитлера напасть на Сталина?», отвечают - Англия, указывая, на У.Черчилля и те силы, которые стояли за его спиной. Другие утверждают, что СССР некоторыми дипломатическими шагами сам внес роковую лепту. Речь идет о ноте от 25 ноября 1940 года, которую Гесс якобы предъявил во время тайных переговоров с руководством Англии в мае-июне 1941 года, что помогло ему убеждать Англию в необходимости соглашения с Германией.

Беглый взгляд на этот документ может дать впечатление, что так оно и было на самом деле. Однако глубокий анализ с учетом широкого круга фактов, деталей и нюансов международной обстановки, внешней политики, а также деятельности спецслужб заинтересованных держав показывает, что это не так.

Еще с июня 1939 года советское руководство обладало данными, что до нападения Германии на Советский Союз осталось примерно два года¹. Последовательность действий Гитлера была известна летом 1939 года: «Покончив с Польшей, Гер-

Арсен Беникович Мартиросян - ветеран разведки, член Союза писателей России.

мания со всей яростью обрушится на западные демократии... После того как будет сломлено сопротивление западных демократий, последует крупная схватка Германии с Россией...»²

Советский Союз из-за провала переговоров с западными демократиями был вынужден пойти на заключение Договора о ненападении с Германией, понимая, что он даст лишь отсрочку войны. Советское руководство осознавало, что в случае победы Германии над Польшей возникнет реальный рубеж, с которого начнется нападение Германии на СССР. Поэтому и были определены сферы интересов СССР. После вхождения 17 сентября 1939 года советских войск в Западную Украину, Западную Белоруссию, а в 1940 году и после вхождения Бессарабии и государств Прибалтики в состав СССР государственная граница передвинулась. Советское руководство предприняло это, когда стало ясно, что Германия нападет на Советский Союз, чтобы максимально возможно, но в рамках понятных для Запада постулатов, отдалить государственную границу от наиболее важных центров СССР.

В конце ноября 1939 года Сталин получил сообщение разведки о выступлении Гитлера перед генералами 23 ноября 1939 года. Фюрер сказал: «Мы сможем выступить против России лишь после того, как освободимся на Западе»³. И это при наличии договоров о ненападении и границе?!

24 февраля 1941 года агент берлинской резидентуры НКГБ СССР «Экстерн» сообщил, что германский генеральный штаб заказал находившемуся в Берлине царскому генералу П.Краснову аналитический обзор на тему «Поход Наполеона на Москву в 1812 году. Теоретический разбор вопроса о возможности такого похода в XX веке и возможные последствия подобной акции»⁴. Но Наполеон шел на Россию как бы транзитом, имея в виду главную свою цель - Индию! Нужно обратить внимание также и на то, что устоявшееся название гитлеровской агрессии - план «Барбаросса» не совсем точно. В переводе с немецкого слово «fall» первым значением имеет «вариант», и, следовательно, более точное название - вариант «Барбаросса». Если же был вариант «Барбаросса» как

план агрессии против СССР, значит, должен быть и другой вариант, и он действительно был.

Через два месяца после утверждения варианта «Барбаросса», 17 февраля 1941 года, на совещании верховного командования в ставке Гитлера был принят план, согласно которому вермахт должен был пройти через Балканы, Ближний Восток, Турцию и Иран в Афганистан, чтобы затем, преодолев Гиндукуш, вторгнуться в Индию. В документе фиксировалась цель вермахта - соединение с японскими частями на восточных границах Индии. А накануне нападения на СССР, 11 июня 1941 года, Гитлер одобрил этот план в директиве №32 «Подготовка к периоду после осуществления варианта «Барбаросса». Еще 3 ноября 1939 года в германский генштаб поступила докладная записка «Политика и ведение войны на Ближнем Востоке»⁵. Ее автором был офицер по особым поручениям при начальнике штаба Верховного командования вооруженными силами (ОКВ) генерале В.Кейтеле*, прозванный Лоуренсом Афганским, специалист по Ближнему и Среднему Востоку, полковник германской военной разведки Оскар фон Нидермайер. Он предлагал совместно с СССР нанести удар по Британской империи через Кавказ. О. фон Нидермайер предлагал также в целях сковывания английских войск в Индии и недопущения их переброски в метрополию поднять восстание пуштунских племен в Афганистане. План Нидермайера был одобрен германским генштабом. 6 января 1940 года начальник оперативного отдела штаба ОКВ генерал Альфред Йодль в своем докладе указал, что в Афганистане необходимо все усилия направить на разжигание мятежа пуштунских племен с целью создания угрозы Индии. Он подчеркнул, что основная цель - недопущение переброски английских войск из Индии на Британские острова.

Эта концепция отражала образ мышления в окружении германского генерала Г. фон Секта. Суть его состояла в следующем: «В данный момент русской армии не существует... Однако военная мощь измеряется не только числом, качеством, силой и вооружением воинских частей. Она складывается из гео-

**С 1940 г. - генерал-фельдмаршал.*

графических, стратегических и экономических факторов в единое целое, которое зависит также от численности населения и обширности территории. Страна, численность населения которой втрое превосходит численность нашей, потенциальные ресурсы которой беспредельны... будет играть в будущей мировой войне важнейшую роль. Тот, кто будет действовать против нее, натолкнется на труднопреодолимые препятствия. Кто будет с ней - расширит свое поле действий и возможности выступления во всех уязвимых пунктах земного шара. Все наши усилия должны быть направлены на то, чтобы в будущих реваншистских войнах СССР был нашим союзником. Если он не будет нашим союзником, то, прежде чем свести счеты с Францией, мы должны победить его, что потребует длительных и дорогостоящих усилий»⁶. Впоследствии Гитлер так формулировал свои экспансионистские претензии на мировое господство: «Политику завоевания новых земель в Европе Германия могла вести не только в союзе с Англией против России, но и наоборот: политику завоевания колоний и усиления своей мировой торговли Германия могла вести только с Россией против Англии»⁷. Все это сыграло колоссальную роль в англо-германских интригах вокруг миссии Р.Гесса в мае-июне 1941 года.

Таким образом, осенью 1939 года в высших кругах Третьего рейха уже задумались над стратегией войны против Англии, военная, экономическая и политическая мощь которой чрезвычайно зависела от ее колониальной империи. Удар предполагалось нанести в самом сердце Британской колониальной империи - по Индии. Рассматривалась при этом возможность сотрудничества с СССР - в Германии хорошо был известен резко антизападный, прежде всего антибританский, настрой советского руководства.

В этом контексте Англия пошла на тайные сепаратные переговоры с Берлином, но в Третьем рейхе не отбрасывали и других мыслей. В сентябре и октябре 1939 года германскому послу в СССР Шуленбургу дважды поручалось выяснить позицию СССР в отношении Афганистана⁸, в том числе и его взгляд на возможность реставрации на афганском престоле Амануллы-хана. Эти факты подтверждают, что мысли в запи-

ске О. фон Нидермайера были отнюдь не из ряда вон выходящими на политической кухне Берлина.

17 декабря 1939 года в Москву прибыл специальный представитель германского МИД Петер Клейст, являвшийся одновременно и информатором советской разведки⁹. Подробности их переговоров до сих пор засекречены, однако по опубликованным немецким данным известно, что «русские в принципе согласились с действиями Германии, но воздержались от окончательного одобрения»¹⁰. Такую оценку немецкой стороны не следует расценивать, как согласие СССР с азиатской политикой Берлина. Шла советско-финская война, и по каналам советской разведки поступали сигналы, что Англия и Франция намереваются нанести удар по нефтяным объектам в Советском Закавказье, дабы оказать помощь Финляндии. Так что такая позиция Москвы, учитывавшей возможность утечки информации о переговорах, была намеком Лондону, что меч, который он намерен занести над югом Советского Союза, может в реальности оказаться обоюдоострым.

Когда в феврале 1940 года П.Клейст вновь приехал в Москву, Молотов уклонился от встречи с ним, но немецкие источники утверждают, что П.Клейст встретился с представителями советской разведки¹¹ и во время этих встреч информировал о планах нацистской Германии в отношении Афганистана и Индии. Миссия Клейста показала, что советская сторона не намеревалась сотрудничать с Берлином в осуществлении планов в Афганистане и Индии. А 5 марта 1940 года Шуленбург официально подтвердил во время встречи с В.М.Молотовым, что эти планы отменяются. Советское правительство не намеревалось участвовать в планах Берлина, в том числе и потому, что знало из донесений разведки о планах англо-французского командования по нанесению бомбовых ударов по Баку. Даже намек на возможность какого-либо содействия Берлину мог привести к резкому осложнению международной обстановки вокруг СССР, особенно на южном направлении, вплоть до реанимации планов бомбардировки советского Закавказья, остановленных из-за подписания мирного договора между СССР и

Финляндией. Это неизбежно втянуло бы СССР в войну против западных демократий на стороне Берлина.

Неудача руководства Третьего рейха в попытке лишить Англию возможности маневра войсками из Индии на Европейский театр военных действий оставила ему лишь путь провокаций. Зная, что и в Кабуле, и в Лондоне с тревогой наблюдают за советско-германскими отношениями на азиатском направлении, в начале 1940 года немцы подбили итальянцев запустить пропагандистскую утку: итальянская радиостанция «Гималаи» сообщила о скором советском наступлении на Афганистан и Индию¹². Берлин понимал подлинные причины концентрации значительных советских сил на южном направлении, но подобными слухами немцы надеялись спровоцировать конфликт между Англией и СССР. Поэтому подобная провокация при любом исходе была на руку Берлину.

В отличие от западных стран, старавшихся сравнить других игроков, советское правительство осуществляло взвешенную и осторожную политику. Понимая, какое раздражение вызывает в Лондоне немецкая возня вокруг Афганистана и Ирана и к каким осложнениям в советско-британских отношениях могут привести слухи о якобы сочувствии Кремля подобным планам Берлина, Москва не только решительно отвергла все предложения Риббентропа насчет Афганистана. Она просто дала указание своим дипломатам и сотрудникам разведки немедленно прервать все контакты с амануллистами.

Британская разведка понимала, что Москва пошла на флирт с Берлином по поводу Афганистана только ради того, чтобы выявить планы Третьего рейха, она знала и о приказе Москвы прервать все контакты с амануллистами¹³. Индийская политическая разведка (ИПР) тщательно следила за бывшим афганским королем и была в курсе переговоров вступивших в контакт с Берлином и Москвой сторонников экс-короля между собой, знала, что с подачи немцев сторонники экс-короля в Европе обсуждали возможность с помощью Германии и СССР устроить весной 1940 года восстание в Афганистане и свергнуть короля Захир-Шаха¹⁴. Британская же разведка подпитывала свое прави-

тельство тем не менее только негативной информацией о шагах Москвы. Любая информация о якобы имевших место действиях Москвы на афганском, иранском или индийском направлениях без какой-либо серьезной проверки немедленно передавалась в правительство. В результате напряженность в англо-советских отношениях нагнеталась. Британское правительство вместо того, чтобы одернуть свою разведку и заставить ее разобраться, отдало приказ командованию войсками в Индии сконцентрировать 600 тыс. войск вдоль индийско-афганской границы. Дело дошло до эвакуации из Пешавара (центр северо-западного района Британской Индии) части населения и некоторых правительственных учреждений в конце 1940 года¹⁵.

После подписания Советско-германского договора о ненападении 23 августа 1939 года руководство Великобритании сразу поручило разведке заняться провоцированием столкновения между СССР и Германией. Осенью 1939 года в посольства Германии и Советского Союза в разных странах мира стали подбрасывать всевозможные письма, преследовавшие одну цель - поскорее стравить обе державы. Берлин не отставал. В английские дипломатические представительства за рубежом подбрасывались письма о том, что Советы вот-вот начнут вторжение в Афганистан и Индию. А Москве, напротив, пытались внушить, что Англия вот-вот нанесет удар с индийского плацдарма по советской Средней Азии, а также по Закавказью.

В такой ситуации начался западный поход вермахта. Но еще до его окончания, 2 июня 1940 года, Гитлер заявил в штабе армии группы «А», что «наконец он может посвятить себя своему истинному предназначению: искоренению большевизма»¹⁶. А 5 июня 1940 года советская военная разведка (ГРУ)¹⁷, а затем и внешняя разведка (НКВД СССР) информировали, что в военном планировании Гитлера произошел поворот в сторону разработки конкретного плана нападения на СССР.

В июле 1940 года Москве стало известно, что поручение британской разведке провоцировать вооруженное столкновение между Германией и СССР 22 июля 1940 года было оформлено личным приказом нового британского премьер-министра У. Черчилля

главе Управления специальных операций МИ-6 Хью Далтону. Однако в службе Х.Дальтона работали информаторы советской разведки, в частности представитель банкирского клана Ротшильдов - Виктор Ротшильд, друг и единомышленник «кембриджской пятерки», и Сталин своевременно узнал об этом распоряжении.

Таким образом, ясно, что ни в Англии, ни в Третьем рейхе, ни за океаном не понимали, что Сталин исходил лишь из одного: СССР с Германией ровно настолько, насколько западные демократии не с СССР, и лишь для того, чтобы хоть на какое-то время оттянуть неминуемое столкновение с Германией. Хотя западный поход вермахта и закончился победоносно - разгромом и капитуляцией Франции и позором Дюнкерка для Великобритании, - сопротивление Англии не было сломлено. Перед фюрером встал нелегкий вопрос: как добиться перелома в войне против самой Англии. А заодно, какой выбрать маршрут агрессии против Советского Союза. Ведь, в сущности, их было два.

Добиться перелома предполагалось прежде всего нанесением совместно с итальянцами удара по ключевым звеньям британской колониальной империи в Средиземноморье (Гибралтару, Мальте, Криту, Кипру) и на Ближнем Востоке (в Египте, Ираке и Палестине). В случае победы над Англией в Средиземноморье и на Ближнем Востоке, при одновременном захвате Японией Сингапура, ситуация для Великобритании оказалась бы смертельной.

Успех этих планов привел бы и к открытию второго направления агрессии, вермахт смог бы пройти через Балканы, Ближний Восток, Турцию и Иран в Афганистан, чтобы затем, преодолев Гиндукуш, вторгнуться в Индию.

Когда немцы осознали, что реализовать планы в Гибралтаре не удастся и вторжение на британские острова более чем под вопросом, они пошли на очередной раунд тайных переговоров с англичанами в Женеве в августе 1940 года, о которых Сталин, благодаря разведке, был информирован. Переговоры происходили между группой влиятельных британских политиков во главе с герцогом Бедфордским и уполномоченным Гесса - профессором Альбрехтом Хаусхофером. Сталину было известно, что англичане выразили готовность начать мирные переговоры с Гер-

манией, но выставили и предварительное условие - расторгнуть Советско-германский договор о ненападении. В принципе Гитлер и Гесс были согласны на это условие, но хотели отложить дальнейшие переговоры до занятия Балкан.

Одновременно немцы готовились и к другому возможному развитию событий, разрабатывались планы операций «Морской лев», «Феликс» и «Изабелла», прямо или косвенно направленные против Англии. Информация об этом достигала Лондона и оказывала влияние на его политическую линию.

У.Черчилль с приходом к власти 10 мая 1940 года предпринял шаги якобы к улучшению находившихся «на точке замерзания» отношений с СССР. Для этого предполагалось направить с «особой миссией» известного в Москве своими симпатиями к СССР лейбористского политика Стаффорда Криппса. Немецкая разведка знала об этом, так как до июля 1940 года она контролировала переписку между У.Черчиллем и Ф.Рузвельтом, которая осуществлялась через американское посольство в Лондоне (шифровальщик Тайлер Кент был завербован нацистской разведкой). Инициатива У.Черчилля была отклонена советской стороной. И в конце мая 1940 года Криппс был направлен не с «особой миссией», а на смену послу У.Сидсу. Криппс был принят крайне сдержанно. Сталин прекрасно понимал, что основная цель Криппса - это «побудить русских надуть немцев»¹⁸. Немцы знали об этой истории. Но, как и Сталин, они знали и неприглядную для англичан, но выгодную для Берлина предысторию этой якобы попытки улучшить отношения Англии с СССР. Едва Черчилль стал премьер-министром, он тут же занялся разработкой плана соглашения с Германией на основе признания ее претензий на колонии в Африке, интересов в Центральной и Юго-Восточной Европе и канализации ее устремлений против СССР. Черчилль уже в то время показал, что готов пойти на компромиссный мир с Гитлером, но лишь тогда, когда фюрер поймет бесперспективность войны с Великобританией. Условиями компромисса, по мнению Черчилля, должны были стать согласие фюрера на сохранение Британской империи, ее военно-морской

и военно-воздушной мощи и удовлетворение претензий Германии в Средиземноморье на обладание Мальтой, Гибралтаром, некоторыми африканскими колониями. Но главным, что составляло суть «компромисса» Черчилля - «свобода рук» для Германии в Восточной Европе!¹⁹

Выступая 27 мая 1940 года на заседании военного кабинета Черчилль заявил, что «если Гитлер готовится заключить мир на условиях возвращения германских колоний и территорий в Центральной Европе», то это были бы приемлемые условия²⁰. Очевидно, что в тот момент продолжение войны для Черчилля было не способом достижения победы, а средством для выщипывания у Гитлера более почетных для Великобритании условий мира. Или, по меньшей мере, мирной передышки путем переориентации экспансии Гитлера строго на Восток, против СССР.

Это понимали в Берлине и решили разыграть карту трансконтинентального евразийского блока. Гитлер был готов к компромиссу с Черчиллем, но пошел бы на это только тогда, когда заполучил козырного туза - формальное подключение СССР к Тройственному пакту. Потому, как в любой комбинации предложенного Черчиллем варианта компромисса, была гарантия фактической ликвидации даже иллюзии западного фронта, а следовательно, и страшившей его угрозы войны на два фронта в случае нападения на СССР. Трио Берлин - Рим - Токио хотя и было чрезвычайно опасно для Лондона, но не до такой степени, чтобы стать смертельным. Смертельным оно стало бы только в одном случае - если к такому блоку подключится Москва.

Риббентроп обратился с письмом к Сталину, в котором предлагал рассмотреть вопрос о присоединении Советского Союза к Тройственному союзу. В дипломатически учтивом ответе Сталина акцент был сделан на двусторонних консультациях, а в том, «что касается совместного обсуждения некоторых вопросов с участием представителей Японии и Италии», говорилось лишь, что вопрос следовало бы подвергнуть «предварительному обсуждению»!²¹ Принципиальная отрицательная реакция советского правительства на Тройственный пакт была известна не только немцам информация была опу-

бликована в советской прессе²². Позиция СССР по Тройственному пакту была четко зафиксирована американской разведкой, и эта информация была передана англичанам. В перехваченной советской разведкой телеграмме госсекретарю США от 28 сентября 1940 года посол США в Москве отмечал, что сотрудники германского посольства в Москве «откровенно говорят, что СССР недоволен Тройственным пактом... они высказывают мнение, что следующей весной Германия начнет войну против СССР. При этом они подтверждают, что германского вторжения в Англию осенью 1940 года не будет»²³.

24 октября 1940 года в записке НКВД СССР Сталину №4577/б о политических планах Германии сообщалось, что Бюро Риббентропа 20 октября этого года закончило разработку плана уничтожения иллюзий возможной помощи Англии со стороны третьих держав. Этим рассчитывают добиться свержения правительства Черчилля, после чего между Германией и Англией, возможно, будет найден компромисс. Таким образом, будет оказано давление на Советский Союз, чтобы вынудить его пойти на политическое соглашение с Германией, которое покажет всему миру, что СССР ни в коем случае не останется нейтральным, а будет активно бороться против Англии за новый порядок в Европе. Гитлер одобрил этот план. Ожидают, что Риббентроп по окончании переговоров с Францией и Испанией отправится в Москву. Далее в планы Германии входит добиться заключения пакта СССР с Японией, чтобы показать миру полное единение между четырьмя державами и тем самым удержать США от оказания эффективной помощи Англии.

Однако визит в Берлин Молотова, которому было запрещено затрагивать вопросы Британской империи²⁴, убедил немцев, что Советский Союз не намерен потворствовать геополитическим амбициям нацистского руководства. Нацистам оставалось лишь запускать пропагандистские «утки».

Едва Молотов покинул Берлин, нацистское руководство, вопреки реалиям переговоров, попыталось представить результаты визита как «некий крупный успех германской дипломатии и одновременно как новое поражение Англии». Разъяс-

няя эти не имевшие под собой никакой почвы пассажи гитлеровской пропаганды, советское полпредство в Германии отмечало: «Это объясняется... прежде всего тем, что привлечение СССР на сторону Германии является основой внешнеполитического плана Германии, нацеленного на быстрое победоносное окончание войны с Англией»²⁵.

Советский Союз выразил свою позицию в ноте германской стороне от 25 ноября 1940 года. В ней говорилось, что СССР согласен принять в основном проект пакта четырех держав, изложенный Риббентропом в его беседе с В.М. Молотовым в Берлине 13 ноября 1940 года и состоящий из четырех пунктов, при следующих условиях:

1. Если германские войска будут выведены из Финляндии, представляющей сферу влияния СССР, согласно советско-германскому соглашению 1939 года, причем СССР обязывается обеспечить мирные отношения с Финляндией, а также экономические интересы Германии в Финляндии (вывоз леса, никеля).

2. Если в ближайшие месяцы будет обеспечена безопасность СССР в Проливах путем заключения пакта взаимопомощи между СССР и Болгарией, находящейся по своему географическому положению в сфере безопасности черноморских границ СССР, и организация военной и военно-морской базы СССР в районе Босфора и Дарданелл на началах долгосрочной аренды.

3. Если центром тяжести аспирации СССР будет признан район к югу от Батума и Баку в общем направлении к Персидскому заливу.

4. Если Япония откажется от своих концессионных прав по углю и нефти на Северном Сахалине на условиях справедливой компенсации.

Все эти условия были связаны с реальными вопросами безопасности страны в сложившейся тогда ситуации. Критики обращают внимание на третий пункт, интерпретируя его как проявление экспансионистских агрессивных амбиций Сталина. Но ведь еще в период советско-финской войны Великобритания и Франция планировали нанесение массированных бомбовых ударов, прежде всего именно по Баку, который в то время являлся

главным центром добычи нефти в СССР. Сталину было известно, что эти планы отнюдь не были отменены, лишь исполнение их было приостановлено. Так что опасения за безопасность на этом направлении были оправданы.

Однако важнее понять, что содержание ноты от 25 ноября 1940 года фактически являло собой отказ от предложений Германии, так как советские оговорки были нереализуемы на практике. Это был очень жесткий советский ультиматум в интересах безопасности СССР, и именно так это восприняли в Берлине, почему ничего и не ответили. В таких обстоятельствах нельзя рассматривать ноту от 25 ноября 1940 года как ошибку. Она была попыткой, хотя в чем-то, возможно, и неудачной, а быть может, и даже не рассчитанной на удачу, но тщательно выверенной и единственно возможной в тех обстоятельствах реакцией на демарш Риббентропа для продления переговоров и оттягивания войны. В Берлине потеряли всякий интерес к разговорам на тему о «Пакте четырех», Гитлер и его генералы уже завершали разработку варианта агрессии против СССР.

В подтверждение правоты Советского Союза приведем телеграмму полпреда СССР в Великобритании И.М.Майского в Москву:

«1. 29 ноября Кейтель, выступая в Берлине на собрании высшего комсостава германской армии, коснулся визита т. Молотова в Берлин и с удовлетворением констатировал, что СССР продолжает сохранять нейтралитет и что Германии с Востока не угрожает опасность, но затем в чрезвычайно резких выражениях заявил, что по большим вопросам политики «с русскими очень трудно разговаривать». Кейтель дал при этом понять, что фюрер очень недоволен нежеланием «русских» вести разговоры о «новом порядке в Европе» и вообще о разделе мира на «сферы влияния». Кейтель говорил также, что немцы подготавливают к весне 1941 года сокрушительный удар против Англии, ибо без разгрома последней не может быть ни победы, ни конца войны. После этого Германия сможет заняться другими проблемами, в частности возможно дальше на Восток оттеснить СССР»²⁶.

Накануне этого выступления Кейтеля германский генштаб

почти закончил подготовку варианта «Барбаросса». 18 декабря 1940 года Гитлер выступил на совещании офицеров германской армии с резко антисоветской речью. В отличие от заявления Кейтеля, вариант «Барбаросса», по словам Гитлера, предусматривал нападение Германии на СССР не после, а до «сокрушительного удара по Англии». В сообщении разведки было указано, что Гитлер резко высказался против «несправедливости, существующей на земле, когда 60 млн. великороссов владеют одной шестой частью земного шара, а около 90 млн. немцев ютятся на клочке земли», и призвал к устранению этой «несправедливости»²⁷.

Лондон же подпитывался донесениями своей разведки, которая не пожелала разобраться в ситуации, и продолжал свою дезинформационную работу. А в Москву стали поступать сведения о том, что британский кабинет министров разрабатывает планы нагнетания напряженности и военных конфликтов между Германией и СССР, что британские агенты заняты распространением слухов в Соединенных Штатах о неизбежности войны между Германией и Советским Союзом.

К исходу весны 1941 года Третий рейх не только установил контроль в континентальной Западной и Восточной Европе, было подорвано британское господство на морях, в результате чего возникла реальная экономическая угроза самому существованию островного государства. Черчилль говорил Сталину, что для нормального существования Англии необходимо ежемесячно получать не менее 70 млн. тонн различных грузов, а к моменту нападения Германии на СССР она могла обеспечить, да и то только с помощью США, всего около 40 млн. тонн. Наконец, немалый ущерб наносили постоянные бомбардировки острова немецкой авиацией.

В то же время и сами немцы к маю 1941 года оказались практически в тупике. Англия не была сломлена. Приготовления к нападению на Советский Союз переходили в финальную стадию, а вопрос об устранении угрозы Второго фронта при нападении на СССР не был решен. Начинать войну в таких условиях Гитлер не решался. К тому же надо было окончательно опре-

делиться и с маршрутом агрессии*. И тогда было принято решение направить в Англию Р.Гесса. Его главная цель состояла в следующем: либо убедить ее руководство присоединиться к агрессии Германии против СССР, либо же, по меньшей мере, получить от Лондона убедительные гарантии *неоткрытия* Второго фронта в течение грезившегося Гитлеру блицкрига.

Не имеет принципиального значения, была ли это хитроумная операция британской разведки по выводу Р.Гесса на территорию Англии или его полет был результатом психической неуравновешенности наци №2. Достоверно известно, что Гесс полетел в Англию с прямой санкции Гитлера, ибо, едва только он оказался на английской земле, Риббентроп по приказу фюрера отправился в Рим, чтобы поставить дуче в известность, что полет Гесса был попыткой передать предложения о сепаратном мире²⁸.

Миссию Гесса было решено сопроводить дополнительными аргументами для убеждения Англии в необходимости принятия германских условий. В первых числах мая 1941 года гитлеровцы запустили слухи, что Германия оказывает давление на Советский Союз для заключения ряда важных для Германии соглашений, в том числе о предоставлении вермахту права прохода через советскую территорию и сдаче в аренду рейху пшеничных полей Украины. Якобы СССР также готов предоставить в распоряжение рейха часть нефтяных промыслов Баку в обмен на свободный выход к Персидскому заливу и, возможно, в Афганистан²⁹.

Англичане восприняли эту дезинформацию. Англию всегда пугал любой намек на возможность альянса Германии и России вне какой-либо зависимости от их текущего государственного устройства и царящих в них режимов. А тут еще в качестве одного из участ-

**Гитлер достаточно долго тянул с максимальной концентрацией войск для нападения на СССР, полагая возможным осуществить это, что называется, в последний момент, ибо железнодорожная сеть Германии и оккупированной Третьим рейхом части Польши, особенно на северо-восточном (для СССР - северо-западном) направлении, позволяла поступить именно таким образом. Пропускная способность германских железных дорог в направлении советской границы превосходила пропускную способность советских железных дорог в западном направлении в несколько раз. Именно этим и обусловлено колебания Гитлера в окончательном выборе маршрута агрессии.*

ников такого альянса фигурирует и Япония, которая к тому моменту подписала 13 апреля 1941 года Пакт о нейтралитете с СССР.

Немцы, запустив такую «утку», провоцировали англичан реанимировать планы нанесения бомбовых ударов по Баку, что, как было подтверждено советской разведкой в начале мая 1941 года, и случилось. Немцы провоцировали англичан на агрессивные действия против СССР, что автоматически сделало бы Англию военным союзником нацистской Германии и, в свою очередь, сняло бы с повестки дня и вопрос о Втором фронте. К сожалению, дело действительно едва не дошло до этого. Как стало известно Сталину 12-13 июня, «12 июня Комитет начальников штабов Англии решил принять меры, которые позволили бы нанести силами средних бомбардировщиков из Мосула удар по Баку»³⁰. Такой удар английской авиации по советскому Закавказью означал бы войну Англии против СССР. Против СССР в таком случае оказывались не только государства Тройственного пакта, но и Англия. Вслед за ней такую же позицию могли занять и США. Лишь благодаря успеху Центра дешифровок немецких сообщений в Блетчли Англия удержалась от рокового шага - принятия рекомендаций Комитета начальников штабов.

Но Англия не была безучастным наблюдателем. В конце марта 1941 года Англия спровоцировала государственный переворот в Югославии, дабы не допустить ее присоединения к Тройственному союзу, при этом сформировав ложное впечатление о том, что к перевороту причастен Советский Союз. Не без помощи Канариса Гитлер поверил в это. Переворот в Югославии привел к резкому усилению и без того крайне напряженных советско-германских отношений.

Такова была ситуация, когда Р.Гесс опустился на английскую землю. «Джентльмены» с обеих сторон приступили к торгу, отчетливо замаячила угроза англо-германского сговора. Ведь Гитлер и Гесс, освоив идеи К. Хаусхофера, предложили Англии мир на чрезвычайно почетных условиях. В привезенном Гессом меморандуме Англии предлагалось провести разграничение сфер интересов. Сферой интересов стран оси должна быть Европа, сферой интересов Англии - ее империя. Это был повтор условий, предложенных Англии Гессом и Риббентропом еще летом 1940 года,

о чем Сталину было известно. Сталину также было известно, что Гесс предложил Лондону не только не препятствовать Германии одержать быструю победу над СССР, но и присоединиться к ней, обещая взамен согласие Берлина на участие Лондона и Вашингтона в расчленении Советского Союза. Англии, в частности, предлагался район от реки Оби до реки Лены, Америке - районы восточнее Лены, а себе Германия «присваивала» территории до реки Обь.

Искушение для правящих кругов Великобритании, находившейся в тяжелейшем положении, было огромным, ибо без своих колониальных владений Англия как великая держава в то время существовать не могла. Искушение лично для Черчилля, который был не только выдающимся защитником интересов Британской империи, но и поборником уничтожения Советов и России, было велико. К тому же в Англии имелись силы, бросавшие вызов его власти и стремящиеся договориться с Гитлером. Черчилль еще в апреле направил советскому правительству не самый вежливый меморандум, в котором прямо указал, что Великобритания вовсе не заинтересована в сохранении Советского Союза в неприкосновенности³¹. Сам факт прилета Гесса означал полное согласие Берлина с главным условием Лондона - немедленно порвать Договор о ненападении с СССР. На британское руководство влияла и расшифровка германских телеграмм, сообщающая о переводе с 22 мая графика воинских перевозок в вермахте в уплотненный режим ускоренного движения, что означало финальную стадию подготовки к нападению на СССР.

9 июня 1941 года в переговоры с Гессом включился лорд-канцлер и член кабинета Черчилля Джон Саймон, который еще за шесть с лишним лет до этого, в бытность министром иностранных дел Великобритании, на берлинских переговорах в марте 1935 года гарантировал Гитлеру «зеленый свет» на Востоке. Уже 10 июня о факте подключения Дж. Саймона к переговорам и содержании его бесед с Гессом и его меморандуме стало известно Сталину.

Однако 12 июня, когда Комитет начальников штабов решил осуществить бомбардировки Баку, Центр дешифровок в Блетчли перехватил и расшифровал сообщение о назначении 22 июня датой нападения Германии на СССР. Как только в Лондоне поняли смысл этой расшифровки для Англии, на переговорах с Гессом

произошел коренной перелом. У.Черчилль писал: «Лучше всего следовать естественному ходу событий. Столкновение между Германией и Советским Союзом неизбежно. Сосредоточение германских сил на советской границе идет ускоренным темпом. Нам нужно подождать своего часа...»³²

Поторговавшись для виду еще два дня, англичане дали понять, что Гитлер может спокойно нападать на Советский Союз, Второй фронт не будет открыт до 1944 года, но при условии, что Гитлер оставит в покое Британскую колониальную империю и снизит интенсивность бомбардировок Англии. Кстати, уже после начала войны ГРУ зафиксировало широкомасштабные переброски германских воинских частей, особенно авиационных, с северо-запада Франции на Восточный фронт³³. Достигнутая договоренность действовала!

Но немцы не были готовы так просто поверить Лондону. В Москву был направлен один из самых доверенных агентов адмирала Канариса - Николас фон Галем³⁴. Его целью было получение сведений о позиции Англии непосредственно от резидента британской разведки в Москве, с которым он был дружен с детства, а также передача ему информации о том, что нападение произойдет 22 июня. У Н. фон Галема была еще одна задача - получить достоверные сведения о том, есть ли соглашение между Англией и СССР о сотрудничестве в борьбе против Германии, имеются ли конкретные наметки такого соглашения. Н. фон Галем успешно выполнил задачу, и уже 14 июня 1941 года Гитлер окончательно подтвердил командующим группировок свое политическое решение о нападении на Советский Союз.

Да, 22 июня Черчилль произнес свою знаменитую речь в поддержку Советского Союза. Однако английская политика не была бы сама собой, если бы одновременно, прямо в день нападения Германии на СССР, не продолжила бы попытки сепаратного сговора с Гитлером, что было зафиксировано советской разведкой в Турции.

Понимая, что для У.Черчилля интересы сохранения Британской империи, ее колониальных владений представляют безусловный приоритет, и, понимая, что Советский Союз в сложившейся ситуации может оказаться для нее полезным, Гитлер решил сделать все, чтобы не допустить их союза и, по крайней мере, всемер-

но осложнить его формирование. Он осознанно поставил на кон судьбу именно Британской колониальной империи, особенно Индии, полагая ее козырной картой, в обмен на которую Англия должна была бы гарантировать ему безнаказанность разбоя на Востоке, против СССР. В определенной степени ему это удалось, о чем британский премьер-министр 4 сентября 1941 года проговорился советскому послу Майскому, когда заявил, что Второй фронт не будет открыт до 1944 года!³⁵ Да, собственно говоря, Черчилль не скрывал этого даже в переписке со Сталиным летом и осенью 1941 года³⁶.

КОРОЧЕ ГОВОРЯ, не будь этого, хотя и не подтвержденного до настоящего времени документами сговора с Гитлером, гарантировавшего ему свободу рук на Востоке до 1944 года, фюрер едва ли рискнул бы на нападение! Да, Черчиллю хватило ума и политической изворотливости лично остаться в стороне - в отличие от своего предшественника - от этой сделки. Однако в своем последнем слове перед оглашением смертного приговора бывший министр иностранных дел Третьего рейха назвал полученные Берлином гарантии «заявлением о дружеских заверениях, которые дал мне Черчилль»³⁷. Именно это «заявление о дружеских заверениях» Черчилля окончательно уверило главарей Третьего рейха в возможности, не опасаясь за свой западный тыл до 1944 года, начать-таки агрессию против СССР согласно варианту «Барбаросса».

¹ЦА МО. Ф. 23. Оп. 9117. Д. 2. Л. 418-431. Документы внешней политики СССР. Т. XXII. Кн. 2. С. 559 (в прим.) со ссылкой на архив КГБ СССР.

²ЦА МО. Ф. 23. Оп. 9117. Д. 2. Л. 350-360.

³Анфилов В. «Новая версия» и реальность // Независимое военное обозрение (далее - НВО). 1999. 7 апреля. Совершенно секретно! Только для командования». М., 1967. С. 76-78.

⁴Очерки истории российской внешней разведки: В шести томах. Т.3. М., 1997. С. 286.

⁵Glasneck J., Kircheisen I. Türkei und Afganistan - Brennpunkte der Orienpolitik in Zweiten Weltkrieg. Berlin, 1968. S. 211.

⁶Цит. по: Флоримон Бонт. Дорога чести / Пер. с фр. М., 1949. С.189.

⁷Гитлер А. Майн Кампф. М., 1992. Раздел 33. Глава 14. Цит. по: *Леонтьев М.* Большая игра. М., 2008. С. 184.

⁸Тихонов Ю. Афганская война Сталина. Битва за Центральную Азию. М., 2008. С. 277.

⁹Фляйшхауэр И. Пакт. Гитлер, Сталин и инициатива германской дипломатии. 1938-1939. М., 1990. С. 199, 392, 402. ДВП. Т. XXII. Кн. 2. С. 559 (в прим.) со ссылкой на «архив бывш. КГБ СССР». Необходимо отметить, что во многих ныне официально рассекреченных и опубликованных документах СВР и ГРУ, относящихся к предвоенному периоду, П.Клейст фигурирует действительно как источник секретных сведений для советских разведывательных служб.

¹⁰Hauner M. India in Axis Strategy. German, Japan and Indian Nationalism in the Second World War. Stuttgart, 1980. P.163.

¹¹Glasneck J., Kircheinsen I. Op. cit. S. 217.

¹²Тихонов Ю. Афганская война Сталина. Битва за Центральную Азию. М., 2008. С. 285.

¹³Там же. С. 284, а также - АВП РФ. Ф. 082. 1940. Оп. 23. П. 95. Д. 5. Л. 139.

¹⁴Справка Индийской политической разведки (ИПР) «Экс-король Аманулла и Сиддик-хан» от 4.11.1939 г./L/P@J/12/123.P. 55. Приводится по: *Тихонов Ю.* Афганская война Сталина. Битва за Центральную Азию. М., 2008. С. 282.

¹⁵Донесение советского полпреда в Кабуле К.Михайлова В.Молотову от 11.10.1940 г./ АВП РФ. Ф. 071. 1940. Оп. 22. П. 192. Д. 4. Л.301.

¹⁶Фёрстер Ю. Война и политика. 1939-1941. М., 2001. С. 332. Немецкий автор не совсем точно цитирует это высказывание Гитлера. Более точное описание этого события и само цитирование содержится в K.Klee. Das Unternehmen «Seelowe», Berlin-Frankfurt, 1958. S. 189. Согласно этому источнику, Гитлер высказался подобным образом в беседе с немецкими генералами Г. фон Руншtedтом и Г. фон Зоденштерном, состоявшейся 2 июня 1940 г.: «...2 июня 1940 года, после завершения первой фазы французской кампании, Гитлер посетил штаб группы армий «А» в Шарлевилле. Перед началом совещания он прогуливался перед зданием, где собрались офицеры, с командующим группой армий «А» (фон Рундшtedтом) и начальником штаба группы (фон Зоденштерном). Как бы ведя личную беседу, Гитлер сказал, что если, как он ожидает, Франция «отпадет» и будет готова к заключению разумного мира, то у него, наконец, будут развязаны руки для выполнения своей настоящей задачи - разделаться с большевизмом».

¹⁷Известия ЦК КПСС. 1990. № 3. С. 220. Приводится по: Военная разведка информирует. Документы Разведуправления Красной армии. Январь 1939 - июнь 1941 / Составитель Гаврилов В.А. М., 2008. С. 434.

¹⁸Городецкий Г. Роковой самообман: Сталин и нападение Германии на Советский Союз. М., 2008. С. 49 со ссылкой на рассекреченные документы Министерства иностранных дел Великобритании.

¹⁹Там же. С. 31-34.

²⁰Там же. С. 34.

²¹АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 675. Л. 1.

²²30 сентября 1940 г. жесткая реакция Советского Союза на Тройственный пакт была опубликована в качестве передовицы (без подписи) в газете «Правда». Автором был В.М.Молотов при участии И.В.Сталина. Ныне записка В.М.Молотова «Берлинский пакт о Тройственном союзе» хранится в РЦХИДНИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1161. Л. 66-75.

²³FRUS. 1940. Vol. I. P. 565. В германском посольстве в Москве американцы располагали весьма информированной агентурой. К примеру, второй секретарь посольства США в Москве Чарльз Ю.Болен работал с двумя агентами из числа сотрудников германского посольства - вторым секретарем посольства Г.фон Биттенфельдом (псевдоним «Джонни»; встречи происходили во время совместных конных прогулок) и заведующим Консульским отделом германского посольства Г.фон Вальтером. Именно они были главными информаторами американцев по всем вопросам, касавшимся советско-германских отношений. Советской контрразведке хорошо было известно, что американцы располагают отлично информированной агентурой в германском посольстве в Москве. Так что оценки американцев в отношении позиции СССР к Тройственному пакту были известны Лубянке, а соответственно, и Сталину...

²⁴Сталин - Молотову, 11 ноября 1940 г. АВП РФ. Ф.059. Оп. 1. П. 338. Д. 2314. Л. 2.

²⁵См.: *Мартиросян А.Б.* Мифы пакта Молотова - Риббентропа. Т. 3. Сговор диктаторов или мирная передышка. М., 2009. С. 443-444. *Мартиросян А.Б.* 200 мифов о Великой Отечественной войне. Т. 1. На пути к мировой войне. М., 2008. С. 471-472.

²⁶АВП РФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 326. Д. 2237. Л. 272-274.

²⁷Секреты Гитлера на столе у Сталина. М., 1995. С. 11.

²⁸*Гальдер Ф.* Военный дневник. Т. 2, М., 1970. С. 523-526.

²⁹The German Campaign in Russia - Planning and Operations (1941-1945). Washington, D.C.: Department of the Army, 1955. P. 19.

³⁰*Батлер Дж.* Большая стратегия. Сентябрь 1939 - июнь 1941. М., 1959. С. 497.

³¹*Woodward L.* British Foreign Policy in Second War. London, 1970. Vol. I. P. 604.

³²Цит по: *Городецкий Г.* Указ. соч. С. 327.

³³*Лота В.* Секретный фронт Генерального штаба. Разведка: открытые материалы. М., 2005. С. 259-261.

³⁴*Колвин И.* Двойная игра. М., 1960. С. 238.

³⁵Очерки истории российской внешней разведки. Т. 3. С. 440; Т. 4. С. 263; *Мячков М.* Союзники-антагонисты // НВО. 2002. №19.

³⁶См., например: Министерство иностранных дел СССР. Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Т. I, М. 1976. С. 17.

³⁷Нюрнбергский процесс. М., 1961. Т. VII. С. 271.

ДЕМОНЫ И ПРИЗРАКИ ИСТОРИИ: МИРОВЫЕ ВОЙНЫ XX ВЕКА

Михаил Майоров

МИР по-разному отметил 65-летие со дня окончания Второй мировой войны. В большинстве стран, отдавая должное памяти всех жертв невиданной схватки с мировым злом, предпочли замкнуться в оценке войны как трагической данности истории, которая не должна повториться. В России торжественные мероприятия в мае этого года были пронизаны стремлением воскресить изрядно подзабытый дух единения стран - различных по своему историческому опыту и выбранному пути развития - в борьбе с общим врагом. Нашлись и такие политические деятели, кто по традиции использовал скорбную годовщину для того, чтобы, избирательно поиграв с историческими фактами и позлорадствовав над внутренними неурядицами вчерашнего главного победителя, вновь поставить под сомнение истинное содержание и итоги войны. Но если события более чем полувековой давности продолжают будоражить умы, то недавняя дата - 90-летие окончания Первой мировой войны - прошла не слишком заметно (в России по большому счету о ней и не вспомнили), словно и не было в истории человечества этого излома, выплеснувшего накопившуюся враждеб-

*Михаил Владимирович Майоров - Чрезвычайный и Полномочный
Посол, кандидат исторических наук.*

ную энергию прошлого и предопределившего судьбу многих членов мирового сообщества. Лишь в Западной Европе почтили память той далекой войны, которая не ранила честолюбие западноевропейцев и в отличие от Второй мировой войны не давала поводов для упреков в бесславном поведении.

Между тем современные международные отношения постоянно бросают вызов политикам, призывающим не оставаться в плену истории и совместно строить незамутненное будущее. Замысловатые зигзаги международной жизни нередко ставят в затруднительное положение и приверженцев идеи рассматривать нынешнюю картину мира через призму прагматичных воззрений на существо мировых проблем и межгосударственных отношений. Сама по себе история не способна дать исчерпывающих ответов на все новые и новые вопросы, которые ставятся мировым развитием. Но и их рассмотрение без тесной увязки с историческими явлениями может привести к искаженному пониманию происходящих процессов и не дать полного представления о мотивах поведения отдельных государств. Не вникая, например, в историю империи Габсбургов и Османской империи или же в причины первой и второй Балканских войн 1912-1913 годов, сложно разобраться с проблемами, вызванными появлением на карте Европы Боснии, Косова, Македонии и Хорватии. Без внимательного взгляда на перипетии двух мировых войн невозможно подступиться к прояснению скрытых пружин, толкнувших альянс стран, гордящихся своим миролюбием и приверженностью христианским ценностям, с ожесточением и изощренным коварством бомбить города Югославии. Даже в России, славящейся обостренным отношением к истории, можно встретить политиков, которые сомневаются в правильности государственной линии в отношении каких-то «ничего не значащих» островов в Тихом океане.

Призывы к тому, что история должна оставаться историкам, можно было бы только приветствовать, если бы они сопровождались всеобщим отказом от стремления политизировать историческое прошлое и использовать его в своих интересах. Не имеющими большой перспективы представляются и надежды выработать какое-то подобие общего представления о прошлом, по-

скольку у каждой страны, у каждого народа есть свое видение истории, собственная историческая память. Один из крупнейших политических деятелей XX века генерал де Голль достаточно емко определил основу проводимой им национальной политики, указав, что «государство, которое несет ответственность за Францию, должно проявлять заботу одновременно о наследии прошлого, о ее сегодняшних интересах и о ее надеждах на будущее»¹. Среди историков разных стран до сих пор нет единого подхода к оценке истоков Первой мировой войны, хотя наблюдается процесс отхода от зауженного взгляда на эту войну как преимущественно военный конфликт, порожденный силовым противостоянием империалистических держав за ресурсное обеспечение своих экономик и стремлением к господству над окружающим миром. Неутихающие баталии за право расставить точки над «i» в вопросе о Второй мировой войне, которая часто рассматривается как продолжение Первой, также побуждают пристальнее всмотреться в то, что предшествовало двум мировым конфликтам и сопровождало их.

Обе мировые войны возникли как результат межгосударственных противоречий, столкновения различных миросистемных взглядов и обострения чувства национальной розни и этноконфессиональных конфликтов. Выходя далеко за пределы XX века, они являлись своеобразной кульминацией нравственной мутации мирового сообщества, проявившейся среди прочего во вспышке воинствующего национального эгоизма, переходившего порой в шовинизм. Уже Тридцатилетняя война (1618-1648 гг.), ставшая, по существу, общеевропейской, показала, что ради господства на континенте европейские монархи были готовы ввергнуть Европу в опустошительные военные конфликты, нисколько не заботясь о тех последствиях, которые они несут. Провозглашенный кардиналом Ришелье принцип «*raison d'état*» (государственные соображения) понимался правителями прежде всего как их долг бороться за расширение территории государства для возвеличивания собственного могущества. В целях противодействия попыткам одной страны добиться гегемонии заключались недолговременные и

корыстные союзы, которые, в зависимости от их успешности, определяли уровень равновесия сил в Европе. Тридцатилетняя война, отмеченная главным образом вооруженным противостоянием Габсбургов Австрии и Испании с коалицией во главе с Францией, привела к тому, что государства более не сдерживали себя видимостью соблюдения норм христианской морали.

Данное обстоятельство сыграло роковую роль в Первой мировой войне, когда в Европе воевали друг с другом в основном христианские страны, что заставило усомниться в усиленно пропагандиrowавшемся до войны тезисе об их цивилизационном превосходстве над другими народами. Одна из самых цивилизованных наций - германская - позволила Гитлеру втянуть себя в осуществление его человеконенавистнических замыслов и стать орудием варварской политики фашистской Германии. История двух мировых войн свидетельствует, что принадлежность к одной религии, одной цивилизации не становилась препятствием для развязывания кровавых конфликтов внутри, казалось бы, единой системы ценностей, так же как подобные сентенции не мешали образовывать союзы со странами иной цивилизационной принадлежности (Турция, Япония) в целях подавления духовно близких народов. Такая постановка вопроса не потеряла своей актуальности и сегодня: в ходе боснийского и косовского кризисов конца XX века христианские страны - члены НАТО оказали силовую поддержку мусульманским общинам в их борьбе против христианского народа - православных сербов. Для многих историков не слишком убедительным выглядят известные предсказания С.Хантингтона о том, что следующая мировая война, если она разразится, будет «столкновением цивилизаций».

Стремительно ворвавшись при Петре I в европейскую политику, Россия усвоила существовавшие правила игры на континенте и в силу характера царского режима во многом ограничивала себя защитой консервативных интересов в Центральной и Восточной Европе. Любые ее попытки выйти за рамки такой политики, в частности на Ближнем Востоке и Балканах, встречали ожесточенное сопротивление со стороны Англии, Франции и стран германского ареала, которые с самого нача-

ла европейского «пришествия» России видели в ней грозного соперника. Оправившись от шока, вызванного нашествием Наполеона, и благосклонно восприняв усилия России по «противодействию революционной заразе» в Польше (1830-1831 гг.) и Венгрии (1848-1849 гг.), ведущие европейские державы быстро нашли общий язык в действиях по подрыву мощи «русского медведя». В результате их антироссийской политики Крымская война (1853-1856 гг.) обернулась для царского режима существенным ослаблением российского влияния на дела европейского континента. Нарушение баланса в системе равновесия сил в Европе подстегнуло рост застарелых противоречий между самими европейскими державами, неумолимо толкая их к военному противостоянию. В своем известном труде «Дипломатия» Г.Киссинджер признавал, что «за последние 200 лет европейское равновесие сил в ряде случаев было сохранено благодаря героическим усилиям России. Без России Наполеон и Гитлер почти наверняка бы преуспели в создании универсальных империй².

Трудно не согласиться с мнением тех исследователей, которые считают, что отправным пунктом вызревания Первой мировой войны явилась Франко-прусская война (1870-1871 гг.), ставшая результатом многовекового соперничества между французами и немцами за господство в Европе, отмеченного нанесенными друг другу унижениями и обидами. Недаром Вильгельм I, превратившийся в императора созданной Германской империи, в своем победном манифесте, напоминая о поражении Пруссии от Наполеона в 1806-1807 годах, сулил германскому народу «благодатное будущее в духе древнего величия немецкого отечества» и обещал безопасность «от новой агрессии со стороны Франции, безопасность, которой он в течение столетий был лишен³. Во Франции, вышедшей из войны с Пруссией с «одним подбитым глазом» (слова ставшего впоследствии французским премьером А.Тардьё), потеряв важные для ее экономического развития районы - Эльзас и Лотарингию, быстро нарастали реваншистские настроения. Необузданные амбиции Германии, выразившиеся в готовности «железом и кровью» проводить

«realpolitik» канцлера О.Бисмарка, натолкнулись на решимость французов «отомстить бошам», продемонстрировать им укоренившееся во Франции чувство национального превосходства над немцами. На теле Европы образовался опасный нарыв, который помутил рассудок многим европейским политикам, благословившим гонку вооружений, милитаризацию общественной жизни.

Большую роль в развязывании Первой мировой войны сыграли и обострившиеся англо-германские противоречия, продемонстрировав особый характер традиционной политики Англии в отношении Европы. На столкновение с Германией Англия, приветствовавшая создание немецкого государства, пошла только в условиях прямой угрозы своим интересам, когда рост германского политического и экономического могущества затронул военно-морское владычество Англии и стал опасным для ее колониальных завоеваний. Англия всегда примыкала к коалициям европейских держав в целях подрыва попыток кого-либо возвыситься на континенте, однако почти всегда в роли противников Англии оказывались Франция и Россия. Договориться с Францией против Германии англичанам особого труда не составило: у них уже был опыт сотрудничества с французами против России в ходе Крымской войны. Гораздо сложнее была задача пойти на сближение с Россией как в силу укоренившегося восприятия ее в качестве «чужеродного тела» в Европе, так и из-за потенциальной опасности, которую Россия, по мнению англичан, представляла их интересам прежде всего в Индии и северно-восточном Средиземноморье. Агрессивная и вызывающая политика Германии, правящие круги которой потеряли способность здраво мыслить, толкнула в конце концов Англию к военно-политическому союзу с Россией.

В конце XIX века историческое развитие привело Европу к созданию безжалостной и хищнической системы межгосударственных отношений. Руководство ведущих европейских держав сконцентрировало основные усилия на укреплении военной мощи своих государств, которая по мере развития все новых и новых видов смертоносных вооружений приобрела зловещий характер. Не все это понимали, но предчувствия все-таки были.

В августе 1898 года Россия выступила с предложением созы-

ва первой международной конференции по ограничению вооружений. В циркуляре русского правительства говорилось, что настало время «для изыскания, путем международного обсуждения, наиболее действенных средств к тому, чтобы обеспечить всем народам истинный и прочный мир и прежде всего положить предел все увеличивающемуся развитию современных вооружений». Если не устранить опасность, вызванную чрезмерностью вооружений и огромным накоплением боевых средств, то она «роковым образом» может привести к бедствию, «перед ужасами которого заранее содрогается мысль человека»⁴. Однако в связи со скептическим, если не сказать отрицательным, отношением к российскому предложению со стороны большинства держав дипломатия России была вынуждена сместить акценты своей инициативы с проблемы разоружения на более общую проблему мирного решения конфликтов (Первая конференция мира состоялась в 1899 г. в Гааге). Сегодня об этом эпизоде международной политики кануна Первой мировой войны не слишком любят вспоминать: он явно не вписывается в тезис об «извечной агрессивности» России и противоречит утверждениям о ее прямой причастности к развязыванию войны.

В качестве великой державы Россия несла свою долю вины за то, что война приобрела общемировой характер. Стратегические цели царского режима, продиктованные историческим соперничеством и соотношением сил великих держав, определили стиль его предвоенного поведения на международной арене и втянули Россию в борьбу за передел мира. Стремясь укрепить позиции России на Дальнем Востоке, Николай II и его окружение недооценили опасность столкновения с Японией, вступившей в союз с Англией и заручившейся благожелательным нейтралитетом Соединенных Штатов. Жестокое поражение России в Русско-японской войне 1904-1905 годов продемонстрировало не только ее относительную техническую отсталость, но и слабость правящих кругов, которые вместо конкретных действий по реализации назревших внутренних преобразований оказались в плену унаследованных иллюзий в области внешней политики. Отдадим должное царскому правительству: после пораже-

ния от Японии оно попыталось провести столыпинские реформы и некоторое время старалось не втягиваться в международные конфликты и балансировать между Англией и Германией. Но в 1912-1914 годах возросшая опасность общего столкновения побудила Николая II сделать окончательный выбор в пользу Антанты (союз Англии, Франции и России) и встать на путь укрепления этого Тройственного согласия. Военная лихорадка и милитаризация общественного сознания охватили и Россию.

Первой мировой войне предшествовали не только экономическая и военно-техническая подготовка, а также психологическая обработка населения, призванная оправдать воинственный зуд правителей. Ставка делалась на то, чтобы внушить людям мысль о необходимости и неизбежности войны, подогреть исторические комплексы, разжечь чувства превосходства одних наций над другими. Наиболее настойчиво и целеустремленно это делалось в предвоенной Германии, где особо усердствовал пангерманский союз. Пангерманская идеология, прежде всего ее антиславянская направленность, нашла благодатную почву и в Австро-Венгрии. В Италии официальная пропаганда стремилась убедить граждан в необходимости широкой колониальной экспансии на Балканах, в Малой Азии и Северной Африке, дабы обрести былое величие Римской империи. В Турции для мобилизации мусульманского населения активно использовались лозунги «священной войны» за возрождение османского могущества и возвращение утраченных территорий.

В странах Антанты пропаганда войны, хотя и не была столь беззастенчивой, как в Германии, велась не менее напористо: в Англии ее острее было направлено на миллионы британских рабочих, экономическим интересам которых угрожала «германская опасность»; во Франции главной идеей стало отмщение за проигранную войну 1870-1871 годов. В России незавидную роль в принятии скорее эмоциональных, чем здравых и реалистичных решений сыграла значительная часть интеллектуальной элиты (забитые народные массы не имели никакого представления об уготовленной им участи), которая фактически дала царскому режиму индульгенцию на проведение губительной политики. В ее

среде получили распространение радикальные призывы к тому, что пришло время осуществления Россией своих вековых целей - утверждение христианства в Константинополе, освобождение христианских и славянских народов и достижение свободного выхода в Средиземное море.

Со времен Екатерины II позиции России в Европе в значительной мере определялись ее интересами в бассейне Черного моря и на Балканах. Русско-турецкая война 1877-1878 годов обозначила оградительные заслоны, которые ведущие европейские державы выставили перед стремлением царского режима упрочить положение страны в этих регионах. После горького урока Русско-японской войны царское правительство, казалось бы, должно было руководствоваться прежде всего сознанием того, что любой вооруженный конфликт неизбежно принесет России новые страдания, лишения и смерть. Но верх взяли другие соображения - не считавшаяся с реальностью позиция относительно средств повышения престижа России в мире и не оправдавшее себя понимание морального долга перед славянскими народами.

Тогдашний министр иностранных дел С.Д.Сазонов, объясняя вступление России в мировую войну, позднее писал, что еще Боснийский кризис (1908-1909 гг.) с «неопровержимой ясностью» показал цели Германии и Австро-Венгрии на Балканах и положил начало «неизбежному столкновению между германизмом и славянством». Ссылаясь на то, что освобождение христианских народов на Балканах из-под турецкого ига являлось «исторической миссией» страны, Сазонов утверждал, что единственная цель России в этом регионе заключалась в том, чтобы «балканские народы не подпали под влияние враждебных ей государств и не обратились в послушное оружие их интриг»⁵. Естественно, российская дипломатия не могла безразлично относиться к угрозе интересам России на Балканах и была заинтересована в создании дружественного блока Балканских государств. Однако царское правительство явно преувеличивало возможности России оказывать решающее воздействие на положение дел в регионе и, главное, контролировать действия своих союзников.

Вступление Турции в войну на стороне Центральных дер-

жав (Германия и Австро-Венгрия) стимулировало выдвижение царским правительством претензий на обладание Черноморскими проливами, без чего, по мнению Сазонова, «исторический процесс развития Русского государства не мог завершиться»⁶. Задача России облегчилась тем, что после августа 1914 года, когда действия русских войск в Восточной Пруссии фактически остановили наступление немецких соединений на Западном фронте, англичане и французы поняли, что без России им с Германией не справиться. В феврале 1915 года Сазонов адресовал послам Англии и Франции в России - Дж. Бьюкенену и М.Ж. Палеологу - памятную записку, в которой говорилось, что «вопрос о Константинополе и проливах должен быть окончательно разрешен и сообразно вековым стремлениям России». Взамен Петроград обещал союзникам «такое же сочувствие осуществлению планов, которые могут явиться у них по отношению к другим областям Оттоманской империи и иным местам». Через несколько дней Дж.Бьюкенен вручил Сазонову памятную записку, содержащую согласие на русские претензии, в том случае «если война будет доведена до успешного окончания и если будут осуществлены пожелания Великобритании и Франции как в Оттоманской империи, так и в других местах»⁷.

После революции в России и поражения Германии бывшие союзники быстро «забыли» о соглашении, которое состояло из обмена памятными записками и вербальной нотой, но не было оформлено договором. В ходе Второй мировой войны У.Черчилль и Ф.Рузвельт не дали хода попыткам И.В.Сталина и В.М.Молотова конкретно поставить вопрос о необходимости пересмотра Конвенции в Монтрё 1936 года о режиме Проливов в пользу свободного прохода советских судов через Босфор и Дарданеллы. По мере развертывания холодной войны основатели НАТО, памятуя, видимо, о заслугах Турции в качестве исторического противника России, поспешили принять ее в 1952 году в члены организации.

Возвращаясь к Балканам, нельзя не сказать, что на фоне столкновения там интересов великих держав порой не слишком яс-

ным представлялся вопрос о «вкладе», который внесли в начало Первой мировой войны малые народы, особенно имевшие государственность, этого европейского региона. Часто этим народам отводилась роль жертв великих держав, хотя, по общему признанию, Балканские войны 1912-1913 годов явились зарницами мирового пожара. Уже после подписания Сан-Стефанского прелиминарного (предварительного) мирного договора между Россией и Турцией в феврале 1878 года было видно, что достаточно опытная российская дипломатия недооценила остроты противоречий по территориальным вопросам между отдельными балканскими народами. История расселила их чересполосно - островки одного народа порой оказывались в глубине расселения другого. На протяжении веков они пребывали в разных государственных образованиях, сформировали отличные интересы, и каждая сторона толковала прошлое в свою пользу (против договора выступили сербы, румыны, греки и албанцы).

В результате Берлинского конгресса в июне 1878 года состоялось международное признание Сербии, Румынии и Черногории, но пострадала сан-стефанская Болгария - ее территория была урезана в 3 раза. Если первая Балканская война явилась войной Балканских государств против Турции за раздел ее европейских владений, то вторая стала уже столкновением Болгарии с Сербией и Грецией (в разной степени в ней приняли участие Румыния и Черногория). Серьезную остроту балканским проблемам добавляла и Австро-Венгрия, в составе которой частично или полностью находились другие югославянские народы, прежде всего сербы, хорваты и боснийцы (недалеком детонатором Первой мировой войны стало убийство габсбургского наследника эрцгерцога Франца Фердинанда организацией «Млада Босна»).

Нет оснований полагать, что Балканские страны были заинтересованы в развязывании войны, но каждая из них стремилась воспользоваться конфликтом для территориального расширения, причем все без исключения подобные планы выходили за пределы оправдываемой национальным объединением акции. Существовали великосербская, великогреческая, великорумынская,

великоболгарская программы⁸. Поведение каждой балканской страны в ходе войны, когда Антанта и Центральные державы активно охотились за союзниками из их числа для своих группировок, показало, что история хорошо научила эти страны играть на противоречиях великих держав.

Значимым событием Первой мировой войны, кардинальным образом изменившим расстановку сил на мировой арене, стало вступление в нее Соединенных Штатов Америки. В историческом плане Америка, население которой сформировалось в основном из «изгоев» Старого Света, долгое время старалась держаться подальше от Европы, пребывая в убеждении, что божественное провидение в виде отдаленности от соперничества европейских держав давало ей возможность и сохранять американскую независимость, и решать проблемы собственной государственности в Новом Свете. По мере роста экономического могущества американское руководство все чаще склонялось к мысли о том, что Америка должна играть активную роль в международной политике, поскольку, по его мнению, это отвечало национальным интересам и требовало поддержание мирового равновесия сил. Предвоенный развал мировой системы, центром которой являлась Европа, дал американским политикам дополнительный козырь уверовать в исключительность американской нации и почувствовать себя новым мессией, призванным повсеместно распространить демократию во имя сохранения мира.

Вступление США в войну было продиктовано скорее не стремлением стать частью окружающего их мира, а тем, чтобы этот мир не смог воспрепятствовать осуществлению роли, predetermined для Америки. Тем не менее столь решительный шаг потребовал от американцев не только умения применять «долларовую дипломатию», но и серьезного внимания к вопросам истории и раскладки сил на европейском континенте. В сентябре 1917 года Президент США В.Вильсон предложил своему советнику и личному представителю Э.Хаузу создать «группу людей», которые могли бы помочь в тщательном обосновании американских целей в Европе и «подготовить нашу позицию с полным знанием позиций всех тяжущихся сторон».

Такая Исследовательская группа была незамедлительно сформирована из представителей наиболее знающих американских историков и специалистов-практиков. Этот интеллектуальный центр дал возможность Вильсону «удивлять» своих коллег в ходе Парижской мирной конференции 1919 года «глубоким знанием балканских дел, политических распри в Польше или щекотливых вопросов, касающихся Адриатики», а также не давать поводов для упреков «в неточности его фактических материалов»⁹.

Соединенные Штаты внесли весомый вклад в победу антигерманской коалиции: предоставлением займов, поставками товаров, участием американского флота и войск в совместных боевых операциях. Несомненна и заслуга американской дипломатии в попытке разобраться в глубине кризиса мировой политики и сверх того - в цивилизационном развитии, подойти к выработке нового миропорядка не с позиции евроцентризма, а в более широком плане (Лига Наций) при учете национальных устремлений отдельных народов (вильсоновские «14 пунктов» на Парижской конференции).

При этом, однако, американская политика была далека от альтруизма: мощная Америка стремилась к созданию нового мирового порядка, новой Европы, но уже с участием Америки и с учетом ее интересов. В Париже Вильсон требовал включить в устав Лиги Наций пункт о «законности» доктрины Монро, которая, как известно, еще в 1823 году выдвинула в качестве основополагающего принципа внешней политики США идею разделения мира на «американскую» и «европейскую» системы, при том что европейские страны не должны пытаться «распространять свою систему» в Северной и Южной Америке. Вильсон предлагал, чтобы все нации единодушно приняли доктрину Монро как доктрину для всего мира, мотивируя это тем, то ни одна нация не должна стремиться к распространению своей власти ни на одну другую нацию или народ. В то же время ни для кого не было секретом, что сами американцы руководствовались доктриной Монро для территориальной экспансии в Америке - только Мексика в XIX веке

потеряла треть своей территории. Опираясь на уверенность в особой послевоенной роли США в мировых делах, американская дипломатия застолбила за собой право проводить политику двойных стандартов: «То, что позволено Юпитеру, то не позволено быку». Дальнейшее поведение США на международной арене дало слишком мало поводов усомниться в отказе американцев от такого подхода к собственному месту на мировой «шахматной доске».

Первая мировая война выявила двух главных проигравших - Германию и Россию. Но если отношение к Германии со стороны союзников не слишком отличалось от привычной схемы победитель - побежденный, то политика в отношении России, во многом обеспечившей эту победу, явно не вписывалась в борьбу исключительно против «большевистской заразы». Хаос, воцарившийся в России после революции 1917 года, послужил сигналом для масштабной военной интервенции, целью которой являлось отнюдь не восстановление монархического строя. Еще в ходе Крымской войны тогдашний премьер-министр Великобритании Г.Пальмерстон утверждал, что «для наилучшего и наиболее действенного обеспечения безопасности мирного будущего Европы следует отделить от России некоторые из пограничных территорий, приобретенных ею за последнее время, - Грузию, Черкессию, Крым, Бессарабию, Польшу и Финляндию»¹⁰.

После Первой мировой войны аппетиты возросли - в планах западных держав уже фигурировали и Белоруссия, и Украина, и Дальний Восток. В антироссийскую акцию включились и США: лишенные антагонизма в XIX веке американо-российские отношения к концу столетия начали обостряться из-за столкновения интересов в Азии, особенно в Китае, чтобы окончательно ухудшиться перед войной в связи с открытой поддержкой Японии со стороны Президента США Т.Рузвельта. Широкою известность получил на Парижской мирной конференции подготовленный Исследовательской группой Официальный американский комментарий к «14 пунктам» Вильсона, в котором ставилась под сомнение территориальная целостность России и недвусмысленно продвигалась идея о необходимости ее

раздела на несколько государств по этнографическому признаку¹¹. Бывший советник Президента США по национальной безопасности Зб.Бжезинский был далеко не оригинален, когда после распада СССР активно выступал за расчленение России.

Советская Россия не была приглашена на Парижскую мирную конференцию, что противоречило декларированному Вильсоном равноправие народов в рамках нового, справедливого для всех мирового порядка. Воспользовавшись заключением Россией унизительного мира с Германией в марте 1918 года, Англия, Франция и США взяли курс на международную изоляцию «красной опасности» на Востоке, в том числе путем создания «санитарного кордона» против большевизма из множества небольших государств, некоторые из которых ранее входили в состав Российской империи. Создание такого кордона «из живых национальных организаций, сильных и здоровых» поддержал и сыгравший впоследствии значительную роль в ходе Второй мировой войны У.Черчилль, которого особо радовало то, что «Финляндия, Эстония, Латвия, Литва и, главным образом, Польша могли в течение 1919 года организовать цивилизованные государства»¹².

Плохо скрытая русофобия стран-победительниц получила дополнительную подпитку в виде открытой антироссийской политики новых государств, которые, самоутверждаясь, не останавливались перед попытками поживиться за счет распадающейся России (самый яркий пример - нападение Польши на Советскую Россию в апреле 1920 г.). Делали ставку в Париже и на то, что ставшие частью кордона Венгрия, Румыния и Чехословакия еще во времена Габсбургов опасались России больше, чем Германия. Одного не учли парижские дипломаты: стремление к национальному выживанию часто ставило правителей этих стран перед необходимостью опираться на сильнейшего. Не найдя перед Второй мировой войной прямой поддержки у Лондона и Парижа, указанные страны не слишком противились переходу под крыло агрессивной гитлеровской Германии. Последовавший за 1945 годом период нахождения в зоне советского влияния не изменил существа политики государств прежнего «санитарного кордона»: после исчезновения СССР они дружно поменяли покровителя.

Складывается впечатление, что роль новых «санитаров» их вполне устраивает, иначе трудно объяснить то беспокойство, которое вызывает у них перспектива улучшения американо-российских отношений после избрания Президентом США Б.Обамы*.

Одним из поводов, который был дан в руки Гитлера и Муссолини для проведения агрессивной политики в целях перекройки европейских границ, явился тот факт, что в результате территориального передела в Европе в 1919-1920 годах миллионы людей вопреки своей воле оказались нацменьшинствами в государствах, которые в годы войны воспринимались ими как противники. Рухнуло господство габсбургской монархии в Австро-Венгрии, на обломках которой образовались новые государства - Австрия, Венгрия, Чехословакия и Королевство сербов, хорватов и словенцев (с 1929 г. - Югославия).

Данное событие вызывало острую реакцию у части западноевропейских политиков, видевших в нем чуть ли не единственную причину «балканизации» Европы, сопровождавшейся возникновением этнических конфликтов (как будто их не было до этого в самой Западной Европе), сепаратистских и ирредентистских движений, а также межгосударственных территориальных споров. Консервативный европейский истеблишмент имел на этот счет и еще одну точку зрения: он сожалел по поводу ликвидации Австро-Венгрии в связи с тем, что ее «историческим предназначением» являлись отражение угроз с Востока и, в сотрудничестве с сербами, «недопущение проникновения России к теплым морям»¹³. Европейские политики не просчитали дру-

**В июле 2009 г. широкий резонанс вызвало открытое письмо бывших лидеров стран Центральной и Восточной Европы к администрации Президента США Б.Обамы. Среди подписантов - бывшие президенты Польши, Румынии, Чехии, Словакии, Латвии, Литвы; бывшие премьер-министр Эстонии и министр иностранных дел Венгрии. В письме выражается обеспокоенность падением внимания Соединенных Штатов к сотрудничеству с европейскими странами, «тогда как сейчас государства Центральной и Восточной Европы нуждаются в поддержке США не менее, чем 10 или 20 лет назад». Несмотря на то что в письме приветствуется «перезагрузка» американо-российских отношений, его авторы опасаются, что Б.Обама и главы государств Западной Европы поддержат предложенные Президентом России Д.А.Медведевым изменения в системе европейской безопасности.*

того варианта - именно Югославия с ее движением Сопротивления во главе с И.Б.Тито во время Второй мировой войны в отличие от других капиталистических стран Европы боролась против гитлеровской Германии и держала в напряжении значительную часть ее войск. Это обстоятельство часто выдвигают в поддержку довольно распространенного мнения о вторжении внешнего фактора в начавшийся после распада СССР процесс разложения югославской федерации. Боснийский кризис в 1995 году и тем более бомбардировка Югославии в 1999 году были отмечены антисербской направленностью политики стран НАТО, включая Германию, которая активно содействовала суверенизации территорий, традиционно входивших в сферу немецкого политического, экономического и культурного влияния. В настоящее время на Балканах имеются свои «коллективные Габсбурги» - НАТО, взявшая под опеку организации большинство стран региона. Босния, Македония и Черногория ждут обещанного места, а там, как представляется, не за горами очередь и самой Сербии.

Порожденная Версальским миром система международных отношений отличалась крайней неустойчивостью и противоречивостью, вызванными изменением соотношения сил между великими державами, когда одни боролись за восстановление утраченных территорий и сфер влияния, а другие защищали завоеванные позиции. Сказывалась и неравномерность экономического развития, которая в середине 1930-х годов привела к расколу капиталистического мира.

Однако, по мнению автора, основная причина Второй мировой войны крылась все-таки в неутоленной жажде геополитических амбиций и исторических устремлений. Именно геополитическими категориями мыслили лидеры государств, развязавшие эту войну. В своей книге «Майн кампф» Гитлер развивал идеи пангерманистов, уточнял цели политики «Дранг нах Остен», подводя под нее расистские теории. Муссолини, называя Италию «узницей, томящейся в тюрьме, имя которой Средиземноморье», видел в Африке трамплин для продвижения к Индийскому океану. Цели Японии были сформулированы в 1927 году в представленном императору меморандуме генерала Г.Танаки

(хотя его достоверность оспаривается, изложенные в нем соображения совпадают с дальнейшим развитием японской экспансии) - овладеть землями Китая и покорить затем Индию, Малую и Среднюю Азию, а также Европу. Свою долю ответственности за Вторую мировую войну несет и ряд малых стран, в том числе образовавшихся в результате Парижской конференции, которые рассчитывали с помощью великих держав не только обеспечить собственную безопасность, но и реализовать исторические вожеления (это имело место, например, в случае с Польшей, а также Румынией, Болгарией и Финляндией). Геополитические мотивы, которыми руководствовались многие страны накануне войны, явно превалировали над их экономическими нуждами, что дает лишний повод задуматься над вопросом об определяющей роли экономики в мировых процессах.

Переговоры, которые в ходе войны вели между собой лидеры антигитлеровской коалиции - И.В.Сталин, Ф.Рузвельт и У.Черчилль, особенно по вопросам послевоенного устройства в мире, временами походили на своеобразное путешествие в прошлое. Даже предложение Рузвельта в мае 1942 года по поводу необходимости создания международной полицейской силы из трех-четырех держав (им назывались четыре полицейских - США, Англия, СССР и Китай), которая должна была силой поддерживать мир, казалось, было навеяно аналогией со Священным союзом 1815 года.

Но особенно усердствовал в проведении «исторической дипломатии» Черчилль, который на всем протяжении войны держал в уме прежде всего сложившиеся приоритеты английской внешней политики. Заверяя Сталина и советское руководство в том, что его политика отличается от подходов Б.Дизраэли (премьер-министр в 1874-1880 гг.) и Дж.Кёрзона (министр иностранных дел в 1919-1924 гг.) к вопросам доступа России в Средиземное море, Черчилль прилагал большие усилия к тому, чтобы вывести Турцию из-под удара и не допустить ослабления ее позиций перед лицом Советского Союза (отсюда и его линия в отношении Босфора и Дарданелл). На конференции в Тегеране в 1943 году при обсуждении проблемы Второго фронта Черчилль настаивал на варианте

его открытия на Балканах (из Италии через Люблянский проход) с прицелом на то, что англо-американские войска смогут врезаться клином в Центральную Европу и не пустить советские войска в Австрию, Румынию и, по возможности, в Венгрию.

Сталин не уступал Черчиллю в знании истории и умении мыслить стратегическими категориями. Он выступил против идей Черчилля сначала об объединении дунайских государств, затем Польши, Чехословакии, Венгрии и Австрии, поскольку, по его мнению, после Версаля было бы опасно кинуться в другую крайность - заставлять объединяться друг с другом малые народы, которые после войны захотят «пожить полной национальной жизнью без помех». Геополитическому раскладу Сталина не был чужд и славянский фактор: не последнюю роль он сыграл в поддержке движения И.Б.Тито в Югославии; в Тегеране Сталин поставил вопрос о передаче Советскому Союзу Кенигсберга и части территории Восточной Пруссии, исторически являвшихся «исконно славянскими землями»¹⁴.

Настоящая «историческая схватка» развернулась вокруг вопроса о судьбе Польши. Для США и прежде всего Англии «про-советская» послевоенная Польша была неприемлема в силу традиционной английской политики баланса сил в Европе, в которой Польше отводилась роль преграды перед распространением российского влияния в Центральной Европе и постоянного раздражителя для Германии и России. В свою очередь, Советский Союз исключал возможность воссоздания на своих границах враждебной Польши, заявляя, что для Москвы польский вопрос носит стратегический характер. На Ялтинской конференции в 1945 году Сталин отмечал, что данная проблема является для России вопросом жизни и смерти, вопросом безопасности, поскольку на протяжении истории Польша всегда была коридором, через который проходил враг, нападавший на Россию. В то же время Сталин подчеркивал, что советское правительство в корне изменило «бесчеловечную политику царизма» и выступает за «сильную, независимую и свободную Польшу»¹⁵.

Было наивным ожидать, что Советский Союз не воспользуется обретенным ценою немыслимых жертв могуществом и

не решит польский вопрос в свою пользу. В то же время нельзя забывать (в Германии об этом помнят), что современная Польша развивается в границах территории, почти треть которой она получила в результате «царского подарка» Сталина: стремясь максимально ослабить принесшую СССР столько бед Германию, он настоял на том, чтобы на севере и западе Польша расширилась за счет германской территории - западная граница прошла по рекам Одер и Нейсе, на севере к Польше отошла часть Пруссии. Не лишним было бы иметь в виду, что, едва возродив Польшу на руинах Первой мировой войны, поляки, найдя поддержку в Париже, а потом Лондоне, начали игру одновременно против Советской России и Германии, финал которой известен.

Проведя после 1945 года не самый лучший, но и не худший период в своей истории в зоне советского влияния, Польша не потеряла вкуса к игре на противоречиях между великими державами. Под крылом американского покровителя Польша вспомнила об амбициях Речи Посполитой и стала интриговать в Европе: Варшава делала все возможное, чтобы помешать заключению важного для европейцев Лиссабонского договора, налаживанию сотрудничества между Европейским союзом и Россией и т.д. В том что касается России, остается надеяться, что искреннее сочувствие и желание нормализовать двусторонние отношения, проявленные Россией в связи с гибелью Президента Польши Л. Качиньского в авиакатастрофе под Смоленском, позволят новым польским лидерам в своих отношениях с Россией руководствоваться не историческими обидами и предубеждениями, а здравым смыслом.

Отношения между странами антигитлеровской коалиции складывались весьма непросто с учетом их принадлежности к разным системам, исторических фобий и взаимного недоверия. Однако руководители СССР, США и Англии сумели возвыситься над разделявшими их, казалось, непреодолимыми противоречиями ради общей цели. К сожалению, этот уникальный в истории человечества факт показал, что различные по своему развитию и мировосприятию страны могут реально объединяться только в моменты вселенских катастроф. Уже в день ка-

питуляции Германии, как вспоминал Черчилль, ему стало ясно, что у победы «имелась оборотная сторона», поскольку основа связи - общая опасность, объединявшая союзников, мгновенно исчезла и «советская угроза уже заменила собой нацистского врага»¹⁶. В Соединенных Штатах начал подвергаться нападкам скончавшийся Президент Ф.Рузвельт за неспособность видеть «скрытые цели» советской политики и за переоценку силы и влияния Советского Союза. Так, в воспоминаниях участника всех важнейших конференций периода войны и впоследствии посла США в СССР (1953-1957 гг.) Ч.Болена давалась отрицательная оценка «посредственной» политике Рузвельта, не сумевшего усмотреть исходящую от большевиков опасность, что в конце концов привело к «крушению победоносной коалиции» на Ялтинской конференции и началу по вине СССР холодной войны¹⁷. Администрация Президента США Г.Трумэна стала придавать большое значение написанию истории Второй мировой войны «под себя», выработав в этих целях правительственную программу, важная роль в осуществлении которой отводилась Государственному департаменту. В начале 1950-х годов усилия многих американских историков сосредоточились на искажении политики и стратегии СССР в годы войны, ревизии важнейших согласованных решений союзных держав, достигнутых на Тегеранской, Ялтинской и Потсдамской конференциях, дискредитации антигитлеровской коалиции в целом.

Без «разрешения» США разгромленная и капитулировавшая Япония вряд ли осмелилась бы почти сразу проявить стремление к пересмотру итогов Второй мировой войны. На Ялтинской конференции вступление Советского Союза в войну против Японии обуславливалось согласием США и Англии (было подтверждено на Потсдамской конференции) на возвращение СССР аннексированного Японией в соответствии с российско-японским Портсмутским мирным договором 1905 года Южного Сахалина и на передачу Курильских островов, принадлежавших России по праву первенства открытия и освоения с XVIII века и отторгнутых Японией в 1875 году.

Однако после окончания войны американская диплома-

тия начала ставить под сомнение ялтинско-потсдамский порядок в Азии. В 1950 году спецпредставитель Президента США Д.Ф.Даллес передал советской стороне меморандум относительно «подходящего договора» для окончания состояния войны с Японией, в котором делалась попытка подвергнуть пересмотру решенный союзными державами вопрос о принадлежности СССР Южного Сахалина и Курильских островов. По мере разгорания холодной войны линия поведения Соединенных Штатов становилась все более «понятной» для Японии: стремясь оказать влияние на ход советско-японских переговоров по нормализации двусторонних отношений, Госдепартамент США передал в 1956 году японской стороне памятную записку, в которой прямо говорилось, что Соединенные Штаты не признают «так называемые ялтинские соглашения» как какой-либо «юридический результат в вопросе о передаче территорий» и что, по их мнению, «острова Эторофу и Кунашир (вместе с островами Хабомаи и Шикотан, которые являются частью Хоккайдо) всегда являлись частью собственно Японии... и должны быть признаны как находящиеся под японским суверенитетом»¹⁸.

Пользуясь такой поддержкой, Япония не пошла на подписание мирного договора с Советским Союзом, хотя новый лидер СССР Н.С.Хрущев в силу своей некомпетентности и своеволия дал согласие на передачу Японии при заключении договора островов Хабомаи и острова Шикотан. Проигнорировав историю и не посчитавшись с жертвами, понесенными Россией в длительной борьбе с милитаристской Японией, Хрущев в угоду политической конъюнктуре, по существу, размыл солидные международно-правовые позиции отечественной дипломатии. Не стоит удивляться, что в современной Японии возникла традиция официально отмечать День северных территорий и не препятствовать раздающимся требованиям о «возвращении» Японии Южного Сахалина и всех островов Курильской гряды. В России же с появлением в 1990-х годах тенденции к абсолютизации рыночных отношений заметное распространение получил утилитарный подход к территори-

альным притязаниям Японии, сводящийся к их рассмотрению с точки зрения экономической выгоды.

Мировой опыт свидетельствует, что большое влияние на трактовку исторических явлений оказывает их видение ведущими державами. В XVII веке тон задавала Франция, ставшая и для России неким «учителем истории». В XIX веке титул «законодателя мод» в исторической науке стал перемещаться в Англию, взявшую на себя роль всемирного цивилизатора. Минувшее столетие было отмечено доминированием Соединенных Штатов, к которым постепенно перешла пальма первенства в приспособлении картины прошлого к текущим потребностям политики западных стран, прежде всего США. Американцы немало преуспели на этом поприще: широкое хождение получил тезис о едва ли не историческом превосходстве англосаксонского мира над всеми остальными народами*, о том, что Америка «уполномочена историей» быть моделью для справедливого мира (особенно это популярно в ряде стран Центральной и Восточной Европы). И главное - американцы подвели дело к тому, что мировые войны XX века стали часто восприниматься не как всеобщие трагедии, нуждающиеся в осмысленном понимании их природы и последствий, а как торжество благословенных действий «американского поводыря», сумевшего вывести человечество из сотворенного им самим мрачного тупика.

Однако по мере убывания гегемонии Соединенных Штатов, сопровождающегося среди прочего падением доверия к проповеднику от истории, появления новых сильных международных игроков с острым чувством национальной идентичности, политика центристской интерпретации исторического прошлого будет подвергаться серьезному натиску. Вот уже и в «послушной» Японии крайне националистические настроения вырыва-

**В этом плане весьма характерны попытки пересмотреть оценку эпохи колониальных захватов, ставших одной из причин Первой мировой войны, «изъять» варварство колониализма из недавней истории. Например, выросшего в Индии известного американского политолога Ф.Закария не смущает идеализация колониальной политики Англии, которая, по его мнению, «стремилась к процветанию религиозного плюрализма и капитализма». (См.: Закария Ф. Постамериканский мир. М.: Европа, 2009. С. 185-186).*

ются на политический уровень: в 2008 году был отправлен в отставку командующий японскими ВВС генерал Т.Тамогами, который в своих исторических изысканиях утверждал, что нападение на Пёрл-Харбор (декабрь 1941 г.) спровоцировал Ф.Рузвельт, заманив тем самым Японию в ловушку, что Токио не развязывал агрессивной войны и, если бы Япония не сражалась в мировом конфликте, она, скорее всего, вообще стала бы «колонией белой расы»¹⁹. Не сказал своего последнего слова по поводу Второй мировой войны Китай, который до последнего времени ограничивался противодействием стараниям Токио минимизировать ответственность Японии за агрессивное участие в войне и страдания, причиненные многим народам Азии, прежде всего китайскому. Хотя Китаю есть что сказать - за восемь лет сопротивления Японии (в скорбном перечне людских потерь во Второй мировой войне Китай занимает второе место после Советского Союза) он «связывал» сотни тысяч японских солдат, которые могли бы быть использованы для нападения на советский Дальний Восток, захвата Индии, Австралии и т.д.

Вторая мировая война нанесла жестокий удар по Европе, лишив ее статуса политического центра, вокруг которого строился весь остальной мир. Разгромленная и униженная Гитлером Западная Европа фактически безропотно отдала себя в руки Соединенных Штатов, приняв заодно за основу англо-американскую версию войны, дававшую возможность избавиться от сознания ответственности за содеянное и стыда за прошлое поведение. Лишь генерал де Голль некоторое время сопротивлялся контролю США, памятуя о том, что во время войны американцы и англичане (Черчилль в беседах со Сталиным неоднократно говорил об историческом соперничестве Англии с Францией) не слишком жаловали его и Французский комитет национального освобождения и что Франция оказалась в числе стран-победительниц исключительно благодаря СССР. В то же время впервые в европейской истории главным регулировщиком политических и экономических процессов в капиталистической Европе стал внешний «полицейский», что с учетом уроков двух мировых войн открывало путь к преодолению раскола между бывшими противниками. Объе-

динению западного мира, так противоречившему довоенной советской теории о неизбежности обострения межимпериалистических противоречий, способствовала и возросшая мощь Советского Союза, всколыхнувшая традиционные страхи перед Россией.

Сегодня Европа - это прежде всего Европейский союз, ставший результатом самого масштабного и успешного политико-экономического эксперимента в новейшей истории. У европейских политиков появилась тяга к самостоятельности, поиску новой европейской идентичности, началось осознание своих специфических европейских интересов, которые далеко не всегда совпадают с американскими. Проведение же общей сдержанной линии в отношении России не потребовало дополнительных усилий, тем более что «новички» из числа стран Центральной и Восточной Европы принесли с собой в ЕС воскресшие антироссийские комплексы. Одна из слабостей такой Европы кроется в том, что ей трудно избавиться от страхов прошлого и исторических предубеждений, что, в частности, проявилось в связи с процессом объединения Германии.

Бывший премьер-министр Великобритании М.Тэтчер, убежденная противница спешки в этом деле, писала позднее, что причина ее позиции заключалась в опасении, что объединенная Германия, чье стремление к господству привело в XX веке к двум ужасным глобальным войнам, станет «доминирующей державой» в Европе - в прошлом немцы не раз демонстрировали «поразительную неспособность ограничивать собственные амбиции и уважать своих соседей». Тэтчер выражала сожаление, что попытка замедлить процесс объединения Германии, предпринятая ею совместно с Президентом Франции Ф.Миттераном, при «не слишком эффективной поддержке Президента М.Горбачева», провалилась - «отчасти из-за того, что у администрации США была иная точка зрения»²⁰.

Помимо этого, трудности, возникшие у Евросоюза в связи с финансово-экономическим кризисом, показали, насколько живучи в странах Западной Европы настроения национального эгоизма, густо замешанные на исторических помыслах и предпочтениях. Та же Германия, которую по боль-

шому счету уже не мучает чувство вины за две мировые войны, обозначила стремление проводить ни от кого не зависящую внешнюю политику, в том числе и в отношении России.

Советский Союз, принявший вызов бывших союзников и возглавивший антизападный блок, давал немало поводов для того, чтобы его опасались и старались нейтрализовать. Политика И.В.Сталина по созданию «советского порядка» в европейских социалистических странах, Берлинский (1961 г.) и Карибский (1962 г.) кризисы при Н.С.Хрущеве, грозившем показать Западу «кузькину мать», начатая в 1979 году советским руководством во главе с Л.И.Брежневым афганская авантюра - вот те долгоиграющие козыри, которые получили в свои руки страны НАТО против СССР. Тем не менее большая часть действий Советского Союза, являвшихся результатом блокового противостояния, предпринималась как-то вдогонку, в ответ на соответствующие шаги западных стран: здесь и создание атомной бомбы, и провозглашение ГДР, и образование Варшавского договора и т.д.

Установленный после Второй мировой войны международный порядок был не совершенен - он разделил мир на два противоборствующих лагеря, не устранил страхи перед новой возможной, более разрушительной катастрофой. Однако он выполнил главную миссию - обеспечил мир на континенте, дважды ставшим эпицентром глобальных потрясений. Не зря многолетний министр иностранных дел СССР А.А.Громыко самым большим успехом советской дипломатии считал закрепление в договорном порядке послевоенных границ в Европе, нашедшее свое отражение в Московском договоре между СССР и ФРГ в 1970 году и хельсинкском Заключительном акте в 1975 году. Громыко полагал, что в случае нарушения хельсинкских договоренностей на европейской земле могут возникнуть территориальные конфликты. Как оказалось, он не напрасно опасался такого развития событий - после развала СССР и Югославии в Европе вновь раздались взрывы бомб.

Признаки серьезного отступления от достигнутого в Хельсинки исторического компромисса проявились в ходе советско-американских контактов на высшем уровне в период перестрой-

ки в Советском Союзе. Линия М.Горбачева на открытость СССР внешнему миру, на «новое политическое мышление», проводимая на фоне деградации политического, экономического и социального положения в самом Советском Союзе, воспринималась в США как показатель растущей слабости основного противника, как сигнал к началу слома ялтинского миропорядка. Настроения победителя усилились у американцев во время советско-американской встречи в верхах на Мальте в декабре 1989 года, где Горбачев заговорил о переживаемом миром «историческом водоразделе». Суть его заявлений Президенту Дж.Бушу-старшему сводилась к тому, что возникшие в международной жизни новые проблемы приобрели непредвиденный острый характер, ставя под сомнение отношение к ним «как в прошлом». Горбачев подчеркивал, что они с Бушем не несут ответственности за разделение Германии и что надо дать истории возможность «решить, что будет дальше». Немедленной реакцией американцев на высказывания Горбачева стало решительное противодействие любым попыткам «вмешательства по типу Ялты» в германский вопрос, похоронившее надежды на задействование механизма четырех союзных держав²¹. Исчезновение с карты мира Советского Союза предоставило полную свободу действий Соединенным Штатам в их политике по изменению послевоенной конфигурации Европы, позволив в конце концов загнать Россию за «красные флажки» полукольца стран - новых членов НАТО. Настала очередь Дж.Буша-младшего торжествующе заявлять (Вильнюс, 23 ноября 2002 г.), что «начертанные диктаторами произвольные границы» стерты и что «больше не будет ни Мюнхена, ни Ялты».

Большие надежды в Москве возлагали на проведение 9 мая 2010 года по случаю 65-летия Победы совместного парада всех стран антигитлеровской коалиции с участием лидеров этих стран, что должно было продемонстрировать в целом общее видение державами-победительницами итогов Второй мировой войны. «Объединяющий» парад на Красной площади состоялся, однако Б.Обама (США), Г.Браун (Англия) и Н.Саркози (Франция) под разными предлогами отказались приехать на торжества. По сути, это означало, что Запад по-прежнему не расположен при-

знавать ведущую роль СССР в войне, не готов серьезно считаться с российским взглядом на ее историю. В этом плане понятны чувства министра иностранных дел России С.В.Лаврова, который годом ранее с горечью констатировал, что во время празднования очередной годовщины высадки союзников в Нормандии «никто из западных лидеров, кроме Б.Обамы, не упомянул о вкладе Советского Союза в победу над фашизмом»²².

Демоны и призраки двух мировых войн продолжают одолевать политиков некоторых стран, не желающих отказываться от попыток превратить историю в инструмент практической политики. Чаще всего острие этих попыток направлено против России, которая не перестает быть «зоной повышенного внимания». Лучшим ответом на старания поддерживать порожденную Второй мировой войной идеологию расколотого мира стало бы скорейшее превращение России в мощное демократическое государство, оказывающее решающее воздействие на позитивный ход мирового развития.

¹Голль III. де. Мемуары надежд. 1958-1962. М.: Изд. группа «Прогресс», 2000. С. 9.

²Киссинджер Г. Дипломатия. М.: Ладомир, 1997. С. 124.

³Цит. по: Первая мировая война: Пролог XX века. М.: Наука, 1998. С. 26-27.

⁴Правительственное сообщение и циркуляр 12 августа 1898 г. // Рыбаченок И.С. Россия и Первая конференция мира 1899 года в Гааге. М.: РОССПЭН, 2005. С. 288-289.

⁵Саонов С.Д. Воспоминания. Репринтное воспроизведение издания 1927 года. М.: Международные отношения, 1991. С. 56-59.

⁶Там же. С. 299.

⁷Дипломатический вестник. МИД Российской Федерации. 2001. №11. С. 187-188.

⁸Мировые войны XX века: В четырех кн. Кн. 1. Первая мировая война: Ист. очерк. М.: Наука, 2002. С. 123.

⁹Архив полковника Хауза. Избранное: В двух томах. Т. 2. М.: Астрель, 2004. С. 108-109.

¹⁰Цит. по: Ливен Д. Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней. М.: Европа, 2007. С. 417.

¹¹Архив полковника Хауза. Указ. соч. С. 472-474.

- ¹²*Черчилль У.* Мировой кризис. Автобиографии. Речи. М.: ЭКСМО, 2003. С. 330.
- ¹³*Фалин В.М.* Второй фронт. Антигитлеровская коалиция: конфликт интересов. М.: Центрполиграф, 2000. С. 23.
- ¹⁴*Ржевский О.А.* Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии: Документы, комментарии. 1941-1945. М.: Наука, 2004. С. 405, 480.
- ¹⁵Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941-1945. Т. 4. Крымская конференция руководителей трех союзных держав - СССР, США и Великобритании (4-11 февраля 1945 г.): Сб. документов. М., 1979. С. 97-103.
- ¹⁶*Черчилль У.* Вторая мировая война. Т. 6. М., 1955. С. 538.
- ¹⁷*Bohlen C.* Witness to History 1929-1966. New York: W. W. Norton and Company, Inc., 1973. P. 201.
- ¹⁸*Тихвинский С.Л.* Избранные произведения: В пяти книгах. Кн. 4. М.: Наука, 2006. С. 94-95, 145-146.
- ¹⁹*Kozak W.* A Japanese General Rewrites the Past // The Wall Street Journal, December 5, 2008.
- ²⁰*Тэтчер М.* Искусство управления государством. Стратегия для меняющегося мира. М.: Альпина Паблишер, 2003. С. 26-27.
- ²¹*Буш Дж., Скоукрофт Б.* Мир стал другим. М.: Международные отношения, 2004. С. 154, 157, 185.
- ²²*Лавров С.В.* Трагедия Второй мировой: кто виноват? // Российская газета, 1 сентября 2009.

РОССИЯ И УКРАИНА: ДОБРОСОСЕДСТВО И ПРАГМАТИЗМ?

ТЕСНАЯ ВЗАИМОСВЯЗЬ России и Украины обосновывается как их геополитическим положением, так и многовековой историей, общей судьбой, повлекшей за собой тесное переплетение этнических, языковых связей. Миллионы людей наших стран связаны родственными, да и просто человеческими отношениями. Россию и Украину объединяют единые социально-экономические факторы.

В последнее время отношения Москвы и Киева стали стремительно улучшаться. Оттепель в российско-украинских отношениях заставила стороны заново присмотреться к ранее забытым совместным проектам в экономике, науке, культуре, где, как известно, у двух стран есть вполне очевидные исторические взаимные преимущества и связи. Поэтому вполне своевременно и обоснованно поднимать вопросы о выработке новых механизмов для развития и углубления отношений много-стороннего партнерства между нашими странами.

РОССИЙСКО-УКРАИНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ: ПРИОРИТЕТЫ И РЕСУРСЫ НОВОЙ ПОЛИТИКИ

Армен Оганесян, главный редактор журнала «Международная жизнь» (Россия): Участники нашей встречи не один день и не месяцы, а уже годы занимаются во-

Дискуссия состоялась в Ялте в ходе двухдневной Международной конференции «Россия - Украина - новый вектор сотрудничества».

просами российско-украинских, украинско-российских отношений, причем на разных их этапах, которые отличались и политической, и, если хотите, психологической сложностью. Надеюсь, она будет конструктивной, внесет свой посильный вклад в представление и видение того, как будут развиваться отношения между Россией и Украиной.

Сергей Марков, депутат Госдумы РФ: Выборы Президента Украины 2010 года были одним из важнейших событий не только для Украины, но во многом и для России: они создали политические условия для нового типа отношений. В прошлое ушли конфликты, которые навязывались предыдущей властью с целью дистанцироваться друг от друга. Частью идеологии «оранжевой власти» была русофобия.

Теперь есть политическая воля к сотрудничеству, и для исправления ситуации нужно двигаться в трех направлениях: экономическом, политическом, гуманитарном. В экономическом плане необходимо повышать взаимную торговлю с перспективой создания зоны свободной торговли. Но какая главная цель экономического сотрудничества? Мне кажется, их две. Первая - это повышение уровня жизни населения, вторая - переход к более высокотехнологичному развитию. Нельзя ограничиваться сотрудничеством в сложившихся сферах - сырьевой, химической и металлургической. Нужно восстанавливать и налаживать его в сфере высоких технологий, прежде всего в авиастроении, где есть хорошая возможность создать мощный холдинг.

В мире есть ощущение неудовлетворенности от того, что две мощные корпорации - «Боинг» (США) и «Аэрбас» (Евросоюз) - относятся к странам - членам НАТО. Многие хотели бы иметь доступ к альтернативным авиационным продуктам. С этой точки зрения у России и Украины есть прекрасная возможность восстановить ранее существовавший авиационный комплекс. Авиация - это не только авиационные заводы, это и научные школы. Учебные заведения. Нарботки есть, к счастью не все еще до конца разрушено.

Другие направления - судостроение, ядерные технологии, военно-промышленный комплекс, химическая промышленность.

Практически работа началась, и необходимо поддерживать усилия по созданию единых совместных корпораций в высокотехнологичных отраслях.

Еще одно направление - это сотрудничество на рынках для увеличения доли прибыли. Речь идет о том, чтобы не конкурировать, демпингуя, а наращивать общую прибыль, создавая своеобразные консорциумы. Выделяются в этом военно-промышленный комплекс, где мы в предыдущие годы потеряли огромные ресурсы за счет ненужной конкуренции, и агропромышленный комплекс, прежде всего зерновое хозяйство. Россия, Украина и Казахстан контролируют примерно 25% продукции мирового зернового рынка. Их сотрудничество имело бы серьезное значение для мирового рынка. Есть возможности развития совместных сельхозинститутов, ведь в общей сельхоззоне была развита хорошая система селекции и в растениеводстве, и животноводстве, но она оказалась во многом утерянной. Разные ее фрагменты сохранились в разных странах. За счет развития селективного хозяйства, которое в огромной степени обеспечивает переход от экстенсивных к высокотехнологичным технологиям, есть возможность с минимальными экономическими затратами, с помощью организации и политической воли получить колоссальный стимул развития сельского хозяйства обеих стран.

То же и в области металлургии. Наши металлургические предприятия во многом конкурируют друг с другом. Эту конкуренцию можно уменьшить путем сотрудничества на внешних рынках. Еще раз хочу подчеркнуть, что для этого нужна прежде всего политическая воля.

Еще одно направление - это сближение законодательств для облегчения бизнеса. У нас были различия, но теперь и Россия, и Украина ориентируются на стандарты Евросоюза, которые можно использовать без финансовых вложений. Страны ЕС потратили десятилетия, разрабатывая их, а мы легко можем этим воспользоваться.

В целом мы должны двигаться от свободной торговли к Таможенному союзу. Работа в этом направлении идет.

Второй большой блок - это гуманитарное сотрудничество.

Его главная цель, мне представляется, прежде всего - максимальное облегчение передвижения граждан. Этим занимается в Госдуме России наша парламентская группа. Очень рады, что эта инициатива была поддержана президентами России и Украины.

Европа, которую мы хотим построить у себя, - это когда гражданские права являются приоритетными, а интересы государственной бюрократии должны быть подчинены этим гражданским правам. Европа - это когда мы спокойно переезжаем из России в Украину, как переезжают люди из Германии во Францию. То есть вместо того, чтобы пассажира четыре раза будили в поезде, он просто помашет рукой пограничному столбу, и все.

Важное направление гуманитарного сотрудничества - это сохранение цивилизационной идентичности (восточноевропейской, базирующейся на восточнохристианских ценностях), цивилизационного единства, которое ощущает большинство граждан России и Украины. С этим связан конфиденциальный диалог Русской и Украинской православных церквей, формирование общего информационного пространства, проблема русского языка. Проблема русского языка не является внутренним делом Украины, поскольку это проблема прав человека. Две крупнейшие общины - русскоязычная и украиноязычная - должны обладать равными правами.

Исходя из этого, мы будем вести диалог с нашими украинскими коллегами о содействии тому, чтобы русский язык не притеснялся в своем развитии. Для прорыва нам нужно не возвращаться к прошлому, а формировать новое общеобразовательное и научное пространство, для того чтобы люди могли окончить школу, предположим, в России, потом переехать и закончить университет в Украине, затем защитить диссертацию опять в России, получив при этом соответствующие документы.

Третье направление - политическое. Это создание прочных институтов для развития сотрудничества: формирование региональных объединений, прочной системы городов-побратимов, совместных университетских образований. Такая сеть сейчас эффективно формируется в рамках приграничного сотрудничества, например Белгород - Харьков. Ну и наконец, нам нужно тесно сотрудничать в международных организациях. Такое сотрудни-

чество налаживается в Парламентской ассамблее Совета Европы. Российская делегация на последних дискуссиях по Украине «билась» за украинские интересы практически как за свои. Так нужно делать и в ООН. Мы будем рады, если Украина присоединится к формированию новой структуры безопасности, среди принципов которой, конечно, неделимость европейской безопасности. Мне кажется, Украина тоже заинтересована в реализации этого принципа.

Владимир Казарин, первый заместитель постоянного представителя Президента Украины в Крыму:

Среди сфер, нуждающихся в изменении существующего положения, - образование. Боюсь, что для этого недостаточно только политической воли. Мы так далеко зашли в разрыве наших систем образования и законодательства, что потребуется очень большая организационная работа. Сегодня и в Украине, и в России взаимно не признают аттестаты о школьном образовании, их необходимо нострифицировать. Не признаются дипломы о высшем образовании, дипломы кандидатов и докторов наук. В Турции наши документы признаются, а мы друг у друга их не признаем. Этому процессу лет 14.

Практически в Советском Союзе существовала болонская система. Из института Комсомольска-на-Амуре приезжаешь в Вильнюс, и твоя зачетная книжка показывает, что и в каких объемах ты учил. И тебе ее или засчитывают, или ты что-то пересдаешь, как и предполагает болонская система. Но европейские страны свою болонскую систему реализовали. А мы свою систему угробили.

Не думаю, что так легко будет согласовать наши позиции в сфере экономики и промышленно-аграрного блока. Во-первых, отношения внутри системы России и Украины далеки от совершенства. Серьезные проблемы время от времени становятся достоянием общественности, последний пример с «Лугантепловозом», когда Украина не поддержала желание россиян купить его. Есть и другие примеры. Ситуация в авиастроении стала уже скандальной: то мы делаем самолеты ОКБ им. Антонова вместе с Россией, то нет. А ведь они имеют серьезные конкурентные преимущества на мировых рынках, в Азии и Африке. Их достоинство: они садятся на грунтовые аэродромы.

Политическая воля необходима, но нужно и адекватно реализовывать решения. Вот, например, Харьковские соглашения. В Севастополе они были восприняты с большой радостью, а потом на Черноморском флоте сократили 600 офицеров. А.Сердюков заявил, что Черноморский флот будет и дальше сокращаться. Это вызвало большое разочарование в городе. Сегодня Черноморский флот - самый большой должник не только в Пенсионный фонд города (где-то около 18 млн. гривен), но и по зарплатам. Дело дошло до голодовки конструкторского бюро ЧФ с требованиями выплатить зарплату за полтора года. Два других предприятия ЧФ стоят на пороге забастовки, потому что им тоже не платят деньги. Понимая все экономические проблемы России, нужно понимать и то, что такие вопросы приобретают политический смысл.

Олег Горбунов, сотрудник Центра моделирования стратегического развития (Россия): Вернусь к образованию. Когда мы говорим о проблемах университета, то речь идет о проблемах верхов, то есть руководства университетов и об информации. Студенты приграничных городов России просто не знают о возможности обучения в Украине, а студенты и на востоке, и на западе Украины, которые не могут себе позволить обучение в западных университетах, могли бы учиться в российских университетах. Однако никто из них не знает о таких возможностях.

Мы много говорим о Русском мире, об образовательных контактах. Реальные образовательные контакты - это реальная возможность погружения Украины в русский информационный контент. Луговчане приезжали бы в Ростов, а ростовчане погружались бы в украинский информационный контент, приезжая учиться в Донецк и Луганск.

Почему не приглашают украинцев, например, на Селигер, где есть возможность общения студентов через бизнес-площадку, на другие интересные молодежные форумы? А ведь есть гигантское количество молодых ребят во Львове, Киеве, Одессе, готовых поехать, сотрудничать с россиянами. Многие из них - талантливые ребята, многие ищут выход на российские площадки, но не находят, потому что эти каналы заняты людьми, которые дав-

но стали как бы профессиональными украиноведами, либо профессиональными россияноведами. Молодые имеют такое нужное сейчас модернизационное, инновационное мышление, и необходимо привлекать к работе тех, кто будет формировать элиту - украинскую, российскую, региональную, федеральную.

У наших стран - капиталистические экономики с крупным капиталом, но нужно развивать молодой бизнес. Этот вопрос стоит и для украинских студентов, и молодежи в целом. Надо обсуждать, как нам создать бизнес-инкубаторы, бизнес-площадки: упростить регистрацию, создать бизнес-структуры для молодежи, выдать беспроцентные кредиты и т.д. Это реальный способ создания единого бизнес-пространства между Украиной и Россией.

Денис Кирюхин, Аналитический центр политических исследований и конфликтологии (Украина):

Наша конференция проходит в ситуации, когда в Украине поменялась власть. Пришел новый президент, и мы видим кардинальное изменение тональности российско-украинских отношений. Каков же характер данных изменений? Когда В.Янукович победил на выборах, в СМИ высказывалась надежда на возвращение теплых, дружественных отношений времен Леонида Кучмы. Сейчас понятно, что подобные прогнозы не оправдались. Речь идет о формировании принципиально новой конфигурации отношений между нашими странами, новой - относительно времени и В.Ющенко, и Л.Кучмы. Ушла напряженность, которую вносила политика Ющенко, но нет и задушевности, которую мы ощущали на встречах Ельцина и Кучмы.

Сейчас новая эпоха, и она диктует свои правила. В основе появившейся конфигурации - идеи прагматизма, идеи взаимной выгоды. Эту позицию озвучивали Д.Медведев, В.Янукович. Хотелось бы рассмотреть всю систему отношений между нашими странами в контексте прагматизма.

Прежде всего, мысль, которая может показаться провокационной: В.Янукович является более дискомфортным переговорщиком для России, чем В.Ющенко. Хотя в последний год президентства Ющенко отношения наших стран были фактически сведены к нулю, однако позиции России и на украинском простран-

стве, и на пространстве СНГ усилились. Это и не очень выгодное, мягко говоря, для Украины газовое соглашение, это и ослабление позиций Украины в Центральной Азии. Для нашей страны, я считаю, это были болезненные удары. Неслучайно В.Янукович на встрече с Д.Медведевым в мае 2010 года поднимал вопрос о возвращении интересов Украины в Центральной Азии.

Таким образом, В.Ющенко, представлявший «романтический» национализм, на самом деле сдал многие экономические позиции Украины на постсоветском пространстве. Нынешняя администрация - носитель принципиально иной идеологии - идеологии экономического национализма. Я бы ее сформулировал именно так: идеология интересов крупного национального украинского промышленного капитала, украинских производителей, которые, естественно, заинтересованы в дешевых энергоносителях и рынках сбыта для своей продукции. На этой основе конфигурируется сегодняшняя внешняя политика Украины и во многом определяется система отношений Украины и России.

Говоря о различных интеграционных проектах на постсоветском пространстве, отметим, что с точки зрения национального экономического интереса Украине выгодна разноуровневая интеграция в таких проектах. Если говорить, например, о Таможенном союзе, то очевидно, что Украина сегодня не готова присоединиться к нему. Эта неготовность, в частности, обусловлена участием в ВТО. Мы вошли в ВТО не в очень выгодной для украинской экономики ситуации, когда импортные пошлины на поставки промышленных товаров в Украину существенно ниже, чем те, которые даже сейчас оговаривает Россия при обсуждении своего вступления в ВТО. Таможенный союз и Единое экономическое пространство будут ориентироваться на тарифный режим, существующий в России, а он как минимум в два раза выше, чем в Украине. Это одно из мощных препятствий для Украины. Вторая проблема - это стремление Украины к подписанию соглашения о зоне свободной торговли с Европейским союзом. Эти переговоры идут очень тяжело, потому что Украина очень жестко отстаивает свои экономические интересы, они затягиваются, и мы пока не видим существенного прогресса в этом направлении.

И это - одна из причин того, что после Харьковских договоренностей, после визита Д.Медведева в мае в Киев никаких существенных договоренностей с Россией заключено не было. Прозвучал целый ряд заявлений о сотрудничестве в сфере судостроения, авиастроения, атомной энергетики, но никаких договоров пока никто не подписал, и нет уверенности в том, что они будут в ближайшее время подписаны. Украина жестко отстаивает свои экономические интересы, и пока сотрудничество пробуксовывает. Такова логика прагматичных отношений.

Следующее - ОДКБ. Новая поправка в Закон об основах внутренней и внешней политики, которая была принята при Президенте В.Януковиче, определяет Украину как внеблоковое государство. Украина заинтересована в том, чтобы на пространстве СНГ и Восточной Европы были сформированы четкие правила безопасности. Сотрудничество с НАТО, с одной стороны, а с ОДКБ - с другой, помогает Украине сформировать эти правила. Однако ни о какой интеграции в ОДКБ при формировании этих правил речи быть не может, максимальной формой может быть отдельный статус и возможное сотрудничество по отдельным программам. Эти ограничения предусмотрены внутренним законодательством.

ШОС, по моему мнению, представляется наиболее перспективной сферой нашего сотрудничества. Это уже не двустороннее сотрудничество, а более широкое, и перспектива рассматривается по нескольким направлениям. Одно из них - и это опять провокационная мысль - это то, что из всех интеграционных проектов на постсоветском пространстве это проект, где влияние России наименьшее. Во всех остальных Россия оказывает доминирующее влияние, а в ШОС мощный игрок - Китай. Сотрудничество в ШОС для Украины открывает очень широкие перспективы. Это сотрудничество может быть оформлено в формате «партнеры по диалогу» (такой статус имеет сегодня Белоруссия с последующей перспективой стать наблюдателем). Сотрудничество в ШОС открывает доступ к энергетическим ресурсам в Центральной Азии - что Украине сегодня крайне важно - и доступ к китайскому рынку. Во время недавнего визита В.Януковича в Пе-

кин проявился интерес Китая к двустороннему сотрудничеству с Украиной и в более широком формате.

Во многом экономика Украины зависит от того, насколько будет реализован ее транзитный потенциал. У нас вызывает крайнюю обеспокоенность неуступчивость России в вопросе о «Южном потоке». С одной стороны, понятно, Россия хочет обезопасить себя от влияния политической конъюнктуры в Украине. С другой - создание «Южного потока» оказывает крайне негативное влияние на украинскую экономику, поскольку мы начинаем терять свой транзитный потенциал. Считаю нужным, чтобы Россия гарантировала Украине, что вступление в действие «Южного потока» не будет сопровождаться сокращением использования транзитных путей на украинской территории.

Мощным негативным фактором сегодня являются противоречия между «Газпромом» и «Нафтогазом». Мы видим желание «Газпрома» поглотить «Нафтогаз», и неслучайно Президент Украины активно работает, чтобы создать совместное предприятие стран ЕС, Украины и России на паритетных началах, чтобы сохранить украинское влияние.

В вопросе о делимитации Керченского пролива наметился какой-то прогресс. Министр иностранных дел Украины К.Грищенко недавно предложил формулу совместного использования пролива. Это соответствует Гаагским рекомендациям, согласно которым решение подобных делимитационных проблем не должно приводить к ограничению возможностей одной из сторон. Надеюсь, что этот вопрос будет решен уже в ближайшее время.

Упомяну еще один фактор, который влияет на российско-украинские отношения, - сближение России и Украины отторгается частью политической и интеллектуальной элит Украины. В силу этого интеграционные проекты встречают в Украине достаточно мощное сопротивление.

Алексей Пушкин, автор и ведущий программы «Постскриптум» (ТВЦ) (Россия): Пока не была названа такая болезненная проблема, как НАТО. Хотя некоторые наши западные партнеры уверяют Россию в том, что идея приема Украины в НАТО похоронена, А.Расмуссен не далее, как в мае сказал, что Укра-

ина и Грузия будут вступать в НАТО. По мнению Расмуссена, администрация Обамы придерживается мнения, что это вопрос времени. И Хиллари Клинтон, когда приезжала к вам в гости, подтвердила Януковичу, что США будут поддерживать стремление Украины к интеграции с Евроатлантическим сообществом, что Америка будет держать курс на вступление Украины в НАТО. А как можно определить линию правительства Януковича в этом вопросе? Это первое.

Второй вопрос: как обстоит дело с общественными настроениями в этой сфере? «Романтик» Ющенко все время «романтически» сдвигал цифры, каким-то удивительным образом он насчитал, что 60% населения Украины уже за вступление в НАТО.

И третий вопрос: вы говорите о том, что Украину беспокоит «Южный поток», считаю, что это обоснованное беспокойство. Но в России всегда очень негативно воспринимаются всякие заходы натовцев в Феодосию, совместные военно-морские маневры. Можно спасать моряков на море или воевать с пиратами в Аденском заливе вместе с НАТО - хорошее сотрудничество, и никто не «против». Будет ли Янукович все эти демонстративные формы сотрудничества с НАТО поддерживать?

Д.Кирюхин: По порядку. Закон о внутренней и внешней политике определил Украину как внеблоковое государство, не нейтральное, а именно внеблоковое. Разница между нейтральным и внеблоковым подразумевает, что Украина может полноценно сотрудничать с различными военно-политическими блоками, в том числе с ОДКБ и НАТО. К сожалению, зачастую вопрос о вступлении Украины в НАТО решается не в Украине и не народом Украины, а в Брюсселе, Москве, Вашингтоне. Политика Януковича в этом смысле отвечает духу прагматизма. Она заключается в том, что, зафиксировав свой внеблоковый статус, мы продолжаем реализацию сотрудничества по целому направлению совместных программ Украина - НАТО, так же как сотрудничает сегодня с НАТО Россия. Хочу подчеркнуть, что в этом году летом на совместных украинско-натовских учениях впервые за многие годы была даже изменена легенда. Она была связана с антитеррористическими действиями, а не с борьбой против сепаратизма, что говорит об изменении политического курса.

Сотрудничество с НАТО по ряду параметров объективно необходимо, оно связано со стабильностью в Черноморском регионе. Напомню о Турции - одном из влиятельнейших игроков в Черноморском регионе, чей флот превышает существенно и российский, и украинский. Для Украины чрезвычайно важно развивать такое сотрудничество, и в плане борьбы с терроризмом, и в плане разработки программ стабилизации и обеспечения безопасности в регионе.

Кроме того, для Украины было бы желательно в качестве противовеса сотрудничеству с НАТО развивать какие-то программы с ОДКБ. Это дало бы возможность развивать украинские Вооруженные силы и снять некоторую напряженность, которая существует в России в связи с сотрудничеством Украины и НАТО. В ближайшей перспективе мы видим развитие программ по модернизации Вооруженных сил Украины в рамках программ сотрудничества с НАТО, что и происходит. Украинские Вооруженные силы нуждаются в такой модернизации. Но для успокоения России было бы желательно углубление развития сотрудничества и с ОДКБ. Таким образом, был бы соблюден паритет.

В связи с общественными настроениями относительно НАТО могу поделиться интересными данными. Например, в Донецкой области в середине 1990-х годов более 20% населения поддерживали вступление в НАТО. Когда же Ющенко развернул свою пропаганду, количество сторонников уменьшилось и держится на этом уровне до сих пор. На прошлой неделе я видел цифры - в Украине 18-20% являются сторонниками присоединения к НАТО. Во второй половине 1990-х годов была самая большая поддержка идеи интеграции в НАТО. Власть не может не учитывать эту позицию.

Виталий Кулик, директор Центра исследований проблем гражданского общества (Украина): Украина, конечно, заинтересована в избежании нездоровой конкуренции, в кооперации усилий, но на практике, к сожалению, наблюдается вытеснение Украины с рынка вооружений на постсоветском пространстве, прежде всего в странах Центральной Азии. Речь идет не только о катерах для Узбекистана, а двух-трех десятках наименований продукции ВПК, которую мы поставляем в Центральную Азию. Важно и сближение позиций по противодей-

ствию асимметричным угрозам безопасности - это нелегальная миграция, противодействие наркотрафику, организованная преступность, фундаментализм, терроризм, это вопросы создания совместного антитеррористического центра Украина - ОДКБ, это участие Украины не только в качестве наблюдателя, но и как партнера ОДКБ, и участника штабных учений (совместная разработка легенды этих учений).

Украина хотела бы получить статус не просто наблюдателя ОДКБ, она хотела бы получить статус страны - партнера ОДКБ, который бы предусматривал углубленное сотрудничество. И в этом статусе Украина сама могла решать, что ей интересно в сотрудничестве с ОДКБ. ОДКБ - это ведь не только Россия. Нас интересует более тесное военно-техническое сотрудничество с Белоруссией, у нас есть много проблем с общей границей, вопросы ПВО; возможности в рамках ОДКБ по созданию определенных циклов производства вооружений, можно говорить о спецификации продукции. Такие инициативы мы выдвигали в начале 2000-х годов. Скажем, украинское предприятие «Форт» в Виннице имеет опыт производства отличного автомата «Форт». Мы знаем, что есть спрос на такое вооружение со стороны стран Центральной Азии, но он сдерживался долгое время усилиями российской стороны. Если бы «Форт» стал совместным проектом, это был бы рывок на рынки третьих стран.

В рамках ОДКБ могли согласовываться и решаться проблемы социальной защиты военнослужащих, пенсий для военнослужащих, ветеранов спецслужб и другие социальные вопросы. Но когда мы поднимали такие вопросы сотрудничества с ОДКБ, российская сторона как бы уходила от ответа, не проявляла заинтересованности, избегала обсуждать их. А когда мы задаем эти вопросы представителям НАТО, встречаем интерес, встречные инициативы, предложения и так далее. В случае с ОДКБ мы стукались в закрытые двери. Надеюсь, сейчас что-то переменится.

Участие в противоракетной и противовоздушной обороне затрагивает наш внеблоковый статус: мы не можем проявлять чрезмерную уступчивость одной стороне в ущерб другой. Мы должны вести симметричную политику. И вызовы нашей безопасно-

сти есть и на Западе, и на Востоке. Выход из этой ситуации - повышать собственную обороноспособность, вкладывать деньги в оборону, создавать боееспособную армию, готовую отразить любую агрессию, откуда бы она не исходила.

Если говорить об истории вопроса, то после подписания Ташкентского договора Украина проявляла определенный интерес к выработке какой-то схемы сотрудничества. И у Кучмы, и у Ющенко потом, и у Януковича сейчас была четкая позиция - невхождение в ОДКБ. Но все понимали, что необходима какая-то площадка сотрудничества с ОДКБ. Если с ЕврАзЭС было какое-то взаимодействие - Украина является наблюдателем в этой организации, - то в ситуации с ОДКБ движения вообще не было. Сейчас от общественности исходит призыв к сближению с ОДКБ, но практических дискуссий среди экспертного сообщества, обсуждений возможных площадок сотрудничества пока не наблюдается. Надо заполнить эту нишу. Украина и Молдова, думаю, были бы первыми, кто попросился бы в эту программу.

Хотел бы напомнить о выступлении Медведева, который после известных киргизских событий в этом году заявил о необходимости реформирования ОДКБ. Практически развитие отношений Украины и ОДКБ будет во многом зависеть от того, в каком направлении будет реформироваться сама ОДКБ. Есть много программ сотрудничества: в области ВПК, социальной сферы, антитеррористической деятельности, но стопором является сама структура ОДКБ.

Александр Ципко, главный научный сотрудник Института международных экономических и политических исследований РАН, специалист в области социальной философии, доктор философских наук (Россия): Хотел бы остановиться на сугубо мировоззренческих и идеологических вопросах взаимоотношений наших стран и сосуществования независимых России и Украины. Позиция Ющенко - Украина должна быть независимой, прежде всего от России. При такой позиции строить национальную идентичность можно только на болевых точках. Из этого следует - чтобы сохранить независимость, нужно минимизировать отноше-

ния с Россией. Так строится вся наша пропаганда: был враг, он ушел и наступает рассвет новых отношений. Эта позиция ласкает нашу душу, но она утопична.

Как мы знаем, Кравчук рассматривал российско-украинские отношения так же, говорил, чтобы быть независимыми, мы должны быть независимы от России, делал акценты на крайне негативных моментах в отношениях между нашими странами. Напомню о знаменитой статье «Россия и Украина» (1928 г.) Николая Трубецкого, основателя евразийства, в которой он пишет: «Распад СССР неизбежен, и новая Украина будет снова независимой, начнется анти-русская политика, начнется насильственная украинизация и будет насильственная провинциализация Украины, потому что эта украинизация выталкивает Украину из русского общего поля и приведет к понижению интеллектуального уровня, и будут искать врага». Так что ничего того, что бы не было предусмотрено самой логикой становления независимой Украины, у Ющенко не было.

Денис Кирюхин сказал, что политическая интеллектуальная элита с неодобрением относится к политике сближения Януковича с Россией. Это говорит о том, что эти механизмы заложены в самой логике независимой Украины. Если Ющенко выстраивал идеологию независимой Украины на таком «романтическом», эмоциональном уровне, вредном для Украины, то Янукович делает это прагматично, с учетом экономических интересов Украины. Отрицать позитивные сдвиги не стоит, но строить иллюзии, как делают некоторые СМИ, что, мол, произойдет что-то качественно иное, что мы снова будем народами-братьями, не стоит тоже.

Запад на время отступил от идеи идти дальше на Восток, поэтому план Ющенко провалился. Изменится ситуация? Может быть. Не исключено, что какое-то новое правительство Украины, новая Верховная Рада, получив конституционное большинство, примет новую Конституцию. Шансы на сближение будут зависеть от национально-государственных интересов. К сожалению, также велика возможность изменения сегодняшних настроений, тем более идея интеграции в Евросоюз остается доминирующей. Сторонников НАТО действительно больше 30% никогда не было, но вхождение Украины в Евросоюз поддерживает подавляющая

часть (90%) населения, особенно молодежь. Я очень благодарен украинским коллегам. Они мне очень помогли быть реалистичным и преодолеть те мифы, которые характерны для нашего российского медиа и самосознания.

Владимир Жарихин, заместитель директора Института стран СНГ (Россия): Украинские коллеги окунули в холодную воду тех, кто имел романтические представления. Попытаюсь окунуть туда же наших украинских коллег. Когда рассматриваются наши отношения, совершают традиционные ошибки. Во-первых, их рассматривают в отрыве от проблем меняющегося мира и, во-вторых, в отрыве от наших внутривнутриполитических проблем, особенно российских. Зачастую украинские коллеги полагают, что один-два человека решают все на высоком уровне и нет нужды рассматривать внутривнутриполитическую и внутривнутриэкономическую ситуации в России. Да и вообще не надо изучать то, что у вас происходит, тонкую структуру российской политики. Если мы в России достаточно часто, с вашим или без вашего участия, активно анализируем и изучаем те процессы, которые происходят в украинской политике, то процессы, которые идут в российской политике, украинским аналитикам просто не интересны. Им достаточно почитать газету «Коммерсант», послушать «Эхо Москвы», и все, что происходит в России, становится ясным. Это неправильно.

Возвращаясь к самолетам, танкам, проектам, кто сказал, что будет легко. Кто сказал, что Путин, Медведев, российские олигархи, российские военно-промышленные группы и другие заинтересованные силы, после того как Украина сделает небольшие усилия, чтобы повернуться к России лицом, тут же изобразят эдакую картину Рембрандта «Возвращение блудного сына». За эти годы практически все российские предложения о сотрудничестве или отвергались Украиной, или саботировались. Неужели непонятно, что у нас выстроилась определенная система отношений, что называется, «не от хорошей жизни» - и в области самолетостроения, и в области оборонной техники есть вполне определенные обязательства. Возьмем, к примеру, «Суперджет», связанный со многими западными фирмами, которые участвуют в этом проекте. И теперь все это сотрудничество бросить?

Российскую сторону часто обвиняют на Украине в том, что она слишком активно участвует в украинских делах. В случае если украинская сторона действительно заинтересована в реальном расширении сотрудничества, она должна самым активным образом заниматься лоббистской деятельностью внутри российского политического поля. А такого стремления я не вижу. Давайте говорить прямо, кому нужнее это сотрудничество, - России? Постоянно говорится о том, что от России здесь нет предложений, там нет предложений - мы ждем предложений. А почему бы самим, коль это в интересах Украины, не сформулировать именно интересы Украины и продвигать их в тех или иных экономических и политических проектах. Например, «Южный поток». Собственно, на каком основании Россия после того горького опыта двух инициированных войн, которые серьезно испортили отношения России с ЕС, должна повернуться на 180 градусов и сделать ставку только на украинскую газотранспортную систему. Пока что у России нет никаких для этого оснований, и Россия будет делать «Южный поток». Другое дело, что Россия не собирается пускать весь свой экспортный газ через «Северный поток» и «Южный поток». Иначе мы вместо газового монополиста Украины получим газового монополиста Болгарию или Германию.

Эти потоки и создаются, чтобы иметь постоянный запас мощностей, чтобы никто не был монополистом. Например, когда Лукашенко попытался «поиграть» на своем газовом монополизме, кто помог России? Украина, которая оказалась готовой бросить эти потоки через свою систему. Россия этого и добивается, чтобы никто не был монополистом. И здесь надо вести переговоры не о том, что Россия должна закрыть «Южный поток» - не закроет, а о том, какая доля этого потока достанется Украине. Вы должны быть рады, что мы наконец повернулись в вашу сторону. Мы рады. А вот дальнейшее зависит не только от доброй воли России, но и от активности украинской стороны.

О.Горбунов: Мы говорили о форматах военно-политической и экономической интеграции, но не упомянули такой важный момент, как общественная интеграция, общественные контакты. В СМИ присутствует долгое время такая тема, как создание об-

щенного телевидения на Украине. Об этом много говорит Янукович. Скажите, пожалуйста, есть ли на Украине намерения делать такое общественное телевидение, будет ли принимать участие в этом Россия, если она выступит с такой инициативой?

В.Кулик: Такой проект существует - это телекомпания «Мир». Я не назвал бы этот проект удачным. «Мир» даже не входит в двадцатку кабельных телеканалов. Создание совместных проектов, думаю, у наших российских коллег вызовет опасения. Наша политическая культура, точнее, бескультурье предполагает «шустеризацию» общественной дискуссии. Я сомневаюсь, что российские зрители, тем более политическая элита, готовы к проникновению «шустеризации» на российские телеканалы. Совместные общественные проекты, которые будут обсуждать политические темы, - не в интересах российской стороны. Если мы говорим о контролируемой дискуссии, то против этого будет выступать украинская общественность. Мы уже отвыкли от таких «конструктивных» медиапроектов. Если говорить о социальных проектах, то там есть поле для совместной деятельности и инициативы исходят от украинско-российской общественной палаты. Надо создать такие, где будут сконцентрированы совместные проекты и позитивные примеры общественной кооперации на уровне институтов гражданского общества, на уровне взаимоотношений лоббистских организаций, экспертного сообщества.

Д.Кирюхин: Сейчас подготовлена концепция закона об общественном телевидении. Она одобрена на Государственном совете при Президенте Украины. Очень стимулирующий мощный фактор - создание общественного телевидения для Европы. Если дружба с Россией мало что требует от Украины, то дружба с Европой ищет не только выгод, но и еще и «чистого воротничка белой рубашки» - целый набор гуманитарных требований, - а Янукович ориентирован на сотрудничество с Европейским союзом. И, конечно, в этом плане понятна ориентация на создание общественного телевидения. Думаю, что если не в этом, то в начале будущего года этот проект будет утвержден на законодательном уровне.

В.Казарин: Когда мы говорим о высоких теоретических проблемах, очень часто подспудно в этих спорах возникают другие процессы, которые ставят нас перед иной реальностью. Пушкинский пример: в 1811 году открыли лицей для того, чтобы готовить кадры для новой работы. Когда выяснилось, что в числе первых выпускников были декабристы, профессоров из лицея повыгоняли, а лицей закрыли.

Самые разные аспекты были затронуты, когда говорили о проблемах безопасности, а один забыли. Работая в Севастополе, я видел громадное количество увольняемых в запас военных людей: офицеров, военнослужащих. Но все курсы социальной адаптации воинов, увольняемых в запас, - натовские, норвежские, частично ПРИК ООН. Эти курсы, действующие уже более 15 лет, - двухмесячные с выездом и без выезда за границу - готовят бывших военных по гражданским специальностям. Через эти курсы прошло огромное количество людей. А потом получится, как с Царскосельским лицеем. Мы столкнемся с другим наследием, которое уже реализовалось.

БУДУЩЕЕ «ТРЕУГОЛЬНИКА» РОССИЯ - УКРАИНА - ЕС

Владимир Орлов, директор Центра политических исследований (ПИР-Центр) (Россия): Боюсь, что ни Россия, ни Украина не будут участниками Европейского союза в обозримой перспективе. Россия такой задачи и не ставит. Украина вряд ли может решить эту проблему в ближайшее время. Но у нас близкие интересы в Европе - от Ванкувера и до Владивостока. Кроме того, у нас общие возможные интересы к ВТС в Центральной Азии. Давайте посмотрим на то, что нас объединяет, что может быть предметом наших общих интересов.

Во-первых, европейская безопасность и структура европейской безопасности. Для нас в Москве сейчас очень важен вопрос, как эта архитектура будет реформироваться. Совершенно

ясно, что переходный период прошел. Время строить прочную новую архитектуру европейской безопасности. В этой связи российское предложение о Договоре о европейской безопасности достаточно внятно. Мы заметили и здесь позитивную реакцию украинской стороны, и в целом позитивную реакцию Президента Януковича и министра Грищенко на наши предложения. Но нам очень важно, чтобы в Киеве не просто была высказана общая позитивная позиция в отношении договора. Главное, чтобы мы работали сообща. Мне кажется, что некоторые украинские политики с обеспокоенностью относятся к проблемам безопасности, в том числе связанным с гарантиями безопасности, хотя они неплохо проработаны в проекте договора. Есть интересная статья 2 пункт 3 о недопущении использования территорий государств - участников договора в целях подготовки и осуществления вооруженного нападения против участников договора. Есть, безусловно, интересная статья 7 - что делается в случае такого вооруженного нападения. Для нас это не пустые звуки, не отвлеченные понятия. Я имею в виду недавние события на Кавказе (война 1 августа 2008 г.).

Другой момент связан с ОБСЕ, структурой, к которой у нас в Москве накопилось достаточно много замечаний. Но тем не менее все-таки мы решили двигаться дальше. Председательство Казахстана - немаловажное, а в 2013 году - председательство Украины. Есть шанс ОБСЕ убить после председательства Казахстана, и есть шанс ОБСЕ превратить в реальную организацию по европейской безопасности.

Наконец, российско-украинское сотрудничество в области атомной энергетики. У нас есть общий негативный опыт - это Чернобыль. Развиваясь по-разному в последние годы, тем не менее преодолели чернобыльский синдром, как его преодолел и весь мир. Теперь наступает атомный ренессанс. У России и Украины есть возможность работать, исходя из общих экономических и более широких интересов. Для нас этот выбор не простой и не совсем очевидный. С одной стороны, нас соединяет более чем 60-летняя история сотрудничества в атомной сфере. Но, с другой стороны, свежа в памяти история с Бушером. Мы работали

совместно до того момента, как американцы надавили на Украину, и Украина вышла из бушерского проекта. Нам тоже было непросто, но обязательства должны выполняться. Мы сделали этот сложный в экономическом и техническом, но прежде всего в политическом смысле проект. Нам бы не хотелось, чтобы в дальнейшем подобные эксцессы повторялись.

Если я правильно понимаю, в 2009 году доля атомной энергии в структуре производства электроэнергии в Украине составила 48%, а уже в середине текущего года она превысила 50%, достигая почти 52%. Это больше, чем в Российской Федерации. До 2030 года 8 из 15 действующих украинских энергоблоков исчерпают свой ресурс, и на их модернизацию в ближайшие 15 лет потребуется порядка 50 млрд. долларов. Единственным значительным машиностроительным ресурсом атомной отрасли Украины является харьковский «Турбоатом», три четверти акций которого принадлежат государству. Урановые запасы оцениваются в 200 тыс. тонн урана, вопрос о их разработке сейчас с «Атомредметзолотом» обсуждается. В 2007 году мы не пришли к соглашению. Разработку урановой руды можно увеличить, и производство урана в Украине довести до 6,5 тыс. тонн в год, но вопрос, будет ли это рентабельным без создания полного цикла производства ядерного топлива, которого в Украине сейчас нет, стоит по-прежнему.

Мы обращаем внимание на ситуацию вокруг Южно-Украинской АЭС, куда опытные партии топлива поставляет американская компания «Westinghouse». Знаю, что, по мнению национальной комиссии радиационной защиты Украины, это топливо может стать источником экологической угрозы региону и сопредельной территории Черноморского бассейна. Топливо не сертифицировано, проблемой является его вывоз и переработка, в то время как российская компания «ТВЭЛ», согласно подписанному контракту, вывозит все отработанное топливо для переработки и хранения в Россию. Недавно «ТВЭЛ» и «Энергоатом» подписали долгосрочный контракт на поставку ядерного топлива для украинских АЭС, и российское ядерное топливо для украинской стороны примерно процентов на 20 дешевле.

В этом же году Россия предложила Украине объединить в холдинг атомные активы двух стран. В пакет предложений вошли совместные проекты, замороженные во время правления Ющенко, включая строительство завода по производству ядерного топлива, долгосрочный контракт на поставки топлива и создание совместного российско-украинского предприятия по добыче урана. В состав такого холдинга могут войти компания «ТВЭЛ», Новосибирский завод химконцентратов, изготавливающий топливо для АЭС Украины, некоторые украинские урановые месторождения и атомное машиностроение. Меньше месяца назад украинское правительство утвердило победителя на строительство завода по производству ядерного топлива, и им стала российская компания «ТВЭЛ», единственным конкурентом которой была американская компания «Westinghouse». Причиной успеха российской компании некоторые эксперты называют ее готовность вкладывать в строительство собственные средства.

На этих конкретных примерах хотелось бы показать, что у нас есть динамика. Мне кажется, что в этот процесс было бы разумно вовлекать и Казахстан. С Казахстаном у нас есть опыт работы по Международному центру обогащения урана (МЦОУ) в Ангарске, Украина также подтянулась к этому российско-казахстанскому проекту. Я вижу на примере Международного центра обогащения урана в Ангарске, что мы можем замкнуть ядерный топливный цикл - Россия - Украина, Россия - Украина и Казахстан. Думаю, что это потенциально неплохая перспектива, особенно учитывая, что в августе госконцерн «Ядерное топливо» и «Росатом» подписали договор купли-продажи 10% акций МЦОУ, и Украина получит гарантированный рынок сбыта природного урана и обеспечит стабильные поставки топлива для своей АЭС.

Выводы. У нас есть все объективные возможности для устойчивого российско-украинского сотрудничества в области развития атомной энергетики. У России есть серьезные намерения в разработках урановых месторождений Украины. Подписанные контракты создают хорошую базу. Запланированное строительство, создание совместных предприятий по производству ядерного топлива - лишнее тому подтверждение.

Эмоционально и политически понятны попытки Украины диверсифицировать поставки ядерного топлива для АЭС за счет «Westinghouse». Но атомная энергетика не та сфера, где в отличие от других удастся так диверсифицироваться. Поэтому я не вижу возможности для Украины диверсифицировать поставки в краткосрочной и среднесрочной перспективе.

Эта высокотехнологичная отрасль, где бы мы могли поработать совместно на общее благо, на общеэкономическое процветание, обеспечение собственной энергобезопасности, показать пример другим европейским государствам как, собственно, в строительстве заводов и совместных предприятий, так и в совместной подготовке кадров. Инвестируя в будущее поколение, инвестируя в кадры, будь то в области международной безопасности, нераспространения или, так более четко, физиков-ядерщиков, инженеров для ядерного топливного цикла, думаю, мы построим реальные интеграционные платформы.

В.Жарихин: При анализе успехов и сложностей во взаимоотношениях России и Украины не всегда достаточно оценивается влияние внешних факторов. Мы живем не в изолированном мире, мы живем на семи ветрах евразийского субконтинента, и тенденции, которые возникают на этом пространстве, самым серьезным образом сказываются на наших отношениях. В последнее время многие проблемы, о которых говорили на нашей встрече, связаны с тем, что, увлекшись очень богатой, очень интересной внутривнутриполитической жизнью на Украине, украинская политическая элита отвлеклась от тех резких изменений, которые проходят на мировой арене в последнее время. Возникли новые тренды. Те тренды, которые казались раньше определяющими, сегодня уходят на задний план, соответственно, появляются другие.

Что касается изменения трендов, например внутри Европейского союза. Совершенно явно в последнее время возобладала тенденция перехода от интенсивного расширения Европейского союза к стабилизации, «перевариванию» того восточноевропейского пространства, которое Евросоюз получил. Там растет понимание, что надо адаптировать, интегрировать то, что получили, прежде чем расширяться дальше. Полагаю, что эта тенденция - на бли-

жайшее десятилетие как минимум. Далее - это ослабление давления Соединенных Штатов на стратегию Евросоюза. И дело здесь не столько в экономическом кризисе, сколько в осознании общеевропейских интересов, которые по объективным причинам противоречат интересам американцев, прежде всего в сфере экономики. Еще одна тенденция, учитывая политические и зависящие от морских коммуникаций риски, - стремление к формированию самодостаточной экономической системы, что влечет желание создания некоего экономического конгломерата с Россией.

Опыт показал: Украина для Европейского союза без России не интересна. Если вести речь о вступлении Украины в Евросоюз, то она будет создавать для Евросоюза проблемы и в экономическом плане, и в политической области, а в нынешнем его состоянии для него это неприемлемо. Кстати, когда коллеги из Украины достаточно справедливо и доказательно говорили о проблемах, которые возникают сейчас в реальном экономическом взаимодействии с Россией, надо учитывать тот момент, что ведь и для России Украина как изолированный от общеевропейских тенденций субъект не слишком интересна.

В одном из своих первых интервью Янукович говорил об Украине как о мосте между Западом и Россией, имея в виду в первую очередь Европейский союз. Идея правильная и конструктивная, потому что, во-первых, Украина становится тем, чем, к сожалению, в последние годы не была. Одна из крупнейших европейских стран - Украина была не субъектом европейской политики, а исключительно объектом. И, во-вторых, это может снимать многие внутренние украинские проблемы, потому что, образно говоря, один конец этого моста будет во Львове, а другой - в Донецке, что убирает проблему внутриукраинского раскола. Мне кажется, что без обсуждения вопроса сотрудничества наших стран в свете новых меняющихся геополитических и геоэкономических тенденций не обойтись. Это значительно более конструктивно, чем вспоминать замечательные истории наших отношений XVI-XVII веков.

А.Оганесян: Спасибо. Хочу обратить внимание на то, о чем говорил Владимир Леонидович. Мост Львов - Донецк, который играет большую роль, важен не только для всех участни-

ков - и Европы, и Украины, и России, - но и делает их если не равновеликими в плане их экономик, то, по крайней мере, незаменимыми друг для друга. Эта тема соединительного моста актуальна как всякая идея транзита и движения. Сегодня мы, практически, не коснулись керченского проекта, а это очень интересный проект, который может служить и этой же цели соединения Европы через Украину с Россией. Тема пантранзитной, панъевропейской линии - это не просто «Дорожная карта» небольшого маршрута. Это целая структура возможного параллельного развития, и намного шире, чем керченский проект. Соединительный мост может стать консолидирующим фактором на пространстве наших стран.

В.Кулик: В конце правления Ющенко у нас на здании МИД пропал флаг Евросоюза. А висели два - Украины и Европейского союза. Оказывается, он выцвел, потерял цвет, так же как наши «романтические» европейские иллюзии в отношении европейского членства. Г-н Жарихин, вы не наблюдательны: у нас изменилось не просто отношение к европейской интеграции. С приходом новой власти у нас изменилась концепция, мы не называем даты интеграции. Мы прекрасно понимаем, что до 2025 года европейское членство Украины не обсуждается. Сегодня 2010 год, и никаких перспектив интеграции мы не видим. Изменились подходы. Раньше мы интегрировались в Европу по принципу евроидиотизма: сдача интересов благодаря каким-то европейским иллюзиям. Максимально интегрирование в ЕС потеряло при этом и политическую, и экономическую составляющую, и суверенитет и прочее.

Европейский выбор в понимании Януковича - это в первую очередь политика постепенных шагов, которые дают ощутимый результат. Европейский выбор - это вхождение в европейские организации, свободная зона торговли, карта безвизового режима. И это мы получим уже в будущем году. Думаю, что введение плана безвизового режима - это путь, по которому за два-три года мы придем к отмене виз, по крайней мере для 70% украинцев. Сейчас и студентам, и журналистам, и чиновникам, и людям творческих профессий визовой режим для выезда в Европу упрощен. Не интеграция в Европейский союз, а постепенные шаги, от ко-

торых мы получаем определенную прибыль - и политическую, и экономическую, и социальную, и прочую.

Что касается Договора о европейской безопасности. Не согласен, что Будапештский меморандум дал нам гарантию безопасности. Он дал нам уверения в безопасности. В английском языке есть четкая разница между этими понятиями: уверения - не значит гарантия. В Будапештском меморандуме мы не получили гарантийного механизма, так что гарантии безопасности от России, США, Великобритании - это филькина грамота. Поэтому нынешняя власть ставит вопрос: если мы сейчас говорим о стратегическом партнерстве с Евросоюзом, США, Российской Федерацией, то давайте подписывать гарантийный документ, который бы четко прописывал гарантийный механизм и ответственность сторон и эти самые гарантии безопасности. Тогда встанет вопрос о том, что введение понятия внеблокового государства в Конституцию будет подкреплено некими внешнеполитическими гарантиями.

Сам по себе Договор о европейской безопасности - очень красивый, но для Украины необходимо, чтобы кроме этого договора была система стратегического партнерства - документы высокого уровня. Они существуют с Россией. Думаю, что они будут подписаны - об этом есть уже договоренность - с Китаем. Система Договора о стратегическом партнерстве плюс Договор о европейской безопасности плюс гарантийный механизм о безопасности Украины - тогда можно говорить о полномправном нашем участии в выработке единой политики безопасности в Европе. Пока я вижу отказ НАТО обсуждать этот проект. Мы видим, что Европа забалтывает эту идею на уровне согласования документов, на уровне обсуждений идеи каких-то теоретических конструкций. Кроме того, европейцы сейчас говорят о неких двух пространствах: что НАТО, мол, не исключает Договора о европейской безопасности и расширения НАТО. Эта казуистика очень опасна. Мы можем подписать Договор о европейской безопасности и сохранить угрозу расширения НАТО на Восток. Если не будет единой позиции Украины, России и НАТО и всех других участников переговорного процесса по Договору о европейской безопасности, то он потеряет всякий смысл.

Теперь в отношении Украины как «моста». Мне не нравится слово «мост», на мосте не живут. Мы должны быть симметрично интегрированы и в европейское, и евразийское пространства. Если этого не будет, то и Украина не будет субъектом. Украина была субъектом - субъектом региональной игры во времена второго президентства Леонида Кучмы. Тогда Украина могла играть в геополитические игры и Москвы, и Запада, например поставить вертолеты в Македонию и тем самым фактически сорвать уничтожение македонского государства. Поставить ракеты в одну из ближневосточных стран и сорвать агрессию. Тогда Киев демонстрировал самостоятельную политику. Это не нравилось ни Вашингтону, ни Москве.

Несколько слов по поводу «ТВЭЛ» и поставок ядерного топлива. Проблема заключалась не в цене топлива, а в том, что американцы и канадцы отказывались от экспорта технологий. С русскими в этом понимание есть. И это - главная причина, почему мы отказались от американских услуг и не поддержали продление контракта. В нашей стратегии энергетической политики до 2020 года есть пункт, что до какого-то года мы построим 22 атомных энергоблока, хотя если исключить научную фантастику из этой формулировки, то речь может идти о четырех-семи энергоблоках. Но у Украины нет ни средств, ни возможностей для этого, и я не вижу, что Россия могла бы найти инвестиции для строительства наших энергоблоков. Здесь должны быть совместные европейско-российско-украинские проекты.

Совершенно очевидно, что Украина не должна быть зависимой от одного поставщика как на уровне технологий, так и на уровне ядерного топлива.

А.Пушков: Если Россия и Украина найдут некую экономическую общность и будет создано некое экономическое пространство, то они от этого могут выиграть. В принципе, и Европа была бы заинтересована, чтобы Россия и Украина создали общий экономический тандем. В этом идеальном случае Европа воспринимала бы эти две страны как некое экономическое единство и выстраивала бы с ними отношения, не опасаясь газовых войн или других проблем. Это соответствует тренду: Ев-

росоюз расширяется, Европа становится все более единой. Конечно, европейцев устроит и неидеальная ситуация - они смогут иметь дело и с Россией, и с Украиной по отдельности. Америка сознательно играет на разделении России и Украины, а в Европе действуют достаточно сильные проамериканские силы.

Когда мы говорим, что Европе Украина без России не нужна, думаю, это преувеличение. Да, если бы у России и Украины были бы идеальные отношения, Европа рассматривала бы это как некий позитивный фактор с экономической точки зрения. Но если нет, Украина может быть востребована без России, даже Молдавия нужна без России. Практически все могут быть без России. На это работают определенные силы, которые считают, что Россию надо ослабить и пригласить в качестве младшего партнера Запада, а не рассматривать ее как равноценного партнера.

Мы же с вами понимаем, что Барак Обама - это некий идеалистический нарост на историческом теле американского правящего класса. Барак Обама - один, вокруг него нет никого. Он решал свою задачу - он чернокожий, который должен был стать президентом, он выработал некую идеологию - глобальную, красивую, он протянул руку исламскому миру, с нами начал «перезагрузку» и т.д. Драматически эта политика ничего не поменяла: США не могут уйти из Афганистана, не могут уйти окончательно из Ирака. Вся эта риторика отражает одиночество Обамы, а за ним идут классические политики: Байден, Хиллари Клинтон, Роберт Гейтс. Это еще люди центрических позиций, а справа их поджимает Сара Пейлин.

Связь Украины и России есть всегда. Вопрос только в том, как она диалектически преломляется. Полагаю, что может наступить этап, когда новейшие, позитивные тенденции будут подвергнуты очень серьезной проверке, потому что с изменением американской внешней политики изменится и европейская внешняя политика, возрастет давление на Украину и, может быть, возрастет опять и антироссийское давление. Сейчас надо воспользоваться моментом и создать прочный потенциал.

А.Оганесян: Действительно, нужно учитывать мировой контекст. Усиление Азии объективно толкает Европу в сторону Восточной Европы, в первую очередь России и Украины. И Европе совершенно понятно, что, объединившись с пространством восточнее, включая, конечно, Россию и Украину, она получает дополнительный стимул выживания и конкурентоспособности. Французы это понимают четко, отсюда и вся риторика Саркози. И Саркози, и Берлускони, и даже Меркель в последнее время сделали абсолютно отчетливые заявления, что они заинтересованы серьезно рассматривать Россию. Думаю, что американцы сделают все, чтобы не произошло этого сближения.

В.Орлов: В Будапештском протоколе написано, что Россия и США готовы предоставить гарантии безопасности. Можно по-разному воспринимать механизмы реализации, но гарантии безопасности есть. Второе - по Договору о европейской безопасности. Мы на самом деле ведем очень сложный диалог и с НАТО, и ЕС, с европейскими государствами. Нет совершенно одинаковой картинки. Давайте сегодня поработаем с Парижем, Брюсселем, еще с кем-то. Двигаться вместе всегда интереснее.

Насчет инвестиций в атомную энергетику. Мы в Москве, когда смотрим на возможности атомного экспорта, видим, что даже на богатых направлениях - Ближний Восток или некоторые точки Ближнего Востока, где мы будем строить или пытаться строить наши АЭС, - нам придется частично инвестировать в проекты. Мы можем инвестировать в проекты и в Украине, но это надо обсуждать, об этом надо договариваться.

В.Казарин: Хочу высказать скептицизм по этому поводу. Целый ряд проектов атомных станций или что-то другое - это хорошо. Но все, в конце концов, упирается в ресурсы, выясняется на практике, что ситуация не такая уж радужная.

Керченский мост. Маленькая справка: впервые эта идея возникла еще в советское время, когда был проработан вопрос. Я знал людей в обкоме партии, которые эти документы в руках держали. Тогда строительство БАМа закрыло этот керченский проект.

Советское правительство заявило, что когда закончим стройку века - БАМ, тогда и начнем строить Керченский мост. В те времена он оценивался в 600 млн. рублей, почти 700 млн. долларов, даже больше. Вопрос сняли, и он возник уже в новейшее время. Помню, как Грач вместе с Лужковым закладывали паромную переправу, забивая костыль. Но на этом все кончилось. Когда проходили предвыборные кампании в 2004 году, туда приезжал Путин.

Сейчас снова поднимается этот вопрос. Вспомните, как проходила последняя встреча в Геленджике. Когда Украина предложила рассмотреть этот вопрос до 2012 года, то Медведев отреагировал очень сдержанно, дескать, давайте подождем Олимпиаду-2014. Обещал поручить выработать варианты строительства. Выяснилось, что Россия еще не выбрала для себя варианта. А наш министр транспорта сказал в интервью, что с министром транспорта России Левитиным он переговорил, тот сказал, что у них денег нет, давайте предлагать Евросоюзу в рамках проекта кольцевой дороги вокруг Черного моря. Если Евросоюз даст деньги, тогда мы готовы в этот проект вступить. То есть опять все уперлось в то, что Россия - отдельно, Украина - отдельно, нет денег на этот проект.

В сегодняшних условиях прагматизма, о которых мы сейчас много говорили, хочу сказать: допустим, железнодорожное движение через Керченский мост будет ближе. А кто сказал, что России будет выгодно завести свои транспортные потоки на территорию Украины, провозить через территорию Украины и увозить через территорию Украины? При всяких возможных политических катаклизмах, которые нас иногда преследуют, с точки зрения национального интереса действительно ли так важно длиннее проехать по своей территории или дважды при этом пересечь чужую границу?! Проект Керченского моста, если внимательно посмотреть, многое проясняет и в том числе множество мифов обнаруживает.

Владимир Мамонтов, президент редакции газеты «Известия»: Длина Керченского моста - 10-15 километров. Сейчас во Владивостоке, на острове Русский, к саммиту АТЭС строится мост, - километров пять через море. И к 2012 году, именно к саммиту, мост, как миленький, будет стоять. Что по нему будут возить - дело темное. Но я вам скажу: чем больше будет мостов,

тем больше будет у стран и людей уверенности в том, что, может быть, нам стоит жить более мирно. Когда моста нет, ну и ладно. А вот если он есть, то и с властью разговор будет другой.

Сейчас открылось новое окно для экономического и политического сотрудничества - вот это и надо сделать как можно быстрее. Надо мост - будет мост. Кто-то сказал: Европа не хочет, НАТО забалтывает, а мы смотрим, что что-то не идет у вас, а вы не хотите вместе. Потом, когда мы договоримся, то и вы придете: подождите, а наши интересы не учли. Думаю, что уже через пять-десять лет Россия дотянет «Южный поток» и «Северный поток», ВСТО дотянет до Китая, сдаст Бурейскую ГЭС и построит новую Бурейскую ГЭС, осуществит грандиозную ядерную программу, проведет Олимпиаду в Сочи, построит огромное количество дорог, проведет во Владивостоке саммит АТЭС, реализует много военных проектов - и без вас. А вы не хотите принять участие в этом большом имперском деле? Не на правах страны-моста, страны-трубы, страны-транзитера. Когда Украина была трубой или транзитером в старые добрые времена?! Это такой субъект был, больше чем Россия принимал участие в формировании империи. Зачем вы сами себя загоняете на задворки? С одной стороны, вы - задворки Европы, с другой - задворки России. Зачем?

«ОТСТАИВАЙТЕ ЖЕ СЕВАСТОПОЛЬ...»

Игорь Касатонов

Позор и проклятье на нас, если мы все забыли.
И.С.Шмелев

8 ДЕКАБРЯ 1991 ГОДА в Беловежской пуще руководители России, Украины и Белоруссии подписали Соглашение о создании Содружества независимых государств. Через четыре дня лидеры республик Средней Азии и Казахстана выразили готовность стать его равноправными членами. 21 декабря главы 11 независимых государств в Алма-Ате подписали декларацию, в которой было заявлено: «С образованием СНГ СССР прекращает свое существование». Подчеркну, этому предшествовало совещание в союзном Министерстве обороны, на котором министры обороны суверенных государств, еще составлявших СССР, договорились о долеом участии в формировании военного бюджета страны, хотя уже тогда Украина твердо заявила о намерении создавать свою армию. Участники совещания не пришли к единому взгляду по вопросам обороны и безопасности.

Ясность в вопрос не внесла и встреча глав государств Содружества, прошедшая 30 декабря в Минске. Принципиальным

Игорь Владимирович Касатонов - адмирал, советник начальника Генерального штаба ВС РФ, командующий Черноморским флотом ВМФ России (17 сентября 1991 г. - 7 декабря 1992 г.).

решением, принятым на ней, явилось лишь то, что ВМФ был отнесен к стратегическим силам, решающим задачи в интересах всего СНГ. Однако практически сразу Украина интерпретировала достигнутое решение в свою пользу, объявив, что все находящееся на ее территории принадлежит только ей, в том числе и Черноморский флот (ЧФ).

И дело не только в «плохих украинцах», а в том, что практически весь ЧФ со своей главной базой в Севастополе за очень малым исключением оказался на ее территории и в ее правовом поле, как, впрочем, и три военных округа. Списал флот со своих счетов и генштаб в Москве, сняв его со всех видов довольствия и передав Украине флотских строителей, а также части центрального подчинения. По взаимной договоренности президентов Украине были переданы территориальные органы КГБ, что обрезаало для России информацию с мест, так как эти органы знали обстановку и сразу же стали служить новым хозяевам.

Российская сторона ничего не оспаривала: судьба флота, как и трех округов решалась таким образом, что они становились украинскими. Это определили решения в Беловежской пуще - границы суверенных государств располагались по административным границам республик, то есть Черноморский флот «уплывал» за границу. Чтобы официально это зафиксировать, требовалось одно - принятие присяги на верность Украине.

Выходило, что Россия, имевшая протяженную черноморскую акваторию, почти полностью теряла свой Черноморский флот. Кто-то должен был сказать мне как командующему флотом, что делать в этой ситуации? По Конституции СССР (другой тогда не существовало) - Верховный главнокомандующий или министр обороны. Однако мне никто ничего не говорил, хотя время стремительно сжималось, и не с кем было посоветоваться. Указания же типа «соблюдать спокойствие» или «не поддаваться на провокации» в этих условиях не действовали ввиду своей неактуальности.

Обстановка развивалась так быстро, что обычно улыбающийся министр обороны СНГ маршал авиации Е. Шапошников улыбаться перестал. 11 декабря в Киеве было объявлено, что ЧФ - украинский. 30 декабря 1991 года после Минской встречи руководи-

телей стран СНГ, где по Черноморскому флоту не было принято никакого решения, единственное, что сказал мне министр, так это: «Держись, Игорь!» А фактически оставил меня один на один с внезапно возникшим и утверждающим себя государством, законы которого уже входили в полную силу.

Как командующий флотом, я доложил в Москву о всех действиях Украины, но опять не получил никаких указаний. В этих условиях, опираясь на поддержку большинства сослуживцев, которым ранее изложил свою позицию, я принял самостоятельное решение: руководствуясь интересами России, воинским долгом, ответственностью перед севастопольцами и подчиненными, не выполнять новые законы Украины, директивы ее президента, приказы ее Министерства обороны в части перевода Черноморского флота под ее юрисдикцию.

Безусловно, в украинском Минобороны служили не новички-экспериментаторы, а опытные люди, рассчитавшие свои действия далеко наперед, опиравшиеся на деятельность спецслужб, националистически ориентированный госаппарат и СМИ. Был приведен в действие огромный механизм, который на тот момент не сработал именно потому, что с нашей стороны он столкнулся с сопротивлением.

Это сопротивление, когда уже не только в Киеве, но и в Вашингтоне списали со счета ЧФ как флот России, меняло военно-стратегическую ситуацию на театре вспять. Россия опять обрела силу не только на юго-западном (балканском) направлении, но и на кавказском. Эта информация через СМИ сразу же дошла до правительств заинтересованных государств и общественного мнения.

У нас же возникало много вопросов. Например: почему Российское государство не подкрепит наши действия документом, например, президентским указом, нотой МИД, директивой министра обороны или хотя бы начальника Генштаба? Ведь аналогичные документы со стороны Украины были изданы и озвучены. Анализ принятых к тому времени соглашений по СНГ свидетельствовал, что алма-атинские и минские документы с точки зрения интересов России были слабо проработаны юридически, в

них отсутствовали обязывающие межгосударственные гарантии, что позволяло Украине трактовать их положения на свой лад.

Оказавшись в правовом поле Украины, я так и не получил от России никакой поддержки - ни политической, ни законодательной, ни дипломатической, ни ведомственной. Москва же поддавалась на иллюзорную идею: государства суверенные, а армия единая, и пять месяцев, до 5 мая 1992 года, ею руководствовалась. На то время у нас не было концепции национальной безопасности, и даже не предполагалось, что место конфликта идеологий займет конфликт интересов. Более того, в России не была налажена система взаимодействия госструктур и госинститутов, поэтому чиновники даже не удосуживались отвечать ни на одну мою тревожную телеграмму. Обстановку усугубляло и то, что в Киеве, Крыму, Севастополе и... в Москве определенные круги предвкушали беспрецедентный передел собственности, в том числе разветвленной инфраструктуры ЧФ.

Срок принятия присяги был назначен на 30 декабря, затем перенесен на 3 января 1992 года. До этой даты Россия просто обязана была принять решение по флоту - самостоятельное или совместно с Украиной, но необходим был документ. В Украине законодательные акты по ЧФ принимались практически без промедления, часто поспешно. Все госструктуры работали в этом направлении - правительство, Верховный Совет, Минобороны, структуры безопасности, генеральная прокуратура, судебные органы. Все.

Будучи брошенным вместе с флотом на произвол судьбы, я выделил для себя следующие неотложные вопросы:

1. Всеми средствами убедить Президента России принять в отношении флота новое политическое решение, выдержанное в духе моего заявления: «Черноморский флот - российский!»

2. Продумать меры по выводу ЧФ из правового поля Украины и в этот переходный период удерживать флот от принятия украинской присяги и способных возникнуть в связи с этим центробежных процессов.

3. Наладить переговоры России и Украины на высоком уровне для выработки договорно-правовой базы по решению судьбы флота.

4. Обеспечивать боеготовность флота, его целостность как военного организма, представляющего ценность для России.

И, не скрою, думал о том, как уцелеть самому, поскольку «игры» с государством в одиночку, всегда чреваты.

Наступило 3 января 1992 года. В этот день все в Москве словно попрятались, никто не снимал трубку телефона, а если кто-то из подчиненных и делал это, то не мог вразумительно объяснить, где начальство. Между тем счет времени уже шел на часы, и могла наступить точка невозврата. Реализуя решения Верховного Совета Украины в этот день вся огромная 700-тысячная группировка советский войск в Украине начала принимать присягу Украине. Это касалось и ЧФ.

Военные округа сразу же «легли» под присягу. Командующий войсками Прикарпатского ВО В.В.Скоков был вызван в Киев. Одновременно из Киева во Львов вылетел человек ему на замену с текстом украинской присяги и указом Президента Украины о назначении нового командующего. В.В.Скоков в воздухе развернул самолет обратно во Львов, но там его уже, как иностранца, не пустили в штаб округа. Командующий войсками Киевского ВО В.С.Чечеватов - умный, талантливый руководитель - был скомпрометирован, и его, по сути, бросил Военный совет округа, единодушно приняв присягу. Что же касается командующего войсками Одесского военного округа И.Ф.Морозова, то тот принял условия украинской стороны и при очередном разговоре сказал мне, чтобы я ему больше не звонил. Без возражений украинскую присягу согласились принять все воздушные армии (5-я, 14-я и 37-я), а также подчиненные Москве напрямую дивизии ВГК стратегического назначения и дивизии ВТА. Украине отошло по совокупности более 2 тыс. самолетов, в том числе и 20 ТУ-160, 10 из которых через 13 лет за 2 млрд. рублей каждый будет продан России. Про силы и части ПВО, железнодорожных, внутренних войск, МЧС и ГО, СПРН, пограничников и говорить нечего.

Очень интенсивно этот процесс проходил и в Крыму. Все СМИ Украины, военная печать начали мощную пропагандистскую кампанию в пользу присяги. В полной мере включились в

нее военный трибунал, прокуратура, Служба безопасности Украины (СБУ), Минобороны Украины и т.д. По моему городскому телефону, который должен знать лишь строго ограниченный круг лиц, постоянно шли анонимные звонки: «Когда ЧФ начнет принимать присягу? Или...» Далее шли угрозы. С беспокойством звонили командиры военно-морских баз в Евпатории и Феодосии, командир 126-й мотострелковой дивизии из Симферополя, командир 14-й дивизии подводных лодок из Балаклавы, комбриги из Измаила, Николаева, комдивы из Очакова, Керчи, Черноморского. В Потти происходил схожий «грузинский беспредел». У всех обращавшихся ко мне на устах были вопросы: «Что предпринимать? Какие приказания из Москвы?» А приказаний не было никаких - полный коллапс власти.

Переприсягание обеспечивали депутаты ВС Украины, руководители местных органов власти, представители Минобороны, Союза офицеров Украины и СБУ, быстро сформировавшийся националистический идеологический аппарат при участии милиции, ОМОНа и, естественно, СМИ. Все это оказывало на офицеров и их семьи громадный психологический нажим, устоять перед которым было сложно, тем более что официальная российская сторона молчала.

Никто никогда (ни тогда, ни позже) задач по сохранению флота мне не ставил, меня ни на что не подбивал, наград не сулил, взаимодействия не предлагал. Меня вообще никто ни к чему не призывал. Я просто и представить себе не мог, что у России не будет Черноморского флота, оваянного славой, с его вековой историей, традициями. Россия оказалась на пороге очередной национальной трагедии и унижения. Напомню, что во время Гражданской войны ни бывшие офицеры Императорского флота, ни революционные матросы не допустили подъема на кораблях украинских флагов.

Необходимо было решение, и я его принял, объявив 5 января, что ЧФ - российский, что он подчиняется Е.Шапошникову и командующему ВМФ В.Чернавину, а по его судьбе необходимо политическое решение, для достижения которого мы готовы взаимодействовать с Минобороны Украины. Моряки выполни-

ли мой приказ не принимать украинскую присягу. Первой об этом поведала миру американская «Нью-Йорк таймс». Начиная с этого момента я стал получать из России сотни и даже тысячи телеграмм поддержки от простых людей, живущих в разных ее уголках, но ни одной - от российских руководителей.

В одиночку вынужден был продолжать защищать части и корабли флота от их захвата силами Минобороны Украины, а также от действий украинских спецслужб и местных властей, постоянно получавших указания давить на нас. К концу января, согласно несложным подсчетам, уже 18 украинских государственных структур работали против нас. По всем этим эпизодам я делал протестные заявления. Сколько их было! Тем не менее я с пониманием относился и к тем, кто изъявлял желание принять украинскую присягу и служить в ВС Украины. А где им еще оставалось служить? Всех их я не мог обеспечить работой, деньгами и довольствием.

Руководству России продолжали идти мои телеграммы, так как за летние месяцы в отношении нас было совершено несколько серьезных провокаций, связанных с угоном корабля, захватом комендатуры Севастополя и т.д. В таком противостоянии было важно если не продемонстрировать, то, по крайней мере, обозначить офицерам и всем моим сослуживцам *российское участие* в наших делах. Я высылал представления к очередным офицерским и адмиральским званиям, подчас на ступень выше занимаемой должности, награждал офицеров российскими орденами, производил перемещения офицеров-черноморцев внутри всего ВМФ, участвовал в учениях в России, летал на военные коллегии МО СНГ, военные советы ВМФ, приглашал на флот депутатов Верховного Совета России. Мы нисколько не изменили всю систему подготовки флота и его деятельности: обеспечивались циклы БП, подведения итогов, соблюдался график отчетности, как и ранее, что придавало людям уверенность. И, надо сказать, главком ВМФ адмирал флота В.Н.Чернавин мне очень помогал в этих вопросах. И встречи, встречи, встречи, чтобы заставить Б.Н.Ельцина принять нужное решение. Было непросто.

В общении с товарищами по службе, населением я строго сле-

довал принципам прозрачности, гласности, аргументированности моей позиции. На этих же принципах вел диалог с украинской стороной и средствами массовой информации, делал многое иное, что сейчас в военных кругах нередко называют информационной войной. Тогда это была война нервов. Одновременно старался по возможности решать все социальные вопросы моряков, подавая личный пример в служебных делах.

В последовавшие за моим приказом дни, то есть после 5 января 1992 года, офицерский состав флота проявил высочайшую мудрость, выдержку, интеллект, государственное понимание важности сохранения ЧФ для России. Офицеры полностью контролировали обстановку на кораблях и в частях, пресекали любые экстремистские действия националистических элементов, во многих моментах противостояли Службе безопасности Украины, которая из всех сил пыталась переломить ситуацию в свою пользу. В эти трудные дни я много ездил по частям флота, выступал перед моряками, напоминал героическую историю Краснознаменного Черноморского флота. Никто во время таких моих выступлений не решался вступить со мной в публичную схватку. Я понимал: слабо!

9 января 1992 года я выступил в Верховном Совете Украины в явно недружественной мне аудитории. Во время выступления завязался мой спор с Президентом Украины о флоте. Этот спор заставил меня еще настойчивее ставить перед маршалом Е.Шапошниковым вопрос о необходимости моей встречи с Б.Ельциным.

17 января 1992 года мне удалось изложить мое видение ситуации в Москве в Кремлевском дворце съездов в присутствии 6 тыс. российских генералов и офицеров. Помню, когда я шел с трибуны, все встали и приветствовали меня стоя.

В конечном итоге мои старания увенчались успехом. 29 января 1992 года в Новороссийске наша встреча с Б.Ельциным состоялась. На ней присутствовали Е.Шапошников и В.Чернавин. Выслушав меня, президент согласился с моими доводами, но в последующие дни в плане нашей юридической поддержки ничего сделано не было. Когда информация о нашей встрече в Новороссийске достигла Л.Кравчука, он тут же связался со своим

российским коллегой и предложил ему убрать меня с Черноморского флота. Б.Н.Ельцин это требование не удовлетворил.

Несмотря на все принимавшиеся меры, угроза потери флота сохранялась. Прошел февраль - ситуация если и менялась, то только в худшую сторону, шла борьба в одиночку, но при полной поддержке личным составом флота моей позиции. Март, апрель - то же самое. Правда, в апреле обозначились первые робкие попытки переговоров, позже сорванные украинской стороной.

20 мая 1992 года я был приглашен в Верховный Совет РФ на беседу к председателю ВС Р.И.Хасбулатову. В ходе обстоятельного разговора мне удалось убедить его оказать поддержку личному составу флота, который стоит и будет стоять за Россию. Забегая вперед, скажу, что в дальнейшем спикер парламента не раз поддерживал меня и словом и делом. На следующий день я принял участие в заседании ВС РФ на тему «О незаконности акта 1954 года о передаче Крымской области в состав Украины». В качестве основного докладчика выступил депутат, капитан 1-го ранга Е.К.Пудовкин. Хотя эта тема была не совсем по ЧФ, тем не менее еще раз депутаты бурно приветствовали меня, а акт почти единогласным решением признали незаконным.

Постепенно Минобороны Украины, очевидно, разуверившись в старой тактике, нарабатывало новые формы по захвату флота, предполагавшие мой арест с последующим выдворением, принятие санкций в отношении членов моей семьи и даже штурм штаба флота. Пришлось предпринять немало контрмер, чтобы эти планы не реализовались, а ситуация не вышла из-под контроля. До самого своего отъезда из Севастополя я держал флот в руках, сохранив всю его инфраструктуру, командные пункты, штабы и... перспективу. По-прежнему у меня и моих коллег шли ежедневные встречи, в ходе которых анализировалась ситуация, к нам потоком ехали гонцы из Киева... и никого из Москвы.

В конце марта В.Чернавин попробовал помочь нам - попытался сформулировать официальную российскую позицию по ЧФ, но тут же получил жесткую отповедь от Л.Кравчука, обвинившего адмирала в попытках вмешательства во внутренние дела Украины. Украинский президент также понимал, что затяжка

времени - не в его пользу, что в России люди могут пробудиться от летаргии и начать действовать так же напористо, как его сторона. Осознав неэффективность действий всех своих структур по приватизации флота в условиях бездеятельности на этом поприще соответствующих российских госструктур, он сменил тактику и 5 апреля 1992 года издал указ о взятии ЧФ под свою юрисдикцию. Указ готовился заранее, поскольку уже в тот же день в Севастополь прибыла огромная делегация украинских чиновников, военных в сопровождении двух отрядов спецназа.

Для встречи с этой огромной делегацией меня пригласили в администрацию города. Представители Киева начали настойчиво и дружно уговаривать меня передать флот Украине. Я занял твердую позицию и заявил личному представителю украинского президента В.Дурдинцу, что не в моей компетенции вести переговоры о передаче флота. Он спросил, кто правомочен. Я назвал Чернавина.

Тут же украинская команда дала телеграмму Чернавину прибыть в Севастополь. По прибытии первое, что потребовал от него Дурдинец, - это убрать Касатонова. Российское руководство не то чтобы хотело во что бы то ни стало видеть меня на посту командующего ЧФ, но оно не могло принять такой ультиматум от Дурдинца. В Москве сделали определенную паузу, а Чернавин занялся подготовкой соответствующего указа Б.Ельцина. Однако Л.Кравчук его опередил и 5 апреля издал свой указ относительно принадлежности ЧФ. Лишь двумя днями позже, 7 апреля, вышел Указ Президента России о переходе Черноморского флота под юрисдикцию России. Словом, указ на указ.

Не могу не сказать с иронией, что выбор указа, который надо было выполнять, был за мной. Но через сутки, одумавшись, оба президента отменили свои указы, договорившись о моратории, чем крайне разочаровали украинскую делегацию в Севастополе. С принятием моратория все ее члены разъехались, а я опять остался один на один со всеми своими проблемами.

Тем не менее принятие моратория привело и к определенным положительным сдвигам: после стычек и столкновений начал налаживаться переговорный процесс. Для участия в переговорах

была сформирована делегация России - сначала во главе с выдающимся дипломатом Ю.В.Дубининым, затем с Ю.Ф.Яровым, заместителем председателя Верховного Совета РФ. Но из-за известных условностей переговорный процесс шел крайне трудно и неповоротливо. И только 23 июня, после включения в него представителей общественности и госструктур России, в Дагомысе руководители России и Украины подписали Соглашение между Российской Федерацией и Украиной о дальнейшем развитии межгосударственных отношений. В его ст. 14 президенты двух стран согласились на договорной основе использовать существующую систему базирования Черноморского флота и материально-техническое обеспечение.

3 августа 1992 года в Ялте Б.Ельцин и Л.Кравчук, министры обороны, иностранных дел, госимущества и других профильных министерств и ведомств подписали Соглашение о принципах формирования ВМФ России и ВМС Украины на базе ЧФ бывшего СССР. Тем самым Президент России гарантировал обеспечение гражданских, политических, экономических и социальных прав военнослужащим российского ЧФ. Эти два соглашения и стали основой для решения его судьбы.

Теперь все действия, касающиеся судьбы флота, оказались в рамках переговоров договаривающихся сторон. Проблема ЧФ вышла на президентский уровень, все эти процессы стали легитимными и, наконец, государственными. Для меня было особенно важно, что российские моряки-черноморцы с этого момента стали юридически защищенными.

Далее, в ходе переговорного процесса решалась судьба отдельных кораблей и частей ЧФ, но это уже составляло предмет искусства переговорщиков, их умения использовать свои преимущества, достигать компромисса и проявлять добрую волю.

Таким образом, Черноморский флот - единственный из 34 высших объединений и соединений ВС СССР, дислоцированных на Украине, - остался за Россией со своей славной историей, знаменами, военно-морскими флагами, незапятнанный переприсяганием на верность новым хозяевам. И в этом были мои немалые усилия, чем очень горжусь.

Однако с началом переговорного процесса Украина не отказалась вне его рамок от попыток самостоятельного захвата отдельных частей флота. До моего убытия из Севастополя на новое место службы в Москве я отстаивал два высших военно-морских училища, в которых обучалось около 3 тыс. курсантов. Это была мощная российская военная группировка. В ответ на провокации украинских военных я подготовил и провел широкий праздник - День Военно-морского флота РФ - с демонстрацией максимального количества российских, советских и андреевских флагов, чему предшествовали три генеральных репетиции. Это было сделано так, чтобы все севастопольцы, все россияне видели, что Черноморский флот, несмотря ни на что, остался верным России.

Одновременно приходилось решать проблемы ЧФ вне Крыма - обеспечивать эвакуацию беженцев с Кавказа (40 305 чел.) в рамках операции под названием «Кавказ», принимать участие в организации встречи Ельцин - Шеварднадзе - Ардзинба и т.д.

Согласно Ялтинскому соглашению от 30 сентября я был все-таки переведен для дальнейшего прохождения службы в Москву на должность первого заместителя главкома ВМФ России. В Москву прибыл 8 декабря 1992 года с чувством выполненного долга в качестве командующего Черноморским флотом. Дальше все командующие ЧФ стали назначаться Президентом России с согласия Президента Украины, при этом они находились под защитой Президента РФ, а все их последующие действия по защите флота регламентировались рамками заключенных соглашений и договоренностей. Так, Дагомысское и Ялтинское соглашения стали действующей основой договорно-правовой базы ЧФ, которая продолжала совершенствоваться делегациями России и Украины в ходе продолжающегося с августа 1992 года переговорного процесса.

В завершение хотелось бы вспомнить слова вице-адмирала В.А.Корнилова, погибшего при первой обороне Севастополя (1853-1856 гг.): «Отстаивайте же Севастополь...»

СОВЕТСКИЕ ПОЛПРЕДЫ НА БЕРЕГАХ ВИСЛЫ

Олег Брыкин

ВИДИМО, не ошибусь, если скажу, что российская и советская дипломатическая служба на польском направлении как важная интегральная часть нашей внешней политики давно уже заслуживает специального, системного исследования. Ее роль в более глубоком понимании многих событий в истории советско-польских отношений в XX веке, кажется, недооценивается. Польские и российские историки, политологи и другие специалисты с завидным пристрастием анализируют по преимуществу общие проблемы двусторонних отношений. Пытаются объяснить их неожиданные трансформации и головокружительные зигзаги. И это понятно.

Но нередко полемика между ними сводится к предъявлению взаимных счетов по «долговым историческим обязательствам». Одни оппоненты в угаре сладострастного обличения, другие - в экстазе самобичевания до неузнаваемости искажают картину советско (российско)-польских отношений. Немало авторитетных перьев сломано в жесткой схватке за утверждение права на «единственно верный взгляд» на нашу общую и такую драматичную историю.

Полагаю, что определенный интерес могли бы представить предлагаемые ниже аутентичные свидетельства и личные вос-

поминания самих участников внешнеполитического процесса - дипломатов-практиков. Полезны, думается, и суждения лиц, соприкасавшихся с ними в ходе совместной работы. К ним в некоторой степени относится и автор статьи. Несомненно, особо важны документальные и архивные материалы, служащие основой для выработки, по возможности, объективных оценок.

Переходя к хронологическому изложению заявленной тематики, считаю уместным сказать несколько слов о времени, прошедшем между прекращением дипотношений с Польшей (XVIII в.) и их установлением (XX в.).

«УРОК» Ю.ПИЛСУДСКОГО

ВСПОМНИМ, что 14 (25) ноября 1795 года вследствие окончательного, третьего раздела Польши между Россией, Пруссией и Австрией польский король Станислав Август Понятовский отрекся от польского престола в пользу императрицы Екатерины II. Польша как самостоятельное государство перестало существовать. Прекратились и дипломатические отношения между обеими странами. Почти на 130 лет. Последним российским послом в Варшаве был О.И.Игельстрём, он, что характерно для того времени, одновременно был и главнокомандующим русскими войсками в Речи Посполитой. Военный опыт пригодился генерал-аншефу в борьбе с восстанием, поднятым национальным героем Польши Т.Костюшко в апреле 1794 года. Имел он и определенные дипломатические навыки: во второй половине 1760-х годов служил в посольстве в Варшаве при поселе Н.В.Репнине.

Черeda польских восстаний в последующие годы, и даже века, против стран-насильников завершалась новыми трагедиями и болезненными разочарованиями польского народа. Но мечты о вожденной свободе и о великой Польше не оставляли его.

Судьбоносное для нее стечение обстоятельств на мировой арене - Первая мировая война, Февральская и Октябрьская революции, Гражданская война в России - все это предопределило столь долго ожидаемое возрождение Польши, восстановле-

ние ее независимости в 1918 году. Советская Россия однозначно и без проволочек приветствовала этот факт и со своей стороны выдвинула предложение об установлении дипломатических отношений с ней. 28 ноября 1918 года народный комиссар иностранных дел Г.В.Чичерин в ноте министру иностранных дел Польши Л.Василевскому выразил обеспокоенность по поводу отсутствия реакции на эту инициативу. Он писал: «Советское правительство назначило своим представителем в Польше доктора Юлиана Мархлевского. Мы просим Министерство иностранных дел ответить нам, согласно ли оно принять гражданина Мархлевского в качестве советского представителя, причем мы охотно согласимся на присылку в Москву представителя Польского государства»¹. А Варшава словно воды в рот набрала. Молчит. У нее, кажется, свои виды на этот счет. Она руководствуется известным посылом: «Мне отмщение и аз воздам». Временный начальник государства, бывший сибирский ссыльный и германский узник Ю.Пилсудский, готовился «преподать урок» революционной России, находившейся в этот период в крайне трудной ситуации из-за Гражданской войны, разрухи и международной изоляции.

В его внешнеполитическую федералистскую концепцию входило создание антисоветского блока государств «от Балтийского до Черного моря» (Белоруссия, Украина, Литва, Латвия, Эстония, по возможности Финляндия с Румынией) под эгидой, сами понимаете, Польши. Таковы были имперские амбиции «сильного человека». В присоединении к Польше этнических территорий Украины, Белоруссии и Литвы, в экспансии на Восток он усматривал наиболее предпочтительный способ выражения национальной энергии возрожденного польского государства. Попутно, думается, Пилсудский стремился таким образом обезопасить страну от реальных угроз распространения на Польшу пожара мировой революции в России.

Какие уж тут дипотношения, господа-товарищи! Лучше упредить беспокойного соседа, вероятно, полагал он. И вызревают планы войны с Киевом и Москвой. А Москва все продолжает уговаривать Варшаву установить дипотношения, предлагая доволь-

но одиозную для поляков кандидатуру в полпреды - уже упомянутого Юлиана Мархлевского, известного польского революционера, одного из организаторов СДКП и Л., участника революции 1905-1907 годов в Варшаве.

Ситуация выглядела довольно пикантно, если принять во внимание, что в это же самое время польские социалисты распространяли в Варшаве листовки, в которых провозглашались лозунги «Смерть старому миру», «Да здравствует мировая революция», «Да здравствует диктатура пролетариата».

Позднее Ю.Мархлевский все-таки выполнил крайне важную дипломатическую миссию. По поручению советского руководства и с согласия Ю.Пилсудского он провел секретные переговоры с польской стороной, в результате которых несколько частей Красной армии, находившихся на польском фронте, были направлены на борьбу с Деникиным. В качестве представителя Российского общества Красного Креста Ю.Мархлевский участвовал в обмене гражданскими пленными с Польшей (ноябрь 1919 г.).

Игнорируя обращение наркома Г.В.Чичерина, Варшава одновременно аккредитовала диппредставителя основных руководителей Белого движения в России. С 1919 года им стал бывший царский дипломат генерал Г.Н.Кутепов, прибывший на гостеприимные для него берега Вислы непосредственно с берегов Сены из Парижа².

И только поражение России в советско-польской войне (1919-1920 гг.) и подписание унижительного Рижского мирного договора (19.03.1921 г.) поставили точку в затянувшемся процессе признания РСФСР Польшей де-юре.

Дипломатические отношения были установлены на уровне миссий. Надо признать, Польша сделала это одной из первых в Европе. Крупные западные державы пришли к такому решению лишь в 1924 году. Рижский мирный договор, по которому к Польше отходили Западная Белоруссия и Западная Украина, содержал в себе пресловутое «яблоко раздора», превратившееся позднее в обоюдодоопасный плод для СССР и Польши.

Сегодня, по прошествии лет и в зрелом размышлении, все отчетливее осознается, что советская дипломатия в первые после-

революционные годы была нацелена на реализацию нереалистических, утопических идеалов. Отстаиваемые ею идеи мировой революции и военного коммунизма, пропаганда воинственных лозунгов Коминтерна наталкивались на жестокую реальность как внутри страны, так и вне ее. Однако рудименты этой утопической концепции, как представляется, еще долгие годы проявлялись в функционировании нашей дипслужбы и в Польше.

Л.М.КАРАХАН: СОШЛИСЬ НА ПОЛПРЕДЕ

Г.В.ЧИЧЕРИН, дипломат от Бога, и на этот раз «выстрелил в десятку» - предложил направить в Варшаву своего заместителя - Льва Михайловича Карахана. При этом нарком руководствовался не только наличием у того несомненных революционных заслуг. Главную роль в выборе полпреда, несомненно, сыграл его солидный дипломатический опыт и свободное владение несколькими иностранными языками. В случае с Л.Караханом, как подтвердилось впоследствии, советское руководство не ошиблось. Правда, приступить к выполнению своих обязанностей полпред длительное время не мог из-за затянувшегося спора сторон относительно предлагаемых кандидатур на должность глав диппредставительств и их ранга. Советская сторона выдержала характер: согласилась лишь на третье предложение по польскому представителю - Титусу Филипповичу.

В свою очередь, поляки не давали согласия на приезд ранее ими одобренного Л.Карахана, пока не будет выдан агреман на поляка и он не выедет в Москву. Возникли проблемы и с рангом аккредитации диппредставителей. Польская сторона предложила учредить миссии, отказавшись от диппредставительств на уровне посольств. Тем самым она как бы давала понять, что не придает большого значения отношениям с «большевистским режимом». МИД Речи Посполитой выступил за то, чтобы миссии вообще возглавляли поверенные в делах. Эта позиция создала для РСФСР серьезные трудности, поскольку ее законодательство предусматривало лишь один класс для глав диппред-

ставительств - полпредов (послов). Что, соответственно, предопределяло вручение ими верительных грамот главе государства, в данном случае Ю.Пилсудскому. После долгих препирательств стороны были вынуждены пойти на компромисс: Л.Карахан вручил верительные грамоты министру иностранных дел, а тот обязался передать их Ю.Пилсудскому. На этом аккредитационно-организационные «страдания» российской стороны не закончились. Под различными предлогами польская сторона затягивала вопрос с размещением полпредства. Она предложила для него совершенно неподходящее, непрестижное здание гостиницы «Брюль». Г.Чичерин возмущенно высказался по этому поводу о «совершенной недопустимости создания для нашего посольства нелепого и унижительного положения»³.

Наконец, члены советского полпредства во главе с Л.Караханом прибыли 4 августа 1921 года в Варшаву спецпоездом и разместились в «Римском отеле». Новый российский полпред активно приступил к реализации положений Рижского договора (репатриации населения, возвращению заложников, военнопленных и интернированных лиц, выплате по долговым обязательствам). Он жестко ставил вопрос о строгом соблюдении польской стороной V статьи договора, запрещающей не только поддержку, но и само пребывание на польской территории организаций, враждебных РСФСР. Безусловной заслугой первого советского посла было подписание с замминистра иностранных дел РП Я.Домбским специального документа, регулирующего эти сложные вопросы двусторонних отношений. В исторической литературе он получил название «Протокол Карахан - Домбский».

Польша была вынуждена принять ограничительные меры по отношению к ряду белогвардейских и петлюровских организаций. Весьма показательна в этом отношении личная позиция Ю.Пилсудского, покрывавшего, как выяснилось, антисоветскую деятельность Б.Савинкова, возглавлявшего так называемый «Русский политический комитет» в Варшаве. Эта организация, действовавшая под покровительством польского Генштаба, создавала и направляла в Советскую Россию банды головорезов, проливших немало крови безвинных людей. Начальник Польши был

вынужден в конце концов выслать Б.Савинкова (после подписания упомянутого протокола).

Но последний вскоре возвратился в Польшу и встречался с Ю.Пилсудским. И даже получил от него уверения в дальнейшей поддержке. По словам некоторых историков, Б.Савинков заявлял, что он «пользовался неизменной и дружественной поддержкой маршала Пилсудского... Без его мудрых советов он не справился бы со своей задачей»⁴. Но, как говорится, сколько веревочке не виться... В результате проведенной советскими спецслужбами легендарной операции «Синдикат» Савинков, его сообщники и в их числе агенты II отделения Генштаба РП были арестованы в России и понесли заслуженное наказание.

Л.Карахан проработал в Варшаве около полутора лет и был отозван в Москву в связи с его повторным назначением заместителем наркома по иностранным делам РСФСР. Сам нарком Г.Чичерин вскоре должен был выехать на Генуэзскую конференцию, и Л.Карахану предстояло замещать его в НКИД. Позже он успешно представлял СССР в качестве полпреда в Китае и Турции. Жизнь первого советского посла в Польше трагически оборвалась в 1937 году. Он, наряду со многими дипломатами, попал под гильотину сталинских репрессий (обвинен в участии в антисоветском заговоре, а также в шпионаже в пользу Германии и расстрелян). Позднее реабилитирован.

Л.Л.ОБОЛЕНСКИЙ - НЕТИПИЧНЫЙ СОВЕТСКИЙ ДИПЛОМАТ

ДИПЛОМАТИЧЕСКУЮ ЭСТАФЕТУ от Л.Карахана принял Леонид Леонидович Оболенский, представитель известного дворянского рода, выпускник Санкт-Петербургского университета, работавший под началом полпреда Л.Карахана в качестве советника. Еще ранее он приобрел известный дипломатический опыт, участвуя в составе делегации в переговорах по мирному договору в Риге. Кстати, в октябре 1920 года, когда польские войска вошли в Минск, он как заместитель руководителя делегации выразил офи-

циальный протест, обвинив польские власти в нарушении соглашения о перемирии. Его заслуги перед революцией были не столь велики, как у предшественника. До 1917 года он был действительным статским советником. В партию вступил лишь в 1918 году, работал заместителем наркома финансов РСФСР. Во время длительных командировок полпреда Л.Оболенский оставался временным поверенным в делах. Пользуясь случаем, он ведет оживленную переписку с Г.Чичериным, который регулярно информирует его о ходе переговоров с польской стороной в Москве по поводу передачи ей бриллиантов в счет контрибуции по Рижскому договору. Этой проблемой позднее занимался также и следующий полпред П.Войков.

Из этой переписки, с моей точки зрения, интересны размышления наркома, сохраняющие актуальность и по сей день. В частности, он наставляет временного поверенного: «Польше, несомненно, в миллион раз выгоднее быть с нами в дружеских, чем во враждебных, отношениях. Если бы в политике всегда господствовал разум и ясное понимание собственных интересов, а не те или другие страсти, Польское правительство должно было бы это понимать»⁵. Л.Оболенский руководил посольством сначала в качестве временного поверенного в делах, затем - посланника.

Ю.Пилсудский отказался лично принимать от него верительные грамоты. Из щекотливой ситуации был найден хитроумный выход: Л.Оболенский выехал на два месяца в Москву и возвратился лишь после избрания Президентом Польши С.Войцеховского. Однако дипломатические приключения с ним на этом не закончились. В октябре 1922 года МИД РП опубликовал список дипломатов, аккредитованных в Польше. В нем Л.Оболенский оказался помещенным в специальной графе, относящейся по дипломатической иерархии где-то между II и III классами. НКВД в связи с этим обвинил Варшаву в дискриминации советского диппредставителя и в нарушении Венской конвенции. Одновременно он отказал в приеме в Москве главе польской миссии Р.Кноллю.

Но, как всегда, был найден компромисс. Варшава снизила уровень своего диппредставителя (Р.Кнолля) до III класса, согласившись тем не менее на аккредитацию Л.Оболенского в ка-

честве посланника (II класс). Польские власти сохраняли низкий уровень своего представительства в РСФСР, подчеркивая тем самым свое небрежение отношениями с Советской Россией.

Л.Оболенский энергично вел переговоры с польской стороной по ряду важных и сложных вопросов двусторонних отношений. Среди них - прежде всего проблема погашения долга Польше в 30 млн. рублей золотом, что в те времена было неподъемным делом. При его участии были подписаны железнодорожная и консульская конвенции. Ему пришлось вести переговоры о признании СССР (Польша всячески затягивала этот процесс) и стабильном транзите через Польшу.

Много времени и нервов стоила Л.Оболенскому работа в Расчетной комиссии по выплате польским гражданам причитающихся им сумм по сберегательным вкладам в российских царских банках (в соответствии с Рижским договором). В Москве этой же проблемой занимался Я.Давтян (один из последующих полпредов в Польше).

Л.Оболенский держался довольно независимо в отношении кураторов в НКВД, иногда казалось, что слишком. Видимо, он рассчитывал на доброе к нему отношение Г.Чичерина. В полемическом стиле отстаивая свои взгляды, он не боялся критиковать неправильные, с его точки зрения, рекомендации, а иногда и поступки начальства. А ему, начальству, это было вовсе не по душе. Ну взять, к примеру, следующие эпизоды. Он пишет в НКВД, что «полемика путем нот» с Польшей, проводившаяся полпредом Л.Караханом, вряд ли оправдала себя. «Создано острое положение, - констатирует он, - а информация всякая прекратилась». «К сожалению, у нас общая линия политики не особенно благожелательная... Боюсь, что мое мнение идет вразрез с Вашим, но не сообщить о нем я не могу»⁶.

Л.Оболенский в своих письмах в НКВД практически обвиняет Г.Чичерина и М.Литвинова в ошибочном курсе, который они проводят в отношении Польши: «Наша политика в отношении Польши таким образом не просто «никакой политики», а скорей даже отрицательная»⁷. По его мнению, политика Польши - инструмент самообороны, самосохранения. Он считает, что «наши методы воздей-

ствия кажутся ей столько же страшными, сколько неприличными»⁸. Он выступает против проведения только критико-обвинительной линии. Предлагает чем-нибудь заинтересовать Польшу. Примечательно, что НКВД признает справедливость его упреков, и, учитывая психологию противника, в Москве решено форсировать заключение торгового договора с Польшей. Что ж, полпред высказывал трезвые мысли, актуальные, думаю, и в наше время.

И уж совсем рискованный поступок - неодобрительное отношение к выплате заместителю наркома Л.Карахану жалования в польской валюте за два месяца работы последнего в Москве. Правда, он был вынужден все-таки подчиниться и произвести выплату по указанию НКВД. Однако сделав при этом оговорку: «Полномочное представительство снимает с себя всю ответственность, если означенная выдача будет опротестована Рабкрином». Он призывает Центр экономить государственные средства: «А для прогулок в Варшаву людей посылать к нам не стоит»⁹. Вместе с тем настойчиво защищает интересы сотрудников полпредства, призывая не снижать их оклады, и без того «мизерные».

Неоднократно критикует «головотяпство» советских чиновников, осложняющее и без того напряженные советско-польские отношения (Наркомфин, таможенный надзор и др.).

Не мудрено, что атмосфера вокруг Л.Оболенского начинает сгущаться. Чувствуется более твердое отношение НКВД. Делают свое дело и «соседи по полпредству», деятельность которых он пытается выдерживать в рамках элементарного приличия.

На эту тему следовало бы сказать пару слов. В то время «под зонтиком» российского советского полпредства, размещавшегося в «Римском отеле», по свидетельству советника полпредства Г.Беседовского, функционировали представители ОГПУ, Коминтерна и военной разведки. Эти весьма беспокойные соседи, мягко говоря, бесцеремонно нарушали предписания Венской конвенции о дипломатических отношениях. Л.Оболенскому стало известно, что резиденту военной разведки дано указание И.Уншлихтом (с 1921 г. - зампред. ВЧК ГПУ; с 1923 г. - член РВСР) «создать большую конспиративную организацию для совершения диверсионных и террористических актов в целях усиления и обостре-

ния революционной борьбы в Польше»¹⁰. Уншлихт руководил также и польской секцией Коминтерна. Масла в огонь подлил неприятный инцидент с задержкой польской полицией с поличным первого секретаря постпредства К.Кобецкого (Баранского), резидента ОГПУ. Разразился большой скандал. Польское правительство потребовало отозвать сотрудников ОГПУ и Разведупра. Л.Оболенский согласился. Это, на мой взгляд, стоило ему дипломатической карьеры и разбирательства по партийной линии.

Л.Оболенский обратился с просьбой в НКВД отозвать его в Москву. Однако в связи с трудностями аккредитации нового полпреда П.Войкова ему пришлось задержаться в Варшаве. Лишь 26 сентября 1924 года он получил письмо члена коллегии НКВД В.Коппа следующего содержания: «Ваше Варшавское пленение можно считать законченным, и с нашей стороны нет никаких возражений против того, чтобы Вы немедленно покинули гостеприимную столицу «дружественного государства». С коммунистическим приветом. Копп»¹¹.

Я столь пространно описал политическую фигуру Л.Оболенского с той лишь целью, чтобы показать неординарную личность, нетипичного советского дипломата 1920-х годов. И не так широко известного, как, например, сменивший его Петр Лазаревич Войков. Видимо, его счастье, что он покинул НКВД, перестал быть политиком, некоторое время возглавлял Эрмитаж и спокойно завершил свои дни. Иначе не миновать бы Л.Оболенскому печального конца. А вот его сыну, известному кинорежиссеру, также Леониду Леонидовичу, «повезло» меньше: по возвращении из немецкого плена он отсидел в «родных» лагерях «положенный» срок. Так отыгралась Немезида на сыне за отца.

П.Л.ВОЙКОВ - СВЕТСКИЙ ЛЕВ И НЕМНОГО АВАНТЮРИСТ

СЕГОДНЯ ПИСАТЬ о П.Войкове, личности крайне противоречивой, непросто. С одной стороны, в общественном сознании россиян закрепилось каноническое клише, представляющее его

этаким спартанским героем, изваянным то ли из мрамора, то ли из бронзы, увековеченным в названиях улиц и площадей наших городов. С другой стороны, в соответствии с архивными материалами, открытыми не так давно, П.Войков принимал личное участие в зверской расправе над бывшим российским императором Николаем II и его семьей.

В октябре 1924 года П.Войков назначается в Польшу навести порядок в полпредстве после неуправляемого вольномыслителя Л.Оболенского.

С польской проблематикой ему пришлось познакомиться несколько ранее (конечно же, имеется в виду не только его женитьба в Швейцарии на дочери богатого варшавского купца). В течение двух лет он усердно занимался, прямо скажем, весьма непростым делом - работал в качестве председателя делегаций РСФСР и УССР в смешанных советско-польских реэвакуационной и специальной комиссиях (1921-1923 гг.). Приходилось решать сложные вопросы выполнения финансовых, имущественных, материальных и других обязательств РСФСР по Рижскому договору. В этой связи не могу не отметить немалое чувство юмора, проявленное им в дипломатических переговорах. В частности, польский партнер П.Войкова попытался противопоставить ему стиль работы германской стороны по выполнению договорных обязательств. Дескать, в Германии работают быстро и аккуратно. Достаточно нажать кнопку звонка в Берлине, как через границу в Польшу поступают машины в хорошем состоянии и смазанные маслом. На что П.Войков якобы ответил: «До окончания электрификации страны у нас не действуют кнопки электровзвонков. И мы не Германия»¹².

25 августа 1924 года П.Войков подписал соглашение о реэвакуации польского имущества.

Отдельного разговора, думается, заслуживает история с появлением П.Войкова на берегах Вислы в качестве полпреда РСФСР. А дело было так. Советское руководство решило направить сюда «проверенного товарища» по части «боевых и революционных» качеств, уже заслужившего свою долю славы в новой России. Она, эта история, скорее напоминает своеобраз-

ную дипломатически-шахматную партию, мастерски разыгранную великим дипломатическим стратегом Г.Чичериным.

Наш министр - потомственный дипломат, из старого дворянского рода - начинает игру белыми фигурами. Направляет 10 августа 1924 года графу Скиншинскому, польскому министру, соответствующий документ с уведомлением о намерении назначить советским полпредом в Варшаве П.Войкова. И просит согласия польской стороны на данную кандидатуру. Тот, как и полагается настоящему аристократу, тем более польскому, вежливо и корректно, не затягивая, отвечает своему партнеру письмом. Дескать, мы ознакомились с вашим предложением, благодарны за информацию. Но хотелось бы, простите, выяснить небольшую деталь. Достоверна ли распространенная в Европе легенда об участии Войкова в расстреле Николая Романова и его семьи?

Г.Чичерин после недолгого раздумья вежливо, как бывший российский аристократ, но с определенной долей иронии, делает ход конем. Он сообщает, что, по его сведениям, П.Войков занимал на Урале должность областного комиссара по снабжению и как невоенный не имел отношения к исполнению приговора над бывшим царем и его семьей. И самое главное. Нарком создает, по сути, матовую позицию для графа, заявляя, что он не помнит момента в истории борьбы польского народа против царизма, когда бы ни выдвигалась общая цель освобождения Польши и России. Кроме того, Г.Чичерин сослался на творчество русского поэта А.С.Пушкина и великих польских поэтов А.Мицкевича и Ю.Словацкого, призывавших к свержению царизма. И завершил свое письмо он неотразимым ударом, добавив, «что сотни и тысячи борцов за свободу польского народа, погибших в течение столетия на царских виселицах и в сибирских тюрьмах, иначе отнеслись бы к факту уничтожения династии Романовых, чем это можно было бы заключить из Ваших сообщений»¹³.

Партия была выиграна, агреман на П.Войкова получен, и 2 ноября 1924 года он прибыл в Варшаву. 8 ноября вручил свои верительные грамоты Президенту Польской Республики С.Войцеховскому.

Кстати, Великобритания ранее не дала согласие на работу П.Войкова в Канаде в качестве официального советского агента.

Уже в первые дни его пребывания МИД РП информировал советское полпредство, что находящиеся в Варшаве белоэмигранты-монархисты собираются предпринять «злонамеренные действия» против чрезвычайного посланника Войкова. Такие предостережения повторялись неоднократно, и вызывали взрывы возмущения у П.Войкова. Поляки просили, чтобы он соблюдал осторожность в передвижениях, особенно в местах где «часто покалывают и увечат прохожих». Еще до его приезда русский эмигрант избил сотрудника полпредства (представлял ОГПУ). В отношениях с МИД РП полпред не всегда соблюдал правила дипломатического этикета, мог нагрубить сотрудникам, за что потом был вынужден извиняться. Полпред любил жить красиво, на широкую ногу. Не обходил вниманием прекрасный пол, в том числе и польского происхождения.

Полпред энергично принялся за работу. 12 января он информировал Министра А.Скшиньского о желании советского правительства заключить между СССР и Польшей договор о ненападении. Одновременно в Москве и Варшаве начались переговоры по этому вопросу. Суть дела сводилась в понимании советской стороны, к достижению взаимного согласия на основе принципа ненападения, неучастия в комбинациях, направленных против другой стороны, и соблюдении нейтралитета в случае войны с третьей стороной. Польша затягивала переговорный процесс. Она рассматривала страны Балтии как сферу своего влияния, стремилась расширить ее также и на другие государства, вплоть до Персии. Г.Чичерин заявлял о неприемлемости создания польско-балтийской коалиции.

В сентябре 1925 года в Варшаве побывал советский нарком, где обсудил с А.Скшиньским актуальную проблематику советско-польских отношений (беседа велась по-русски, по-польски и по-французски). П.Войков участвовал во встречах министров. В своих информационных материалах он предсказывал неизбежность отставки правительства В.Грабского и приход Ю.Пилсудского к власти в ближайшее время.

П.Войков, владеющий тремя европейскими языками, был завсегдатаем многих варшавских салонов, известной фигурой в деловых кругах. Он стремился превратить советское посольство в центр «великосветской жизни» дипломатического корпуса. Устраивал балы, рауты, заставлял своих сотрудников разучивать модные танцы.

Вместе с тем советский полпред допускал явные нарушения дипломатических норм. Об этом говорит хотя бы его личное участие в авантюрно-приключенческой операции по переброске в вольный город Данциг сначала на автомобиле полпредства, а затем на принадлежащей полпреду моторной лодке по Висле члена руководства польской компартии Ю.Лещинского (Ленского), сбежавшего из кабинета судебного следователя. Операция завершилась успешно. Что касается Ю.Лещинского, то в России он был комиссаром по польским национальным делам, позднее - генеральным секретарем Коммунистической партии Польши. Репрессирован в 1939 году, затем реабилитирован.

Как утверждает Г.Беседовский¹⁴, П.Войков носился с навязчивой идеей убийства Ю.Пилсудского. И поднял этот вопрос во время очередной поездки в Москву. Однако «старые московские поляки» - Ф.Дзержинский и И.Уншлихт отвергли эту бредовую инициативу.

7 июня 1927 года П.Войков был убит на Варшавском вокзале русским эмигрантом, девятнадцатилетним Б.Ковердой. Правительство Пилсудского выразило по этому поводу свои соболезнования. Полиция произвела аресты среди белогвардейцев, но вскоре их выпустила. Суд приговорил убийцу к пожизненному заключению.

Последствием гибели П.Войкова стало достижение между сторонами «джентльменского соглашения», согласно которому правительство Польши обязалось принять меры по ограничению действий белогвардейской эмиграции на ее территории, а также возобновить переговоры по договору о ненападении - договору, которым активно занимался П.Войков.

Д.В.БОГОМОЛОВ - КАДРОВЫЙ ДИПЛОМАТ, НАКОНЕЦ-ТО

УЖЕ ЧЕРЕЗ ТРИ МЕСЯЦА после гибели П.Войкова в Варшаву прибывает новый полпред СССР Дмитрий Васильевич Богомолов. Кстати, судьба так распорядилась, что Д.Богомолу довелось присутствовать при покушении на П.Войкова в Варшаве. Он прибыл на Варшавский вокзал вместе с временным поверенным в делах СССР в Англии А.П.Розенгольцем. Советские дипломаты возвращались вместе на родину через Варшаву после разрыва отношений с Великобританией. Именно такой драматичной была его первая и последняя встреча с П.Войковым. Москва решила на этот раз направить профессионального дипломата, перед которым, видимо, ставилась задача сделать все возможное для устранения возникшей напряженности в двусторонних отношениях.

До Польши он неплохо зарекомендовал себя на дипработе в Австрии, Великобритании и Германии. Владел немецким, английским и французским языками.

Полпред пытался реанимировать вялотекущий процесс консультаций по торговому соглашению, придать новый импульс переговорам по договору о ненападении, начатым еще предыдущими диппредставителями. Но, судя по всему, сделать это на тот момент было весьма не просто. Складывается впечатление, что все усилия полпреда в этой области наталкивались на глухое сопротивление польских властей. А их политика после 1926 года (военного переворота) полностью определялась волей старого «друга» России Ю.Пилсудского.

Д.Богомолов, оценивая «свежим глазом» общую обстановку в Польше и ее внешнюю политику, пришел к выводу о возможной польской агрессии на СССР в ближайшие два года. НКВД несколько остудил скоропалительные выводы полпреда. Ему было сказано, что, «оставляя по-прежнему в полной силе нашу основную линию разоблачения элементов агрессивности и авантюризма в польской политике в отношении СССР, мы должны сделать, с одной стороны, более сдержанным тон нашего реакци-

рования и, с другой стороны, сократить размеры нашего реагирования на факты внутренней и внешней политики Польши»¹⁵.

Имя Д.Богомолова связано с реализацией соглашения о возврате Польше архивов и культурных ценностей, перемещенных с польских территорий в Россию в период разделов. 16 ноября он подписал Генеральное соглашение между СССР и Польшей по данному вопросу. Польше передавались уникальные предметы истории и культуры (библиотека Залусских, меч Болеслава Храброго «Щербец», польские знамена, шедевры изобразительного искусства и др.).

Д.Богомолов показал себя способным дипломатом в вопросе разрешения польско-литовского конфликта. В Варшаве сохранялась напряженная атмосфера провокаций против полпредства и его сотрудников. Поступала информация о готовящемся покушении на полпреда. Был обстрелян автомобиль торгпреда СССР А.Лизарева, совершено нападение на консульство во Львове. Д.Богомолов остро реагировал на эти провокации, направляя в МИД РП ноты протеста.

В 1929 году полпред был отозван в Москву для оказания содействия в работе руководству полпредства в Лондоне. В дальнейшем Д.Богомолов внес серьезный вклад в развитие советско-китайских отношений на посту полпреда в Китае. Д.Богомолов был общительным, скромным человеком, беззаветно преданным делу партии и советского государства. А те оценили его достоинства по-своему: в 1937 году он был обвинен в участии в антисоветской террористической организации и расстрелян. Позднее реабилитирован.

В.А.АНТОНОВ-ОВСЕЕНКО - КРУПНЫЙ СОВЕТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ

НАПРАВЛЯЯ ПОЛПРЕДОМ в Польшу Владимира Александровича Антонова-Овсенко, одного из самых известных участников Октябрьской революции, крупного государственного деятеля и рискованного политика, Советское правительство, без сомнения, ставило целью вывести советско-польские отношения из состояния

«переохладения», сделать ощутимый рывок вперед. И, как показали дальнейшие события, оно не ошиблось. Полпред имел к тому времени и определенный дипломатический опыт: возглавлял комиссию по заключению с Китаем соглашения о КВЖД, был представителем СССР в Чехословакии и полпредом в Литве.

Имеются свидетельства, что он объяснялся со своими собеседниками по-польски.

В.Антонов-Овсеенко стал активно форсировать вопрос о заключении договора о ненападении и торгового соглашения.

Люди из окружения Ю.Пилсудского дают понять советскому полпреду о готовности польской стороны к дальнейшему улучшению отношений. В «Газете польской» появляется примечательная статья на этот счет. В.Антонов-Овсеенко, как говорится, «кует железо, пока горячо». Он приглашает главного редактора «Газеты» в Москву. Поляки, в свою очередь, предлагают главному редактору «Известий» приехать в Польшу. Полпреда принимает для разговора Ю.Пилсудский и выражает готовность Польши к сближению с СССР. В.Антонов-Овсеенко принимает министр иностранных дел Ю.Бек и обсуждает с ним пути дальнейшего расширения и углубления двусторонних отношений. В 1934 году Ю.Бек наносит визит в Москву, где подписывает 5 мая документы о продлении договора о ненападении на десять лет (до 31 декабря 1945 г.), а также о повышении уровня диппредставительств до посольств.

Вместе с тем на совещании генералитета и особо доверенных лиц Ю.Пилсудский назвал СССР главным противником в будущей войне. Это объясняло причину негативной реакции Польши на предложения СССР по обеспечению коллективной безопасности в Восточной Европе перед угрозой германской агрессии¹⁶.

Напомним, что в договоре, подписанном в 1932 году, стороны, отказываясь от войны как орудия национальной политики в своих взаимоотношениях, обязались воздерживаться от агрессивных действий или нападения друг на друга отдельно или совместно с другими державами. При этом, действием, противоречащим обязательствам по договору, признавался «всякий акт насилия, нарушающий цельность и неприкосновенность территории или политическую независимость другой стороны»¹⁷. Отметим также

немаловажный для дальнейших размышлений пассаж: «В случае нападения третьего государства или группы государств на одну из сторон другая сторона обязывалась не оказывать ни прямой, ни косвенной помощи агрессору в продолжении всего конфликта».

Видимо, без преувеличения, можно сказать, что в годы работы В.Антонова-Овсеенко в Варшаве (1930-1934 гг.) произошли значительные сдвиги в советско-польских отношениях. Отметим заключение в 1932 году пакта о ненападении, подписание в следующем году конвенции об определении агрессии и конвенции о порядке расследования и разрешения пограничных инцидентов и конфликтов, таможенного соглашения, ряда торговых соглашений по экономическому сотрудничеству, постепенное оживление культурных и научных обменов. Все это, несомненно, способствовало определенной нормализации двусторонних связей. И неслучайно XVII съезд ВКП(б) констатировал «перелом к лучшему в отношениях между СССР и Польшей».

Дело, как говорится, сделано, и можно отъезжать. В.Антонов-Овсеенко покидает вислинские берега с сознанием успешно выполненного долга - ведь ему, бывшему революционеру, удался штурм не только Зимнего, но и, образно говоря, Варшавской цитадели. Однако, достигнув в дальнейшем новых карьерных продвижений (в 1934-1936 гг. - прокурор РСФСР), негибблемый революционер завершил свой жизненный путь как антигерой. Был репрессирован в 1939 году за то, что «примыкал к троцкистской оппозиции». Позднее - реабилитирован.

Я.Х.ДАВТЯН - ПЕРВЫЙ ПОСОЛ СССР

5 АПРЕЛЯ 1934 ГОДА на те же берега «высадился» опытный профессиональный дипломат Яков Христофорович Давтян. Многое говорит за то, что первый посол СССР, возглавивший уже не миссию, а посольство, сочетал новую сферу приложения сил с деятельностью в ВЧК. Член партии с 1905 года, он длительное время находился в эмиграции в Бельгии, затем возвратился в Россию. В качестве члена Миссии российского Красно-

го Креста занимался эвакуацией русских солдат и других российских граждан из Франции (совместно с известной революционеркой Инессой Арманд). Воевал в частях Красной армии против Деникина. В НКВД был членом коллегии. Распространено мнение, что именно по рекомендации Инессы Арманд он был принят на работу в ВЧК, где ему было поручено возглавить иностранный отдел.

С тех пор, как представляется, он успешно сочетал чисто дипломатическую деятельность с разведывательной. Об этом хотя бы свидетельствует весьма впечатляющая география его служебных перемещений. За 15 лет заграничной работы он успел потрудиться в Эстонии, Литве, Китае, Туве, Франции, Иране, Греции и Польше (в некоторых из них - полпредом). Имеются и не только косвенные данные на этот счет¹⁸.

Что касается Польши, то Я.Давтян сумел установить весьма полезные и разветвленные контакты с представителями правительства РП, в дипкорпусе и МИД. Для него не было особой проблемы встретиться и побеседовать с ключевой фигурой межвоенного периода - министром иностранных дел РП Ю.Беком. Как тогда было принято говорить, «за чашкой чая». Ритмичность этих встреч, живописали очевидцы, иногда регулировалась особым отношением к советскому послу супруги Ю.Бека. Подробнее на эту тему несколько ниже.

13 апреля 1934 года Я.Давтян вручил верительные грамоты президенту и имел с ним беседу. Однажды даже удостоился собеседования с самим маршалом - Ю.Пилсудским (26.10.1934 г.). Правда, в сообществе американского посла и в ходе приема, который устраивала супруга Ю.Пилсудского. Ранее тот якобы не снисходил до приема послов. Маршал вспоминал свое пребывание в Сибири, особенно эпизоды охоты.

Советский посол особое внимание уделяет изучению прогерманской линии польского руководства. Балансирование последнего между СССР и Германией было подкреплено подписанием в 1934 году Декларации о ненападении с Германией. Премьер Польши Л.Козловский и Ю.Бек убеждали Я.Давтяна в том, что Польша-де не допустит агрессии Германии против СССР: «Гер-

мания не может попасть в СССР иначе, как через Польшу», а на ее пути, дескать, Польша и ее 30 дивизий»¹⁹. М.Литвинов советовал послу в этом контексте не «обольщаться» приятными заявлениями Ю.Бека относительно советско-польских отношений.

Летом 1935 года Я.Давтян констатировал: «Пока что германо-польский флирт продолжается вовсю»²⁰. НКВД наставлял его: «В пилсудчиках мы имеем смертельных врагов, поджидающих первого подходящего случая для того, чтобы выступить против нас»²¹.

Я.Давтян значительно продвинул вопросы торговых отношений и культурных связей между обеими странами. Кстати, на гастроли в Польшу в этот период приезжали выдающиеся деятели советской культуры и в их числе певица, солистка ГАБТ М.Максакова (между прочим, жена Я.Давтяна). Была предпринята попытка активизировать контакты между театром Вахтангова и Польским театром. На международном конкурсе скрипачей им. Г.Венявского Д.Ойстрах занял второе место.

Культурная сфера, как представляется, была предметом особого внимания Я.Давтяна, человека высокообразованного и неравнодушного к культуре, да к тому же и самого внешне весьма привлекательного и обходительного. Недаром ему удавалось быть своим среди чужих, но не чужим среди своих. Ведь ранее трудно было себе представить, чтобы наш полпред так органично и глубоко вошел в великосветскую околоправительственную среду враждебного государства. В доказательство не премину привести несколько примеров, взятых из дневника Я.Давтяна.

«15 января 1935 г. Я позвонил мадам Бек и пригласил ее пойти со мною 17 или 19 на оперу, чтобы послушать Барсову. Она сразу и весьма охотно согласилась. Я обещал за ней заехать»²².

«7 марта 1935 г. «Чай у мадам Бек». Как мне объяснила мадам Бек, «мужа нет, он уехал по семейным делам»²³.

«16 января 1936 г. На обеде у Президента Республики. Исключительно любезна со мной была мадам Бек, сидевшая рядом за столом. Она много шутила на ту тему, что она идет со мною в театр в отсутствие мужа, что в Варшаве это вызовет много разговоров»²⁴.

Что же, думаю можно только поприветствовать подобную

дипломатическую практику. Мировая история свидетельствует, что похожие экзерсисы во имя государственных интересов случались и прежде. И были весьма полезны.

Я.Давтян, свой человек в журналистских кругах, охотно принимает польских и зарубежных корреспондентов, внимательно изучает местную прессу.

Сам он писал свои дневники весьма подробно и сочно, демонстрируя несомненные литературные способности. И, полагаю, они были по достоинству оценены их адресатами в Центре.

В конце 1937 года неожиданно для польской стороны Я.Давтян вместе с группой сотрудников полпредства возвращается в Россию. В 1938 году Военная коллегия Верховного суда РСФСР приговорила его к расстрелу за участие в «армянской антисоветской националистической террористической организации, руководстве правотроцкистской группой, созданной в полпредстве СССР в Польше», и, конечно, за то, что он являлся «агентом польской разведки»²⁵.

«Варшавская мелодия» в исполнении Я.Давтяна закончилась на трагической ноте. А, кажется, еще совсем недавно он сам, разъясняя свою позицию в отношении процесса Тухачевского в варшавском дипкорпусе, заявлял, что «мы всегда беспощадно расправляемся с изменниками и будем всегда это делать»²⁶. Таковы гримасы судьбы.

Я.Давтян, по сути, завершает когорту послов, которых условно можно было бы отнести к «чичеринскому призыву». Непростая доля выпала полпредам постреволюционного и предвоенного периодов. Их было принято называть «бойцами дипломатического фронта». Она, эта доля, зачастую была сопряжена с большим риском, серьезными моральными и физическими перегрузками. Активно участвуя в дипломатической борьбе за преодоление международной изоляции, обеспечение мирных условий для строительства социалистического государства, послы сами нередко становились жертвами внешних враждебных сил или внутривнутриполитических «разборок» в своей стране. Однако их вклад в постепенную нормализацию советско-польских отношений очевиден. Немалую роль в достижении таких результатов,

на мой взгляд, сыграли несомненный профессионализм и высокая культура большинства дипломатов. Именно эти качества помогали решать сложнейшие вопросы советско-польского противостояния и находить взаимоприемлемые компромиссы.

Н.И.ШАРОНОВ - КАНУН ВОЙНЫ

ПОСЛЕ ОТЪЕЗДА Я.Давтяна посольство в течение почти двух лет возглавляли поверенные в делах СССР Б.И.Виноградов и П.П.Листопад. Затянувшийся период «временщиков» в посольстве вызвал недоумение у министра Ю.Бека, о чем он не преминул сказать М.Литвинову. Тот же отделался двусмысленной шуткой: мол, нас устраивает эффективная работа вашего посла Гжибовского в Москве. Что на самом деле стояло за данной ситуацией, сказать затруднительно. Возможно, Москва хотела этим подчеркнуть, что отношения с Польшей для нее не так уж и важны, как та себе представляет. Или, что также вероятно, НКВД испытывал в эти годы серьезные затруднения с подбором достойных кадров.

После жесткой чистки дипломатической службы Центр решил направить в Польшу Николая Ивановича Шаронова - выпускника Лесотехнической академии, потрудившегося изрядно в конторах совфрахта в Германии и Норвегии, а также в качестве полпреда в Греции. При этом, полагаю, учитывалось, что он человек, несомненно, с крепкими нервами и правильной идеологической подзарядкой.

Н.Шаронову, конечно, было известно, что его предшественник Я.Давтян трагически завершил свою польскую одиссею. Греция с ее средиземноморским климатом осталась лишь в воспоминаниях. Полпреду предстояло осваиваться и с новым политическим климатом во враждебной стране и возглавлять посольство, которым, как выше упоминалось, руководили в последние годы лишь временные поверенные.

Что касается пребывания в Варшаве, то досаждала и назойливая опека польской полиции и агентов спецслужб в отноше-

нии сотрудников полпредства. Не создавало комфорта и злобная антисоветская кампания местной прессы.

В этой части Европы уже пахло грозой. Здесь, как говорится, было не до чайных церемоний с уважаемой мадам Бек. Ее супруг, министр иностранных дел, в последнее время регулярно встречался с господином Риббентропом и никак не хотел принять предложение о присоединении Польши к тройственному антигитлеровскому блоку. На встрече с Гитлером 5 января 1939 года он сетовал на то, что «Польшу пытались толкнуть на сближение с Россией путем заключения Восточного пакта»²⁷.

2 июня 1939 года Н.Шаронов вручает свои верительные грамоты Президенту Польши И.Мосьцицкому и заверяет его, что «СССР стремится к мирным и дружественным отношениям со всеми странами, и прежде всего с соседними странами». 13 июня полпреду наносит визит премьер-министр Ф.Славой-Складковский и, в свою очередь, заявляет о необходимости развития торговых связей, взаимопонимания и дружественных отношений между Польшей и Советским Союзом.

Однако дальнейшие события показали истинную цену этим декларациям. Попытки советской дипломатии в 1938-1939 годах нормализовать отношения с Польшей и организовать систему коллективной безопасности в Европе с ее участием не дали позитивных результатов. В создавшейся ситуации Советский Союз нашел альтернативный вариант, заключив договор с Германией и став, по сути, соучастником агрессии против Польши (пакт Риббентропа - Молотова). Сработал принцип - своя рубашка ближе к телу²⁸.

В дневниковых записях Н.Шаронов пишет, что политическое сближение СССР и Германии не стало неожиданностью для польского руководства. Оно якобы ожидало этого.

На встрече 27 августа 1939 года с Ю.Беком полпред уверял последнего в мирных намерениях СССР. Польский министр, ознакомившись с текстом договора СССР и Германии о ненападении, будто бы с удовольствием заявил, что он «не нашел, что мы должны обязательно остаться нейтральными в случае агрессии Германии против третьей страны»²⁹. Видимо, Ю.Бек полагал, что СССР не исключает оказания помощи Польше, если она

подвергнется агрессии. В этот же день Н.Шаронов разъяснял латвийскому посланнику М.Эску существо договоренностей: «Я отметил, что пакт о неагрессии мы имеем, воевать не думаем, даже войска отвели». Встревоженному эстонскому посланнику Маркусу, реагируя на измышления в дипкорпусе об «измене СССР», «продаже Польши», секретных протоколах, полпред сказал так: «Я довольно резко ответил ему, что не в пример другим мы чужими землями не торгуем»³⁰. Для этого у него, как представляется, были основания. Ведь 10 мая 1939 года находившийся в Варшаве с визитом замнаркома В.П.Потемкин в беседе с Ю.Беком заявил, что «СССР не отказал бы в помощи Польше, если бы она того пожелала»³¹. Эту же мысль развивал в московской беседе с Ю.Беком 25 мая 1939 года сам готовящийся выехать в Польшу новый полпред СССР Н.Шаронов. Но Польша, как известно, не пожелала.

30 августа 1939 года в Польше была объявлена всеобщая мобилизация в связи с угрозой германской агрессии. Утром 1 сентября Н.Шаронов узнает по радио о бомбардировках польских городов немецкой авиацией. Началась Вторая мировая война. Турецкому посланнику он говорит, что «мы для того заключали договор о ненападении, чтобы поддерживать мир», и далее - «мы не хотели вступать в войну из-за интересов других государств».

5 сентября МИД РП предложил всем послам эвакуироваться вместе с польским правительством. Н.Шаронов сказал, что ответит после консультаций с Москвой. 6 сентября он звонил Ю.Беку, а того уже не было в Варшаве. Вместе с коллективом полпредства Н.Шаронов своим ходом (на автомашинах) добирается до города Налэнчува (Люблинское воеводство), где в это время находится МИД РП. Несколько сотрудников посольства он оставил в Варшаве, предупредив о необходимости поддерживать запас продовольствия и о возможности нападения на посольство в момент междувлестия.

Из Налэнчува вместе с МИД Шаронов выезжает в Кременец (с 1939 г. - Тернопольская обл., Украина).

Дипкорпус, даже посол США, одолевают советского полпреда просьбами выдать визу в Советский Союз. Он отбивается отговор-

ками, что если связи с Москвой не будет, то он должен будет поехать на «нашу пограничную станцию». Даже заявляет польскому МИД протест по поводу отсутствия связи с Москвой. Шведский посланник сообщает ему, что поляки надеются на пассивность Советского Союза и сняли в связи с этим часть войск с восточной границы. Турецкий посол, в свою очередь, информирует о том, что поляков единственно беспокоит спокойствие восточного польского соседа.

11 сентября полпреда принимает Ю.Бек (в полковничьем мундире), находившийся ранее в главной ставке. От имени польского правительства он попросил передать советскому правительству следующие просьбы: «1. Продажа санитарного оборудования. 2. Протест против бомбардировки открытых городов. 3. Продажа телефонной и телеграфной проволоки. 4. Доставка продовольствия для дипкорпуса в г. Кременец»³².

В своем дневнике Н.Шаронов пишет: «В 4 часа дня, оставив поверенного в делах, шифровальщика и шофера, выехал через Ямполь и Шепетовку. В погранполосе войск не видно. Крестьяне спрашивают, когда же вы придете?»³³. Перед отъездом он обещает Ю.Беку вернуться. Не вернулся.

Что касается оставленных им на «случай междувластия» сотрудников в Варшаве, то об их судьбе в дальнейшем мы узнаем из телеграммы полпреда СССР в Германии А.А.Шкварцева Молотову от 24 сентября 1939 года: «Поблагодарил статс-секретаря МИД Эрнста барона фон Вайцзеккера «за обещанную помощь в принятии мер к спасению наших работников полпредства в Варшаве»³⁴. Они были переправлены в Советский Союз через Кёнигсберг.

17 сентября 1939 года, когда Красная армия вошла в Польшу, дипломатические отношения между двумя государствами были прерваны.

ПОЛПРЕДЫ ВРЕМЕН ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ

ПОСЛЕ НАПАДЕНИЯ Германии на СССР в июне 1941 года советское руководство и польское правительство в эмиграции, на-

ходившиеся с сентября 1939 года в состоянии антагонистического противостояния, пришли к выводу о целесообразности объединения усилий в борьбе с фашистским агрессором.

30 июля 1941 года в Лондоне было подписано соглашение между Правительством СССР и Польским Правительством, так называемый договор Сикорского - Майского (В.Сикорский - премьер-министр Польской Республики, И.Майский - посол СССР в Великобритании). Оно предусматривало отмену всех советско-германских договоров относительно немецких территорий в Польше, немедленное восстановление дипломатических отношений, оказание взаимной помощи и поддержки в войне с гитлеровской Германией. Имелось в виду также формирование на территории СССР польской армии.

В сентябре состоялся обмен послами. Советским послом при польском правительстве стал Александр Ефремович Богомолов, опытный дипломат, бывший до того полпредом во Франции. В Лондоне он выполнял также одновременно и функции посла СССР при союзных правительствах. После встречи В.Сикорского с И.Сталиным и подписания 4 декабря 1941года Декларации о дружбе и взаимопомощи появились, казалось, прочные основы для улучшения двусторонних отношений.

Однако последующие события перечеркнули так удачно начатый этап в советско-польских отношениях. Руководитель польского МИД, разыгрывая карту послевоенного устройства Центральной и Восточной Европы, высказался против включения балтийских республик в состав СССР. А.Богомолов направил ему ноту протеста. В это же время сформированная в СССР польская армия Андерса отказалась участвовать совместно с Красной армией в борьбе с гитлеровскими захватчиками на территории СССР. И вообще она вышла из пределов нашей страны в Иран. А.Богомолов участвовал в длительной и сложной переписке и переговорах по этому поводу. В.Молотов специально прилетал в Лондон для обсуждения вопроса о выводе оставшейся части польской армии в Иран.

И тут внезапно, в ночь с 12 на 13 марта 1943 года, прозвучало сообщение берлинского радио об обнаружении в лесу под Ка-

тыню (Смоленская область) трупов нескольких тысяч польских офицеров. Эхо этого сообщения до сих пор, как набат, звучит в ушах и умах многих миллионов россиян и поляков.

Польское правительство обратилось в Международный Красный Крест с просьбой о расследовании данной информации. Кстати, США и Англия критически отнеслись к этому шагу польской стороны. Польское правительство нотой потребовало полного выяснения вопроса. Одновременно в Женеву обратился немецкий Красный Крест. Однако Международный Красный Крест отказал немцам в их просьбе. Тогда польский Красный Крест направил в Катынь с согласия немецкой стороны своих представителей.

Ну, а результат известен. В.Молотов вызвал в ночь с 25 на 26 апреля 1943 года польского посла в Москве Роллера и зачитал ему ноту, в которой заявлялось о разрыве отношений с польским правительством. Посол ноту не принял. Но это мало в чем помогло. Катынская драма в дальнейшем легла тяжким бременем на развитие российско-польских отношений.

История распорядилась так, как распорядилась.

В июле 1944 года при участии Союза польских патриотов и польских коммунистов на территории СССР был создан Польский комитет национального освобождения (ПКНО), позже преобразованный во Временное правительство Польши. Судьба польского эмигрантского правительства, власть которого к этому времени стала иллюзорной, была предопределена. НКВД СССР в заявлении от 26 июля 1944 года изложил позицию Советского Союза по отношению к освобождаемой от немецких захватчиков Польши как «независимой, сильной и демократической стране, суверенному и дружественному государству». При этом подчеркивалось, что «Советское правительство не намерено устанавливать на территории Польши органов своей администрации, считая это делом польского народа».

27 июля 1944 года ПКНО подписал Соглашение о границах, в котором признал границы между СССР и Польшей по «линии Керзона». Эмигрантское правительство выступило против такого решения пограничного вопроса. Но это уже не имело практически никакого значения для дальнейшего развития событий в Польше.

Специальным представителем Совнаркома СССР при ПКНО 1 августа 1944 года был назначен генерал-полковник Н.А.Булганин. Именно его с определенной натяжкой можно было бы считать первым послевоенным советским послом.

Весьма интересна данная ему инструкция, определявшая линию его поведения. В ней указывалось, что «восточнее линии Керзона полнота власти принадлежит советским органам и советскому военному командованию. Представитель же всемерно содействует ПКНО в создании органов власти и по руководству их деятельностью, а также по осуществлению мер в деле общегосударственного и хозяйственного строительства собственно на территории Польши, по организации, формированию и укомплектованию польской армии. Но проведение мобилизации на ее территории может осуществлять лишь ПКНО как правовая организация польского суверенного государства, а также по его поручению - командование Красной армии»³⁵.

Уже 28 августа 1944 года Н.Булганин заявил, что все вопросы, связанные с репрессированием поляков, за исключением дел шпионажа, передаются руководителю отдела государственной безопасности ПКНО Радкевичу. Через несколько месяцев он был отозван в Москву в связи с его назначением в наркомат обороны СССР.

¹Документы внешней политики СССР. Т. 1. С. 579-581.

²Документы и материалы по истории советско-польских отношений. М., 1963. Т. 1. С. 460.

³АВП РФ. Ф. с-т Чичерина. Оп. 32. П. 209. Д. 86. Л. 1.

⁴*Шкаренков Л.К.* Агония белой эмиграции. М.: Мысль, 1986. С. 59.

⁵АВП РФ. Ф. с-т Чичерина. Там же. Л. 18.

⁶АВП РФ. Ф. с-т Чичерина. Оп. 32. П. 211. Д. 131. Л. 138.

⁷Там же. П. 212. Д. 52567. Л. 3.

⁸Там же. Л. 28-29.

⁹Там же. П. 211. Д. 131. Л. 51.

¹⁰См.: *Беседовский Г.* На путях к термидору. М., 1997.

¹¹АВП РФ. Ф. с-т Чичерина. Оп. 32. П. 212. Д. 52567. Л. 139.

¹²*Kumaniecki Jerzy.* Tajny raport Wojkova. Warszawa, 1991.

- ¹³Документы внешней политики СССР. Т. 7. С. 440.
- ¹⁴См.: *Беседовский Г.* Указ. соч.
- ¹⁵АВП РФ. Ф. 04. Оп. 32. П. 225. Д. 52829. Л. 84.
- ¹⁶См. подробнее: *Соколов В.В.* На посту зам.наркома иностранных дел СССР (о жизни и деятельности Б.С.Стомонякова) // Новая и новейшая история. М., 1988.
- ¹⁷Дипломатический словарь. М., 1984. Т. 3. С. 274.
- ¹⁸См. подробнее об этом: *Сопельняк Б.* Тайны Смоленской площади. М., 2003.
- ¹⁹АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 19. П. 170-а. Д. 8. Л. 74.
- ²⁰ДВП СССР. Т. XVIII. С. 136.
- ²¹Там же. С. 504.
- ²²АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 20. П. 174. Д. 8. Л. 7.
- ²³Там же. Оп. 20. П. 174. Д. 8. Л. 9.
- ²⁴Там же. Оп. 19. п. 170-А. Д. 8. Л. 80.
- ²⁵*Сопельняк Б.* Указ. соч. С. 154.
- ²⁶АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 21. П. 178. Д. 8. Л. 31.
- ²⁷Документы и материалы по истории советско-польских отношений. М., 1973. Т. VII. С. 15.
- ²⁸См.: *Иванов Ю.В.* Очерки истории российско (советско)-польских отношений в документах. 1914-1945 гг. М., 2002.
- ²⁹АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 23. П. 183. Д. 7. Л. 64.
- ³⁰Там же. Л.79
- ³¹Документы и материалы по истории... С. 103.
- ³²АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 23. П. 182. Д. 7. Л. 76.
- ³³Там же.
- ³⁴АВП РФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 182. П. 294. Д. 2037. Л. 95.
- ³⁵Восточная Европа в документах российских архивов, 1944-1953. Т. 1. С. 53.

ЧЕТЫРЕ ПОКОЛЕНИЯ ОДНОЙ БРИТАНСКОЙ СЕМЬИ В РОССИИ

Антония Буллард

МОЯ СЕМЬЯ на протяжении четырех поколений была тесно связана с Россией, и, я надеюсь, еще многие поколения ее будут возвращаться в вашу страну. Мой дед Ридер Уильям Буллард¹ начал учить русский язык в 1906 году, впервые посетил Россию в 1930 году, а в 1943 году участвовал в званом ужине вместе с И.Сталиным и В.Молотовым в Тегеране. Мой отец Джулиан Буллард² работал в СССР и занимался отношениями с СССР в Форин оффис с 1960 года и до выхода в отставку в 1988 году. Сама я впервые приехала в Москву с родителями еще школьницей в 1966 году, а затем периодически жила и работала в Москве последние 20 лет. В следующем году моя дочь Софи окончит университет с дипломом бакалавра по специальности русский язык и экономика после четырех лет обучения, включая семестр в Москве в РГГУ по обмену.

Ридер Буллард родился в 1885 году в рабочей семье в Лондоне. Его отец был докером, которого со временем повысили до младшего клерка, учетчика. Моему деду, благодаря здравомыслию, упорному труду и удаче, повезло, сдав экзамены, поступить на так называемую Левантийскую консульскую службу. Этот консульский отдел занимался странами Вос-

Антония Буллард - старший директор группы корпоративного консалтинга энергетической компании «PFC Energy». Перевод Е.В.Ананьевой.

точного Средиземноморья и считался в Форин оффис настолько непрестижным, что только туда и могли взять моего деда с его рабочим происхождением на должность «переводчика-стажера» в Константинополе еще до Первой мировой войны.

Так случилось, что человек, не имевший никаких перспектив получить высшее образование, приехал в Кембридж в 1905 году для обучения на двухгодичных курсах иностранных языков. В первом семестре стажеры-переводчики начали изучать турецкий, персидский и арабский. Во втором семестре Р.Буллард решил добавить изучение четвертого языка, предпочтя русский греческому. В то время лишь один преподаватель знал русский, а единственным учебником была русская грамматика на немецком языке и «несколько очень скучных учебных материалов для чтения» с примечаниями и словарем на немецком. Все же ему удалось изучить русский язык достаточно хорошо, чтобы читать русскую литературу и наслаждаться ею.

В 1920-х годах он служил (без семьи) консулом в Джидде в Королевстве Хиджаз (ныне часть Саудовской Аравии). Досуг там не отличался разнообразием, и Буллард много читал на русском. Книгами из своей русской библиотечки он делился с немногочисленной общиной русских эмигрантов, включая врача и инженера, который ремонтировал и пилотировал «несколько очень старых самолетов» короля Хусейна. Мой дед вспоминал, что русские эмигранты были «мужественными людьми, никогда не ныли и очень благодарили за русские книги. Я познакомился с новичком, который лежал больным в своей убогой комнатенке в бараке. Он не виделся со своей женой с 1914 года и не имел никаких известий о ней после революции 1917 года. Он сказал, что любит читать, но у него почти нет книг... В следующий раз я встретился с ним, когда он прочел томик чеховских рассказов и углубился в «Войну и мир». Казалось, ему стало гораздо лучше».

В 1929 году, после восстановления дипломатических отношений между Британией и СССР, Р.Буллард по собственной инициативе направил прошение о назначении его генеральным консулом в Москве. Среди приведенных им причин он указал желание улучшить владение разговорным русским, хотя «был уверен, что советские власти не поощряли и даже жестко пресека-

ли личные дружеские отношения между советскими гражданами и иностранцами». Считая себя «бывшим бунтарем и социалистом», он писал: «Я не идеализировал царский режим, как идеализировали его многие иностранцы. Меня ужасала поразившая его коррупция - коррупция, предательская по отношению к русской армии и союзникам России в Первой мировой войне. Советское руководство утверждало, что искоренит злоупотребления и что ставит перед собой благие цели... Будет интересно наблюдать за советским экспериментом вблизи».

Р.Буллард приехал в Москву поездом осенью 1930 года и присоединился к сотрудникам британского посольства, которые в то время жили в гостинице «Савой». Младший персонал в основном питался консервами, разогревая их на электрической плите. К счастью для нас, дед вел дневник и каждую неделю писал домой письма, которые мои родители опубликовали в 2000 году³. Его дневник - живая хроника тех времен: дело британских инженеров фирмы «Метро-Виккерс»⁴, обвиненных во вредительстве в электротехнической промышленности и шпионаже, процессы над «вредителями», пропаганда и абсурдность режима, тяжелые условия жизни простых людей в СССР.

По прошествии полугода с приезда в Москву Р.Буллард явно стал нервничать по поводу ОГПУ, так как в письмах перешел на примитивный доморощенный шифр, а позже посчитал слишком опасным хранить копии своих писем домой.

Запись в дневнике от 5 ноября 1930 года, накануне 13-й годовщины Октябрьской революции гласит: «Улицы украшены красными флагами и лозунгами, воздвигают платформы и трибуны, многочисленные бюсты Ленина множатся все больше, а во многих окнах устанавливают картонные плакаты с карикатурами. На одной изображены фигурки премьер-министра Великобритании Макдональда, министра иностранных дел Бриана и других государственных деятелей, с изумлением взирающих на здоровую мощь, которую СССР набрал за 13 лет. На другой - фигурки царя и царицы возглавляют процессию людей, исчезающих в водовороте, - капиталист, чиновник, царский офицер. Заметил объявление на дверях магазина: «Сегодня молока не будет».

В письме родным неделей позже Буллард отмечает: «Первое впечатление от Москвы, как от города в полной разрухе. Все тротуары требуют ремонта; повсюду ямы, заполненные водой. Проезжая часть выложена булыжником, и грязь просачивается между камнями. Витрины магазинов, как правило, грязны, зачастую разбиты, а фасады домов убоги и обветшали. Есть и несколько новых домов, например величественный почтамт, построенный немецкой фирмой, но их немного.

За исключением нескольких чиновников, с которыми мы встречаемся по работе, у нас нет возможности говорить с русскими. Я могу только читать, ходить время от времени в театр и слушать пропаганду по радио.

Когда по утрам я вижу очереди в продуктовых и других магазинах, я чувствую, что нам очень повезло. Должно быть, очень холодно стоять в очереди в такую погоду. Встречаются оформленные витрины, но в основном муляжами. Каждый день прохожу мимо кондитерского магазина, заполненного пустыми коробками, и продуктового. Я думал, что в продуктивном есть товары, пока не увидел, что вместо масла - желтая бумага, а вместо голландского сыра - крашеное дерево».

На следующий год Р.Буллард стал генеральным консулом в Ленинграде и жил в доме №26 по Невскому проспекту, напротив Казанского собора. Одной из основных обязанностей консула была забота о британских гражданах, оказавшихся в бедственном положении и с беспросветным будущим. В те годы в Ленинграде находилось около 100 британских граждан - в основном командированные (как инженеры «Метро-Виккерс»), моряки, списанные на берег по болезни или оказавшиеся без средств, а также бедствовавшие бывшие гувернантки и люди иных специальностей, работавшие в России до революции, и их дети. Так, Р.Буллард описывает судьбу семьи Робинсон: «Г-н Робинсон, ослепший жокей 65 лет, отнесен к «социальным паразитам» и зачислен в третью категорию на получение продуктов. Его жена - стойкая, неунывающая женщина. У них глухонемой, слабоумный сын 25 лет... Керосиновая плитка с какой-то похлебкой. Нет дров для ото-

пления... В доме нечего есть, кроме буханки черного хлеба и остатков сахарной головы».

Среди тех, кто приезжал знакомиться с молодой Советской республикой, был и драматург Джордж Бернард Шоу. Так описывает свои беседы с писателем мой дед: «Он сказал, что не пьет чай, но выпил две чашки и целый час рассказывал нам о России. Он производил впечатление «упрямца», отвергавшего все, что не укладывалось в его предубеждения. Например (в атеистическом музее, устроенном в Исаакиевском соборе), висели фотографии с крупного процесса над вредителями. На мое пренебрежительное замечание о деле Шоу с негодованием парировал: «Но они ведь сознались». Я ответил: «Да, один из них признался, что обещал с полковником Лоуренсом⁵ в «Савое» в Лондоне в тот день, когда Лоуренс был в Индии». Но Шоу отмахнулся. Затем я поведал ему о пропаганде, которой детям забивают голову в пионерских лагерях. Шоу возразил, что и в Англии детям в воскресных школах вбивают Апостольский Символ веры - причем люди, которые сами зачастую в него не верят. Я возразил: разница заключается в том, что, став взрослыми, дети в Англии могут общаться с людьми иных убеждений, читать книги, выражающие противоположные мнения, а в этой стране коммунистической пропаганде нет альтернативы, но Шоу отмахнулся и от этого».

«В Москве на праздновании, которое советские власти устроили в честь дня рождения Шоу, он выступил с хвалебной речью в адрес советской системы. По слухам, Шоу впоследствии выражал британцам, приехавшим вместе с ним, сожаление, что ему пришлось так говорить. Однако на вопрос мисс Клайман - журналистки, которая брала у Шоу интервью для газеты «Дейли экспресс», не расскажет ли он правду по возвращении домой, - Шоу ответил, что это будет трудно, поскольку хозяева были очень добры».

После возвращения моего деда из СССР в 1934 году один британский парламентарий спросил, продержится ли Советский Союз. Р.Буллард ответил: «Ничто в ближайшем будущем не сможет серьезно повредить ему: это огромная страна с прекрасным стратегическим положением, богатыми и разнообразными природными ресурсами, растущей численностью населения, физи-

чески крепкого и рабски подчиненного, не обладающего опытом свободы как меры сравнения, с правящим классом жестких, увечивающих себя людей, уничтожающих все меры контроля. Правящий класс намерен остаться у власти навсегда, и внутри страны нет влиятельных сил, способных сдержать его».

В декабре 1939 года Р.Булларда назначили посланником в Тегеран (в то время Британия имела в Иране не посольство, а миссию). В Тегеране в 1943 году Р.Буллард стал свидетелем исторической Тегеранской конференции. Он вспоминает:

«Тайну хранили... настолько хорошо, что я сам узнал [о дате конференции] только за 48 часов... В публикациях говорилось, что Сталин пригласил Рузвельта остановиться в одном из зданий на территории советского посольства, подкрепив свое приглашение байкой, будто советская разведка выявила заговор с целью убийства «Большой тройки». Сообщила ли советская разведка эти сведения, чтобы повысить свою значимость в глазах Сталина, или Сталин сам их придумал под влиянием момента, неизвестно, но заговора не было. Заговоров без того хватало, и британская разведка проделала великолепную работу, раскрывая их. Наша разведка всегда передавала информацию русским коллегам, но все же заговора против «Большой тройки» не существовало, поскольку пребывание трех лидеров в Тегеране оставалось тщательно охраняемым секретом. Британские разведчики впоследствии подшучивали над русскими по поводу «заговора», а русские делали вид, что ничего не понимают, конечно, не пытаясь оправдывать небылицу Сталина перед специалистами»⁶.

«День рождения У.Черчилля (ему исполнялось 69 лет) приходился на завершающие дни конференции, и он решил дать ужин Президенту [США Ф.Рузвельту] и маршалу Сталину, а также некоторым членам всех трех делегаций. Канцелярия кабинета министров предоставила финансовые средства, и премьер-министр привез свои напитки, но подготовка ужина легла тяжелым бременем на немногочисленный персонал миссии, хотя испытание сотрудники миссии прошли с честью. Маршал Сталин исключительно редко ужинал за пределами русского посольства, так что нас не удивил десант советских генералов, которые приеха-

ли в миссию, чтобы проверить двери, окна и решить другие вопросы безопасности. Меня больше всего беспокоило, не отключится ли электричество во время ужина. Городская электростанция находилась в плачевном состоянии, и нередко электричество отключали на час или два. Я задавался вопросом, что же будут делать генералы службы безопасности, если миссия погрузится во мрак во время ужина маршала Сталина с представителями капиталистического мира. Наготове у нас были фонари «молния», но, к счастью, они не понадобились».

Ахмед Рахатзад, повар миссии, под своим углом зрения оценивал происходившее: Тегеранская конференция была «сумасшедшим домом с начала и до конца. Важные персоны приходили и уходили в любое время дня и ночи. Надо было накормить огромное количество народу, а обед обслуживали всего пять человек, и среди них - прачка».

Утром, в день рождения Черчилля, повару Рахатзаду сказали, что вечером того же дня может состояться ужин, что и подтвердили в 10 утра, когда Сталин принял приглашение и согласился выехать из советского посольства по такому исключительному случаю.

У повара оставалось всего восемь-девять часов, чтобы продумать меню и приготовить ужин, благо в миссии хватало продуктов, и нам нужно было послать только за фруктами и овощами».

Мой дед вспоминал: «Среди гостей была всего одна женщина - Сара Черчилль [дочь Черчилля]. Президента сопровождал один из его зятьев, а премьер-министра - сын Рандольф; г-на Гарри Гопкинса⁷ - сын, сержант армии США, который с трудом прошел через караул. С американской стороны «команда» была внушительной: помимо президента и Гарри Гопкинса присутствовал генерал Маршалл, адмирал Кинг, адмирал Леги⁸. С нашей стороны присутствовали три начальника генеральных штабов и фельдмаршал Дилл⁹. Русских было всего четверо: маршал Сталин, г-н Молотов, маршал Ворошилов и переводчик Павлов¹⁰.

Пока гости собирались в гостиной, я разговорился с маршалом Ворошиловым. Он с интересом рассматривал большие официальные портреты на стене и, указав на один из них, спросил, кто это.

- Это наш король Георг V.

- А я подумал, что это Николай II.

- Нет. Они были двоюродными братьями и очень похожи, хотя не характерами.

- Не характерами, - согласился он.

Тут к нам присоединился маршал Сталин:

- Ваш король Эдуард VII позволил нам провести съезд в Лондоне в 1907 году¹¹.

- Вы были в Лондоне в 1907 году? - Удивился я.

- Да, я жил в Уайтчэпел¹², - ответил Сталин.

В то время мало кто знал, что Сталин вообще когда-либо бывал в Лондоне, но в своей книге о Сталине Троцкий упоминает о его приезде на Лондонскую конференцию в качестве неприглашенного наблюдателя, а не делегата¹³.

В 1950 году мне позвонили из одной лондонской газеты, которая публиковала обзоры важнейших событий за полвека, с вопросом, не знаю ли я, где жил Сталин в Лондоне. Поставив условие анонимности, я сказал, что, по собственным словам Сталина, он жил в Уайтчэпел. Однако редакция нашла человека, утверждавшего, что он выполнял мелкие поручения Сталина, когда тот проживал в Стэпни¹⁴. Характерно, что Сталин приписал разрешение провести конференцию в Лондоне королю Эдуарду. Хотя что-то похожее на конституционное правление настолько чуждо советским представлениям, что даже лидеры не представляют, как устроена государственная власть в Британии, и что закон, а не произвольная воля монарха обладает верховенством.

В меню, приготовленное на ужин, входило консоме, затем соте из лосося с голландским соусом (для цвета приправленным шпинатом), стейк, фаршированный паштетом и завернутый в тесто, индейка... Официанты и фараши¹⁵ миссии обслуживали гостей, хотя личный слуга обслуживал Черчилля и двух других глав государств со специального сервировочного стола».

По воспоминаниям моего деда, один из официантов расплескал суп на В.Павлова, но сам Р.Буллард во время ужина этого не заметил, а ему о досадном происшествии рассказали позже.

Мой дед сидел за столом между г-ном Молотовым и марша-

лом Ворошиловым. Он вспоминает: «Г-н Молотов развлекался, наблюдая, как Сара Черчилль «утопала в адмиралах» - один сидел по одну руку, а двое - по другую. Г-н Иден¹⁶, интересуясь, что рас- смешило нас, попросил меня передать г-ну Молотову, что, по мне- нию многих наших моряков, адмирал Каннингем¹⁷ - лучший наш адмирал со времен Нельсона. Когда русским перевели замечание Идена, они оживились больше, чем я ожидал: как выяснилось, ки- нофильм о леди Гамильтон²⁸ незадолго до этого показывали в Мос- кве. Оживление перекинулось и на другой край стола - Сталин при- знался, что смотрел фильм, кажется, три раза, но премьер-министр его «побил», объявив, что смотрел ленту семь раз.

В самом начале ужина премьер-министр провозгласил тост за короля, чтобы освободить «поле деятельности» для длинно- го списка тостов, как любят русские. Сколько было речей и то- стов, не скажу, но их было так много, что все были рады, что за столом подавали только один напиток - шампанское. Водки не было, даже для русских»...

Ахмед Рахатзад, повар и официанты пришли послушать речи. Сталин, по его мнению, был похож на Реза-шаха¹⁹.

Р.Буллард вспоминает, что «Сталин сказал, что не представ- ляет, чтобы он делал без поставок по ленд-лизу, - признание, которое... исчезло из официальной советской истории Второй мировой войны. Сталин пребывал в столь хорошем и друже- ственном расположении духа, что даже поведал о количестве са- молетов, которое СССР выпускал ежемесячно. «Большая трой- ка» обменивалась комплиментами, лучшим из которых был тост Черчилля в честь маршала Сталина: «Вы говорите - Екатери- на Великая, Петр Великий, а почему бы не Сталин Великий?» Ответил Ворошилов, прошептавший мне в левое ухо: «Во вре- мя Гражданской войны он был у меня комиссаром». Это заяв- ление, абсолютно правдивое, не найдешь в официальной исто- рии Гражданской войны».

Подали десерт - тающее мороженое с фруктами на блюде со све- чой посередине, затем свежие фрукты, кофе и ликеры в гостиную.

Ахмед рассказывал, что когда Сталин уходил, то все русские наперебой бросились подавать ему шинель.

Мой дед приводит другой интересный эпизод: «По всей видимости, шах [Мохаммед Реза Пехлеви] ожидал, что раз конференция проходила в столице его государства, то «Большая тройка» нанесет ему визит. Черчилль нанес ему визит в прошлый свой приезд и решил не повторять его на этот раз. Президент сослался на плохое здоровье, чтобы не наносить визит шаху. Тогда шах посетил советское посольство и встретился со всей «Большой тройкой». К концу конференции Сталин опередил их и втайне нанес визит шаху. Именно тогда он предложил Ирану в подарок танки и самолеты - предложение, от которого в конце концов пришлось отказаться, поскольку русские поставили условия, предполагавшие советское проникновение в вооруженные силы Ирана. Как заметил тогдашний премьер-министр Ирана: «Когда мы дарим человеку моленный коврик, мы не просим гарантий, что он будет возносить молитву именно на нем».

В последний вечер конференции Черчилль попросил моего деда подготовить соответствующую памятную надпись на серебряной табличке, чтобы повесить ее в столовой миссии, и сказал: «Я предполагаю рекомендовать Его Величеству [королю Георгу VI] представить вас к ордену Бани». Мой дед ответил: «Очень благодарен вам, сэр, но я не имел никакого отношения к конференции». Черчилль согласился, но подчеркнул значимость события, однако Р.Буллард возразил: «Вы хотите повесить табличку и на стену столовой, и на меня». Черчилль ответил с неподражаемой серьезностью: «Мы повесим табличку и на вас, и на стену столовой». Так Буллард стал «памятником в честь великого события»²⁰.

В надписи на табличке были перечислены фамилии всех сотрудников и офицеров, сопровождавших Черчилля, его двух именитых гостей, а также в качестве меры для уничтожения нацистской тирании «развитие взаимопомощи во имя общего блага» после войны. Надпись гласила также: «Ради достижения этой цели они вновь поклялись посвятить свои неустанные усилия во имя успеха тяжелого труда, долготерпения и доблести народов-союзников. ДОБРОДЕТЕЛЬ УМНОЖАЕТСЯ ПОД ГНЕТОМ».

Табличку открыли с приличествовавшей случаю торжественной церемонией. Р.Буллард по этому поводу пишет: «Мой советский коллега был в отчаянии, что запоздал со своим памятным знаком, но отыгрался, когда памятный знак наконец доставили. Надпись была нанесена на гранитный камень весом в 2 тонны».

ПО СРАВНЕНИЮ с тем, чему свидетелем оказался мой дед, впечатления остальных трех поколений нашей семьи могут показаться блеклыми. Во всех нас интерес к России и русскому языку пробудили русские эмигранты. Мой отец, подготовясь с помощью фройлен фон Четвериков (русской эмигрантки из Вены) к экзамену по немецкому языку для работы в Форин оффис, попросил ее обучить его русскому.

Для моего отца времена оказались не столь благоприятными, чтобы установить плодотворные рабочие отношения с Россией. Его карьера в Форин оффис практически полностью совпала с холодной войной²¹. В начале 1960-х годов отец был членом «Боннской группы»²², которая наблюдала за деятельностью СССР в Берлине. С 1966 по 1968 год он работал в экономическом отделе британского посольства в Москве.

У меня сохранились меню с кремлевского банкета и фотография 1975 года, на которой он стоит с делегацией из Соединенного Королевства позади премьер-министра Гарольда Вильсона и Генерального секретаря Леонида Брежнева, подписывающих двусторонние документы.

Одна из историй, которую рассказывают о моем отце, касалась советско-британских переговоров в Москве. Прежде чем отправиться на переговоры, отец предусмотрительно захватил из буфета пакет с сэндвичами. Его коллеги, предвкушая банкет с икрой и другими деликатесами, посчитали его запасливость смешной. Вечерние переговоры не продвигались вперед, советская сторона уговаривала британцев принять ее предложения, ссылаясь на то, что подошло время банкета. Тогда отец, вытащив пакет с сэндвичами, раздал их коллегам со словами, что

британцы готовы вести переговоры до тех пор, пока не удастся найти взаимоприемлемые формулировки.

В некрологах после его смерти в 2006 году о нем вспоминали как о директоре Департамента по делам Восточной Европы и СССР, который в 1971 году организовал высылку из Лондона 105 обвиненных в шпионаже советских дипломатов, и «авторе формулировки, которая не позволила Москве принять ответные меры, не говоря о разрыве в отношениях, что привело бы к тяжелым последствиям для обеих стран»²³.

Будучи политическим директором Форин оффис, отец присутствовал на похоронах Брежнева, а выйдя в отставку, он встречался с Горбачевым, когда консультировал Генри Киссинджера, Маргарет Тэтчер и Валери Жискар д'Эстена по вопросам объединения Германии. К сожалению, ему так и не представилась возможность конструктивно работать с российскими коллегами.

Моей первой учительницей русского языка в английской школе для девочек была Ольга Лоуренс. Ее увезли из Санкт-Петербурга в детском возрасте, она жила в Париже и вышла замуж за британского офицера. Она заразила нас любовью к поэзии, русской кухне и даже глаголам движения, которым она учила нас с помощью «сокровищ» из сундучка для детских игрушек - машинок, самолетиков, игрушечных домиков и мостиков. Изучая возможный выбор дисциплин в скучной программе гимназии, мою дочь Софи также заворожили обещания учительницы Светланы «проходить» чаепитие и пикники у озера с соучениками.

Москву я запомнила по разочарованиям: мы жили в маленькой двухкомнатной квартире на Кутузовском проспекте, не могли общаться с русскими и практически не могли путешествовать, а все необходимое приходилось заказывать из магазина «Стокманн» в Хельсинки. Однажды мы с отцом почти весь день ездили по Москве, пытаясь купить язычок к гобою. Нас направляли из одного почти пустого магазина в другой, заявляя, что мы не имели права покупать подобные вещи, поскольку не состояли ни в каком советском музыкальном обществе.

Поступив в 1973 году в Оксфордский университет, я от-

казалась от мысли учить русский язык, поскольку несколько встреч с советскими учителями английского и деятелями культуры, казалось, убедили меня в том, что очарование и страстное увлечение языком Ольги Лоуренс остались в прошлом. Однако в 1990-х годах после 15 лет работы в бизнесе в Соединенных Штатах выяснилось, что лишь я и еще горстка сотрудников сочетали знание русского и опыт работы в бизнесе. В результате в течение невероятно интересных и насыщенных 20 лет я участвовала в создании первой Российско-американской страховой компании (GIVA), программы устойчивого развития бассейна озера Байкал, бассейна реки Уссури и Республики Алтай, а сейчас работаю с клиентами консалтинговой фирмы в области глобальной энергетики «PFC Energy» в России и других странах. Для человека, помнящего Москву хмурой и серой в 1960-х годах, собственная квартира с пианино и камином на улице Герцена (ныне Б.Никитская), дружеские отношения и совместная работа с русскими, поездки в деревеньки Бурятии и Алтая, свежий омуль и водка на покрытом льдом озере Байкал, типичные для русских разговоры за ужином с профессорами из Харбинского университета или российскими дипломатами кажутся чудом.

Кто знает, как сложится жизнь моей дочери Софи, как повлияет на ее судьбу знание русского языка и любовь к России? За пять месяцев стажировки в Москве она узнала очень много об истории России в XX веке, о русской литературе и кино. Она глубоко привязалась к Москве и своей подруге, историку искусства, у которой жила дома и которая научила ее всему - от русских супов до поэзии Блока. Подруга «сосватала» Софи в женскую команду МГУ по футболу, и команда победила на международном турнире в Санкт-Петербурге. В 2011 году Софи окончит курс по специальности «Русский язык и экономика» в колледже Миддлбэри в штате Вермонт (США), а затем начнет изучать медицину при больнице «Маунт-Синай» в Нью-Йорке. Я знаю, что в течение 8-12 лет обучения по медицинской специальности она будет стремиться работать с русскими врачами и снова играть в футбол в Москве.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Елена Ананьева

МЫ ПОЗНАКОМИЛИСЬ с Антонией в Москве в общей компании за ужином и быстро разговорились, узнав, что наши семьи жили в конце 1960-х годов в Москве на одной улице и имеют давние непосредственные связи: ее семья - с Россией, моя - с Британией, почти зеркально отражая сферу профессиональной деятельности друг друга. Моего деда Кирилла Васильевича Новикова (1905-1983 гг.) в 1939 году с поста председателя Технического совета Наркомата тяжелой промышленности перевели на работу в МИД. Во время Второй мировой войны он был советником посольства СССР в Лондоне. В 1942 году он сопровождал У.Черчилля в его поездке в Москву, во время которой выяснилось, что «Черчилль едет в Москву с пустыми руками... Цель поездки - оттяжка решения о создании реального Второго фронта», - как писал К.Новиков в зашифрованной телеграмме из советского посольства в Тегеране, где была сделана промежуточная остановка²⁴ и где в это время работали А.А.Смирнов и Р.Буллард. Вскоре Новикова назначили заведующим Вторым Европейским отделом, в ведении которого находилась Британская империя. Он был членом и генеральным секретарем советской делегации на Ялтинской и Потсдамской конференциях, конференции в Сан-Франциско по составлению Устава ООН, который подписал как член советской делегации. В числе десяти сотрудников МИД награжден орденом Ленина за работу в годы войны. После обретения Индией независимости от Британии назначен первым послом СССР в этой стране. С 1964 года и до отставки в 1973 году заведовал отделом международных организаций, который занимался также и всем кругом вопросов разоружения.

Мой отец Владимир Дмитриевич Осипов (1928-1976 гг.),

Елена Владимировна Ананьева - обозреватель журнала «Международная жизнь», кандидат философских наук.

журналист-международник, в начале 1960-х годов был собственным корреспондентом «Известий» в Лондоне. За книгу «Британия. 60-е годы» получил премию им. В.Воровского, ценность которой определялась тем, что присуждали ее собратья по перу. Ему, советскому журналисту, лондонская газета «Таймс» посвятила некролог, хотя ко времени кончины отец уже 12 лет как уехал из Британии в Москву.

По окончании МГИМО я занималась Британией, работая в ИМЭМО, Дипломатической академии, Центре британских исследований Института Европы РАН. Мой пасынок заканчивает получение медицинского образования в США.

Россия и Британия переживали в своих отношениях взлеты и падения, из противников становились союзниками и вновь соперниками, да и сейчас находятся на нелегком этапе. Мы с Антонией пытались показать, как бурные события мировой истории проходили через судьбу четырех поколений наших семей - то работавших во имя общей цели, то разведенных по разные стороны баррикад.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹*Сэр Ридер Буллард* (Sir Reader Bullard, 1885-1976 гг.) работал в ряде стран Востока, в СССР; рыцарь Креста ордена Св. Михаила и Св. Георгия (КСМГ), которым награждали за заслуги, связанные с Содружеством Наций или иностранными государствами; в отставке занимал пост директора Института исследований стран Содружества Наций в Оксфорде.

²*Сэр Джулиан Буллард* (Sir Julian Bullard, 1928-2006 гг.) на дипломатической службе Соединенного Королевства с 1953 по 1988 г., работал в посольстве Великобритании в Москве в 1966-1968 гг.; возглавлял Департамент Восточной Европы и СССР (1971-1975 гг.), политический директор Форин оффис (1979-1984 гг.), посол в ФРГ (1984-1988 гг.); рыцарь Великого Креста ордена Св. Михаила и Св. Георгия (GCMG); уже в отставке был противником войны в Ираке.

³*Bullard, Julian and Margaret. Inside Stalin's Russia: The Diaries of*

Reader Bullard 1930-1934. Charlbury. Day Books. 2000; Автобиография Р.Булларда - *Bullard, Sir Reader. The Camels Must Go: An Autobiography*. London: Faber & Faber, 1961.

⁴Из английских обвиняемых один - Грегори - был признан невиновным. Трое - Монкхауз, Нордвол и Кушни - были приговорены к высылке из СССР, Торнтон получил три года, Макдональд - два года лишения свободы. Торнтону и Макдональду было предоставлено право апелляции к ЦИК СССР. 1 июля 1933 г. Президиум ЦИК СССР в порядке амнистии заменил осужденным Верховным судом СССР Макдональду и Торнтону заключение высылкой из СССР. - *Прим. Е.А.*

⁵*Т.Лоуренс* - английский разведчик на арабском Востоке, переводчик Гомера, автор мемуаров «Семь столпов мудрости» (1926 г.), известный как «Лоуренс Аравийский». Дружил с Бернардом Шоу. - *Прим. Е.А.*

⁶На официальном сайте СВР РФ размещена статья о презентации книги Юрия Кузнеця «Тегеран-43» в пресс-службе СВР.

На презентации выступили бывшие разведчики-нелегалы Геворк и Гоар Вартаняны, а также консультант Службы внешней разведки РФ генерал-лейтенант Вадим Кирпиченко. Они высказали свое мнение о событиях 60-летней давности и об историческом исследовании Ю.Кузнеця, отвечающем на вопрос, почему потерпела крах попытка покушения на Президента США Ф. Рузвельта, премьер-министра Великобритании У.Черчилля и председателя Государственного Комитета Обороны СССР И.В.Сталина, собравшихся на Тегеранскую конференцию 28 ноября 1943 г.

Вадим Кирпиченко: «Первое секретное донесение о том, что такое покушение может быть совершено, пришло от советского разведчика Николая Кузнецова после доверительной беседы с ним штурмбанфюрера СС Ульриха фон Ортеля. Этот высокопоставленный немецкий контрразведчик фактически проговорился, что планирует уничтожение трех руководителей стран антигитлеровской коалиции. Именно Ортель был назначен начальником диверсионной школы в Копенгагене и готовил исполнителей для этой акции, названной «Длинный прыжок».

Накануне Тегеранской конференции советской разведке удалось добыть достоверную информацию о десанте передовой группы из шести немецких «коммандос», сброшенных на парашютах в райо-

не города Кум, откуда они направились на связь с руководителями предстоящей операции. Дневник унтершарфюрера СС Рокстрока, который был захвачен во время ареста этого радиста и сохранился в архивах СВР, подтверждает, что диверсанты добирались до Тегерана более двух недель: у них было много снаряжения и оружия. Вблизи иранской столицы их встретили с грузовиком, на который и поместили всю поклажу. Члены группы переоделись в местную национальную одежду, перекрасили волосы и скрытно разместились на конспиративной квартире в Тегеране. Все диверсанты были арестованы после того, как работу их радиостанций запеленговали, а их сообщения в Берлин дешифровали. Германским спецслужбам стало известно о провале передовой группы, и они отказались от направления в Тегеран главных исполнителей операции «Длинный прыжок».

Кстати, в одном из интервью в 1966 г. бывший германский диверсант номер один Отто Скорцени подтвердил, что имел поручение Гитлера организовать покушение на «Большую тройку» в Тегеране. Советская разведка сорвала заговор гитлеровцев, как говорится, еще на дальних подступах к встрече глав великих держав.

Источник: Лошкул В. Новое о «Тегеране-43»// Гудок. 28.11.2003. // URL: <http://svr.gov.ru/smi/2003/gudok20031128.htm>. - Прим. Е.А.

⁷*Гарри Гопкинс* - государственный деятель и дипломат США. Специальный советник и помощник Президента Ф.Д.Рузвельта (1941-1945 гг.). Участник Квебекской конференции (1943 г.), Каирской конференции (1943 г.), член делегаций США на Тегеранской конференции (1943 г.) и Крымской (Ялтинской) конференции (1945 г.). - Прим. Е.А.

⁸*Джордж Маршалл* - государственный и военный деятель США, генерал армии, впоследствии инициатор плана Маршалла (программы помощи Европе после Второй мировой войны, которая содействовала укреплению положения США в Западной Европе), лауреат Нобелевской премии мира.

Эрнест Кинг - до 1941 г. командующий Атлантическим флотом США. В 1942-1945 гг. - главнокомандующий Военно-морскими силами США. Одновременно начальник Главного морского штаба. Адмирал Кинг разработал единую систему конвоев, что дало возможность эффективно вести борьбу с немецкими подводными лодками. В ходе войны по настоянию адмирала Кинга было отдано предпо-

чение строительству авианосцев вместо линкоров, что позволило достичь господства над Японским флотом на Тихом океане // <http://cccp-tv.net/marshalls-k/193-king>

Уильям Леги - адмирал флота (1944 г.), был послом США при правительстве Виши в оккупированной Франции. С июля 1942 по 1949 г. - начальник штаба при верховном главнокомандующем США (президентах Ф.Рузвельте и Г.Трумэне) и одновременно председатель Комитета начальников штабов. Один из первых трех американских адмиралов, получивших высшее военно-морское звание адмирала флота. - *Прим. Е.А.*

⁹*Джон Дилл* - британский генерал-фельдмаршал. В начале Второй мировой войны в 1939-1940 гг. командовал первым армейским корпусом во Франции. В 1940-1941 гг. - начальник Имперского генштаба. Сыграл исключительно важную роль в военно-политическом сотрудничестве США и Англии в годы войны, через него проходили подготовка принятия важнейших решений, вопросы ленд-лиза, стратегического взаимодействия войск и т. д. Участник союзных конференций в Касабланке, Каире, Тегеране. В декабре 1941 г. в составе военной делегации участвовал в Вашингтонской конференции, после чего до конца жизни был главой Британской военной миссии при Объединенном штабе союзников в Вашингтоне. Погребен на Арлингтонском национальном кладбище, став первым иностранцем, удостоившимся этой чести. - *Прим. Е.А.*

¹⁰*Владимир Николаевич Павлов*. В 1939 году назначен на должность помощника наркома В.М.Молотова. Переводил на всех встречах Сталина и Молотова с Риббентропом. Был с Молотовым на его встречах с Гитлером. Заведовал Центральным европейским отделом наркомата. Работал как переводчик на всех конференциях в годы войны - Тегеранской, Ялтинской, Потсдамской.

На конференции в Потсдаме Павлов стал единственным свидетелем того, что случилось после пленарного заседания 19 июля 1945 г.: «Когда все стали расходиться, Президент США Трумэн поспешил к Сталину, направлявшемуся в свой кабинет. Я догадался, что он хочет что-то сказать, и, когда они встретились, я быстро подошел к ним. Трумэн тотчас же сообщил Сталину следующее: «Вчера в США была испытана бомба необыкновенно разрушительной силы». (Речь шла об атомной бомбе.) На лице Сталина не дрогнул ни один мускул - он

повернулся и ушел. Трумэн, озадаченный такой реакцией, простоял несколько минут на месте как вкопанный, глядя вслед удалявшемуся Сталину». Таким образом, В.Павлов стал единственным свидетелем этой встречи Сталина и Трумэна.

Сталин ценил профессионализм Павлова. В ходе одной из ялтинских встреч с Рузвельтом и Черчиллем он поднял бокал за переводчика: «Мы доверили им передавать наши мысли, и им некогда ни поесть, ни выпить вина». Затем обошел стол, чокаясь с А.Бирсом, переводчиком Черчилля, с Ч.Боленом, переводчиком Рузвельта, и В.Павловым. В тот же вечер Черчилль наградил Павлова английским орденом «За Бога и Империю».

Источник: <http://cn.com.ua/N281/society/history/history.html>; http://www.hrono.ru/biograf/bio_p/pavlov_vn.html; <http://www.kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=214282>. - *Прим. Е.А.*

¹¹Пятый (Лондонский) съезд РСДРП открылся в мае 1907 г. - *Прим. Е.А.*

¹²Уайтчэпел - район в восточной части Лондона. - *Прим. Е.А.*

¹³*Л.Троцкий*. Сталин. Книга опубликована в 1941 г. в английском переводе. Русский оригинал издан в 1996 г. в изд-ве «Тегга» с разрешения Гарвардского университета, где хранится рукопись. В действительности же, Троцкий пишет, что И.Джугашвили (тогда партийная кличка «Иванович») был избран делегатом от бакинской организации. Мандатная комиссия наделила его правом совещательного голоса уже на съезде по настоянию Ленина. - *Прим. Е.А.*

¹⁴Стэпни - район в восточной части Лондона, недалеко от Уайтчэпела. - *Прим. Е.А.*

¹⁵Фараш - это индийское и персидское слово, когда-то значащее собственно «ковер» (fārāsh), а затем ставшее именем слуг, расстилающих ковры (farash). - *Прим. Е.А.*

¹⁶*Энтони Иден* - в 1940-1945 гг. министр иностранных дел, в 1955-1957 гг. - премьер-министр Великобритании. - *Прим. Е.А.*

¹⁷*Эндрю Каннингем* - британский адмирал времен Второй мировой войны, командующий Средиземноморским флотом. Позже - первый морской лорд Адмиралтейства. - *Прим. Е.А.*

¹⁸Фильм Александра Корды с Вивьен Ли и Лоуренсом Оливье вышел на экраны в 1941 г.

¹⁹*Реза-шах Пехлеви* - шах Ирана (1925-1941 гг.). С середины 1930-х гг. началось проникновение в Иран фашистской Германии. Приведем отрывки из мемуаров Д.С.Комиссарова «А.А.Смирнов как дипломат и гражданин (1905-1982)». Автор в годы войны был переводчиком в советском посольстве в Иране: «Генеральная [задача] заключалась в том, чтобы незамедлительно потребовать от Реза-шаха и его правительства немедленно выдворить из Ирана гитлеровских шпионов на основе статьи 6 Русско-иранского договора 1921 г. Однако они остались глухи к официальным представлениям советского правительства. Тогда правительство СССР было вынуждено воспользоваться своим правом, зафиксированным в... договоре 1921 г., и ввести свои войска в Иран. Рано утром на рассвете 25 августа 1941 г. посол СССР в Иране А.А.Смирнов и посланник Великобритании сэр Ридер Буллард подъехали к жилому особняку премьер-министра Ирана Али Мансура и вручили ему Ноту, извещавшую о том, что советские войска на севере Ирана, а британские войска на юге вошли в Иран, четко обозначив законность и справедливость этой акции...

Послу СССР А.А.Смирнову и посланнику Великобритании Р.Булларду пришлось приложить немало усилий, чтобы нейтрализовать профашистскую группу депутатов, выступивших под маской ультра-националистических лозунгов. В конце концов тройственный договор о союзе, подписанный 29 января 1942 г. А.А.Смирновым, Р.Буллардом и Али Сохейли (министром иностранных дел Ирана), был утвержден.

Но предстояло выполнить обещание иранских властей - обезвредить немецко-фашистских шпионов и диверсантов, а также удалить из Ирана дипломатические миссии Германии, Италии и государств-сателлитов Гитлера. Однако Реза-шах упорно не давал выполнять обязательства, данные правительством Форуги [премьер-министр Ирана]. ...В этих условиях советские войска с севера Ирана и английские - с юга, остановившиеся в 120-150 километрах от столицы, вынуждены были двинуться к Тегерану. Это подействовало на Реза-шаха. 17 сентября 1941 г. войска союзников подходили к Тегерану, а днем раньше, 16 сентября, Реза-шах отрекся от престола в пользу своего старшего сына, который стал именоваться Мохаммедом Реза Пехлеви (1919 г.), и покинул Иран». «Инициатива свержения Реза-шаха, - пишет А.А. Смирнов, - исходила от англичан. Од-

нажды английский посланник Буллард приехал ко мне в посольство и заявил следующее: ввиду того что Реза-шах занимает прогерманскую позицию, в Лондоне считают целесообразным сменить династию Пехлеви и восстановить старую каджарскую династию. ...Не имея из Москвы никаких указаний, я по собственной инициативе дал английскому посланнику ответ, что вряд ли целесообразно навязывать иранскому народу ненавистную каджарскую династию. Уж если в Лондоне считают целесообразным устранить династию Пехлеви, то было бы лучше восстановить в Иране демократическую парламентскую республику, ликвидированную Реза-шахом. Буллард ответил, что эта идея им не подходит, и стал развивать мысль о наследнике престола Мохаммеде Пехлеви. ...Надобно сказать, что если у Советского Союза были четкие юридические права вводить войска в Иран - на основании договора 1921 г. (он является действующим и сейчас), то англичане вводили свои войска в Иран, по существу, на том основании, что иранские правители, много лет сотрудничавшие с англичанами, в середине 1930-х гг. переориентировались всецело на гитлеровскую Германию, что угрожало интересам Великобритании. Мы же действовали в Иране сообща с Англией потому, что после вероломного нападения фашистской Германии на СССР наша страна одобрила Атлантическую Хартию и присоединилась к антигитлеровской коалиции». *Источник: <http://referat.tver.ru/cat49/referat10641/> - Прим. Е.А.*

²⁰Награжденные командорским крестом ордена Бани носят звезду на левой стороне груди и орденский знак на шейной ленте. Титулуются «сэр» и пишут после фамилии «КСВ» - «рыцарь-командор ордена Бани». - *Прим. Е.А.*

²¹*Р.Хэттерсли* - министр по делам Содружества (1974-1976 гг.) - по поводу нынешних дебатов в Британии о модернизации ядерной системы «Трайдент» вспоминает о роли Дж.Булларда в разработке стратегии ядерного сдерживания в 1970-х гг.: «Мысль о том, что ядерные силы сдерживания предназначены не для ведения войны, а для ее предотвращения, была слишком сложна для наивных участников движения за одностороннее ядерное разоружение Британии. К счастью, это отлично понимало политическое и военное руководство в Лондоне, Вашингтоне и Москве. Эти столицы обменивались косвенными «сигналами» - на первый взгляд воинственными, но на деле - успокаиваю-

щими. ...Мы исходили из того, что в ответ [на действия СССР] НАТО взорвет ядерный боеприпас небольшой мощности в каком-нибудь из безлюдных районов России. Спор шел о том, как будет воспринято это предупреждение: в качестве признака решимости Запада или свидетельства его неготовности развязать ядерный Армагеддон... Сегодня наши тогдашние игры кажутся довольно глупыми. Зачастую, если честно, такое же ощущение возникало у нас и в те времена. Однако они поддерживали стратегическое равновесие в отношениях между Востоком и Западом. И записки, о которых я упомянул, готовил для меня Джулиан Буллард (Julian Bullard) - не только дипломат, но и ученый. Такие же эксперты работали и в московских «коридорах власти». *Хэттерсли Р.* Нужна ли Британии Бомба? Только если она готовится к прошлой войне // «The Times». 16.12.2009. Цит.по: // <http://rus.ruvr.ru/2009/12/16/3057316.html> - *Прим. Е.А.*

²²«Боннская группа» - группа представителей посольств стран-союзниц (США, Британии и Франции) и Министерства иностранных дел Западной Германии по обмену информацией и координации политического курса в отношении Берлина и внутригерманских отношений, включая вопросы статуса Берлина, деятельности СССР и ГДР. Существовала в период после блокады Западного Берлина и до объединения Германии. См.: // http://www.ghi-dc.org/files/publications/bu_supp/supp1/supp-01_137.pdf and p15 of // <http://www.chu.cam.ac.uk/archives/collections/BDOHP/Carter.pdf>

²³Москва выслала около 20 британских дипломатов. - *Прим. Е.А.*

²⁴*Шустов В.* Посол Кирилл Васильевич Новиков // «Международная жизнь». 2002. №4. С. 102-112.

НЕЗАБЫВАЕМЫЙ 1985-й

Анатолий Зайцев

25 ЛЕТ НАЗАД В МИД на Смоленской-Сенной, 32/34 впервые за 28 лет сменился министр иностранных дел. Пришел Э.А.Шеварднадзе.

КАК ВСТРЕТИШЬ НОВЫЙ ГОД, ТАК ЕГО И ПРОВЕДЕШЬ

«НЕ ЖЕЛАЕТЕ ШАМΠΑНСКОГО? Скоро Новый год». Нарушивший мою дрему голос принадлежал стюардессе. Вплетенные в волосы разноцветные нити и цветок дополняли ее праздничный вид.

Полутемный салон самолета вдруг осветился. Раздался голос командира экипажа, пожелавшего пассажирам счастливого Нового года. Затем в пилотской кабине безуспешно пытались настроить радио на бой Кремлевских курантов. В ответ слышались свист и глухое потрескивание. Мы были высоко и летели над Афганистаном.

Посмотрел на часы. Было ровно 12. Взяв в руки протянутый мне бокал, выпил за здоровье оставшихся в Москве родителей, жены и дочери, которые в этот момент, конечно же, меня вспо-

Анатолий Сафронович Зайцев - Чрезвычайный и Полномочный Посол.

минали. Для них, как и для меня, еще день назад мой отъезд под Новый год стал полной неожиданностью.

Вновь погас свет. В просторном салоне первого класса аэрофлотовского Ил-86, выполнявшего рейс Москва - Ханой с промежуточной посадкой в Дели, нас было пятеро. На первом ряду спали вдова и дочь скончавшегося двумя днями назад в Москве председателя Совета Министров Народной Республики Кампучии Чан Си, сбоку от них расположился офицер охраны. На последнем ряду сидели Чрезвычайный и Полномочный Посол НРК в СССР и я, в то время заведующий Отделом Юго-Восточной Азии МИД, член правительственной делегации СССР на похоронах.

О том, что находится в грузовом отсеке самолета, знали только мы пятеро и командир экипажа. Чтобы не привлекать внимание при погрузке гроб по инициативе ХОЗУ Совмина был обит деревянными досками.

Когда после приземления в Ханойском аэропорту наш самолет подруливал к зданию аэропорта, к нему с громкими криками устремилась огромная группа встречавших, преимущественно женщин, в белых траурных одеждах.

Как только мы взлетели, ко мне неожиданно подошел Хун Сен, исполнявший обязанности главы правительства, министр иностранных дел, ныне премьер-министр Королевства Камбоджа. «Анатолий, - объявил он (после того, как я в последние два года многократно сопровождал его во время визитов в Москву, особенно после охоты вдвоем на уток в подмосковном Завидове, он стал называть меня по имени), - в спешке, торопясь с пересадкой, не успели перегрузить багаж. Ваш чемодан доставят ближайшим рейсом, возможно, завтра вечером». Новость эта была не из приятных: в чемодане остался мой черный костюм и сорочки, необходимые к завтрашней траурной церемонии.

День довершил случай, укрепивший мое предубежденное отношение к начавшемуся таким образом году. Когда в доме нашего посла я окунулся в бассейн, на голову мне с нависающего над ним мангового дерева вдруг свалилось что-то липкое и холодное и, соскользнув по спине, шлепнулось в воду. Повернувшись назад, я разглядел в метре от себя торчащую из воды обращенную в мою

сторону голову змеи. Почти загипнотизированный, я стал осторожно, не спуская с нее глаз, отплывать к краю бассейна. И на безопасном, как мне показалось, расстоянии, осмелев, стал громко звать по имени садовника. Он тут же прибежал и, мгновенно оценив обстановку, большим длинным сачком ловко поддел змею и забросил ее через высокий забор на соседнюю виллу, занимаемую, как мне объяснили потом, одним из министров правительства.

Через два месяца я снова отправился в камбоджийскую столицу для проведения ежегодных политических консультаций в МИД НРК, по завершении которых был принят Хун Сен, теперь уже в должности председателя Совета Министров и министра иностранных дел НРК. До Пномпеня аналогичные консультации были проведены во Вьентьяне и Ханое. Там из полученной посольством телеграммы я узнал о состоявшемся мартовском Пленуме ЦК Компартии и избрании генеральным секретарем М.С.Горбачева.

Увидеть его мне довелось в июне, во время официального визита в Москву партийно-правительственной делегации СРВ во главе с генеральным секретарем ЦК КПВ Ле Зуаном.

В разгар визита Ле Зуана я неожиданно узнал о назначении Э.А.Шеварднадзе министром иностранных дел. Волею случая обладателем этой новости мне довелось стать одним из первых. Принес ее наш посол в Ханое Б.Н.Чаплин 29 июня во время церемонии закладки камня к памятнику Хо Ши Мину на площади в Москве, носящей его имя. Чаплин, опоздавший к началу митинга по причине своего участия в качестве члена Центральной ревизионной комиссии в Пленуме ЦК КПСС, удивил меня неожиданным вопросом: «Догадайся, кто теперь у нас министр?» И не дожидаясь моей реакции - по всему чувствовалось, что ему не терпелось поделиться со мной важной новостью, - добавил подсказку: «Ну, грузин...» - и после паузы: «Шеварднадзе!»

Не меньшей неожиданностью для меня и моих коллег стала отставка А.А.Громыко. Мысленно отмотав назад последние месяцы его работы в министерстве, мы не могли вспомнить зримых признаков, предвещавших его скорый уход. Не считая, наверное, форсирования работы над книгой воспоминаний.

За неделю до своего ухода из МИД, о чем большинство из

нас тогда не догадывалось, Андрей Андреевич в свойственной ему неброской, но элегантной манере попрощался с нами, устроив 26 июня в Доме приемов на улице Косыгина большой прием по случаю 40-летия подписания Устава ООН. Впервые - никто тогда не придавал этому значения - были приглашены на протокольное мероприятие такого уровня заведующие отделами с супругами.

НЕ БОГИ ГОРШКИ ОБЖИГАЮТ

БОЛЬШИМ СЮРПРИЗОМ для всех нас был выбор на пост главы МИД деятеля республиканского масштаба, до этого мало замеченного на внешнеполитическом поприще.

В мидовской среде, особенно в ее руководящем звене, традиционно тяготеющем, как бы теперь сказали, к просвещенному консерватизму и обычно ревностно воспринимающем приход на должность главы родного ведомства «чужака» (так прежде уже было при назначении в июне 1956 г. Д.Т.Шепилова), по-разному отнеслись к приходу нового министра. При этом многие открыто выражали сомнение в его способности «взять высокую планку», заданную патриархом отечественной дипломатии.

Наслышанные о новом министре по предыдущей работе в Грузии как о приверженце радикальных реформ и неординарных решений, мы с напряженным вниманием ожидали его первых шагов.

В то же время немало коллег, молодых и среднего звена, которым за все время своей работы в МИД так и не довелось «увидеть живьем» своего министра, связывали со сменой главы ведомства надежды на большую открытость и новые возможности в плане кадрового роста и перспектив назначения в более благополучные страны.

Готовясь к предстоящим визитам, в поисках книг и статей министра я старательно покопался в фондах нашей ЦНБ. Обнаружил только несколько выступлений Э.А.Шеварднадзе, в основном во время приездов в Грузию высоких московских гостей. Вчитываясь в его речи, я с трудом себе представлял, как обиль-

но пересыпанную цветистую вычурную вязь славословий можно использовать в проектах материалов к будущим визитам.

Вскоре вслед за первым с момента прихода нового министра рабочим визитом в Москву министра иностранных дел Венгрии состоялись переговоры с заместителем министра иностранных дел Филиппин.

Мне хорошо запомнилось то первое непосредственное общение с новым министром. Собравшись в зале для приема гостей на седьмом этаже высотного здания МИД, мы почти полчаса провели в томительном ожидании, стараясь как-то скрасить беседой с возглавлявшей филиппинскую делегацию строгой дамой его затянувшееся отсутствие.

Сидя рядом с министром, я наблюдал, как он, появившись с папкой в руках, на мгновение заглянув в нее и тут же закрыв, к моему немалому удивлению, воспроизвел практически слово в слово знакомую мне заготовку. И что меня особенно поразило, без единой запинки выговорил труднопроизносимые тагальско-испанские названия и имена. Как потом я узнал от его помощников, министру - по приезду в МИД с опозданием после какого-то совещания в Кремле - понадобились считанные минуты, чтобы прочесть подготовленные для него документы.

Помимо феноменальной фотографической памяти, министра отличали высокая работоспособность и усидчивость, которую он предпочитал называть прилежанием.

Правда, поначалу мы не сразу приноровились к его необычному рабочему распорядку. Поспав ежедневно два-три часа после обеда, он к четырем-пяти часам с новой энергией принимался за документы, вызывая на это время к себе исполнителей. И в отличие от своего именитого предшественника практически каждый рабочий день засиживался до самого позднего вечера в своем кабинете. Как стало вскоре известно от помощников министра, его работа с документами заключалась главным образом в чтении подобранных для него информационных материалов и документов.

За годы работы с Э.А.Шеварднадзе мне не приходилось видеть ни одного документа, написанного его рукой. Министр не занимался их правкой и тем более не переписывал на свой

лад представляемые ему на утверждение проекты записок, возвращая их для доработки исполнителям, нередко по нескольку раз, до тех пор пока они не достигнут нужной в его понимании кондиции. Руку министра я видел только на полях приготовленных ему материалов для бесед, сопровождая его в марте 1986 года в поездке в Таиланд и Индонезию и годом позже, в сентябре 1987 года в Нью-Йорке, когда присутствовал на его беседах в нашем Постпредстве при ООН с министрами иностранных дел Индонезии и Австралии. Он, слушая собеседников, делал односложные заметки на полях напротив отдельных тем в подготовленных для него материалах, вроде «надо об этом сказать», «ответить», «повторить» и т.д. При сравнении моих наблюдений и наблюдений коллег из других отделов, которым также не доводилось видеть ни одного цельного документа, написанного рукой министра, невольно напрашивалась аналогия с «птенцом гнезда Петрова» светлейшим князем А.Д.Меншиковым, как известно, не оставившим после себя ни одного рукописного текста.

ПЕРВЫЕ ШАГИ ПЕРЕСТРОЙКИ

КАК ПИСАЛ в своей книге «Мой выбор» сам Шеварднадзе, первой из трех задач, которые предстояло решить, было личное самоопределение, становление в качестве министра, то есть и главы ведомства, и дипломата, признанного коллегами, а не формального, в силу лишь высокого назначения.

Решая эту задачу, министр, по его собственному признанию, искал опору в толковых людях, поощряя их к действенному самораскрытию, пробуждая и повышая чувство профессионального достоинства, во многом ущемленное в прошлом.

Одним из первых шагов стало приглашение к министру «для более близкого знакомства» заведующих отделами. Когда по составленному его секретариатом графику подошла моя очередь, министр, поздоровавшись за руку (еще одно нововведение), подошел к карте и произнес: «У вас двадцать минут. Возьмите указ-

ку и расскажите мне о регионе и каждой стране, которыми занимается ваш отдел. Исходите из того, что мне о них ничего не известно». (То же рассказали и коллеги.) Мое сообщение министр выслушал молча и никак не прокомментировал.

Из других новшеств было приглашение вновь назначенных послов на беседу к министру перед отъездом в страну назначения. В беседе со мной перед отъездом в ноябре 1989 года послом в Республику Конго (Браззавиль), продолжавшейся не более пяти минут, министр задал только один вопрос: как моя жена отнеслась к назначению в Африку?

Что касается второй заявленной министром задачи - перестройки работы ведомства, адекватной стратегическим целям новой внешней политики, - то, как и ожидалось, она началась с кадровых перестановок с широким использованием в этих целях развернутой по его инициативе кампании по борьбе с семейственностью и проводимой в стране антиалкогольной кампании. Позже для этого стала активно использоваться и структурная реформа министерства. По отделам были разосланы пространные списки сотрудников, имеющих «семейные и родственные связи» в МИД.

Ряд коллег, дети которых работали в системе МИД, среди них - немало потомственных дипломатов, были поставлены перед нелегким выбором: согласиться с увольнением из системы сына (редко дочери) или уйти самим.

С приходом нового министра особый размах приобрела кампания по борьбе с пьянством и алкоголизмом, начатая за полтора месяца до его назначения. Сопровождаемая перегибами, антиалкогольная кампания стоила тогда карьеры немалою числу дипломатов как в центре, так и заграничреждениях. В том числе нескольким послам, о чем нам становилось известно по большей части из отчетов кадровиков на заседаниях коллегии.

Экспедиция МИД, следуя указаниям руководства, стала «задерживать» присылаемые в отделы к национальному празднику и Новому году от коллег из иностранных посольств традиционные сувениры (обычно календари и напитки).

Быстро приноровившись к новым порядкам, аккредитован-

ные в Москве послы, устраивая приемы в ресторане, заранее припасали набор запретных напитков из своих посольских запасов.

Введенные для дипломатических работников различные ограничения и табу, в том числе в отношении «ценных подарков» от иностранных коллег, министр во время своих первых зарубежных визитов публично подкреплял личным примером.

Помню, как прилетев в Бангкок для подготовки первого официального визита министра, я сориентировал на этот счет протокольную службу тайского МИД. Тем не менее к нашей большой неожиданности министр иностранных дел Таиланда во время рабочего завтрака после своих приветственных слов, следуя местной традиции, протянул Э.А.Шеварднадзе сувенир в память о первом за всю историю двусторонних отношений визита в Таиланд главы внешнеполитического ведомства России. Видя недоумение на лице нашего министра, он поспешил развернуть сверток и продемонстрировать его содержимое гостю. «Этот галстук из тайского шелка - наш национальный сувенир», - немало сконфуженный, пояснил хозяин приема. Приняв после некоторого колебания подарок, Э.А.Шеварднадзе, садясь за стол, бросил через плечо мне и послу: «Пошлите министру ответный подарок».

Приступить к выполнению третьей, самой главной и в то же время самой трудной задаче - к нашему участию в практической реализации новой внешнеполитической стратегии, напишет министр в упоминаемой выше книге, он не спешил, заботясь о самочувствии его коллег, которых он был обязан уберечь от потрясений, связанных со сменой курса... В то же время он ясно осознавал, что перестройка не может ждать, что она не обойдет стороной наше ведомство. Но прежде чем предложить четкую и ясную программу, министр должен был выстроить ряд приоритетов для самого себя.

Это было только начало. Перестройка работы МИД по широкому фронту началась позже, после программного выступления М.С.Горбачева 23 мая 1986 года на совещании в МИД. Годом позже ее итоги подвел Э.А.Шеварднадзе в своем докладе на общеминистерском совещании 3 мая 1987 года.

За суетой рабочих будней и командировками подошел к концу 1985 год. Он как начался для меня при неожиданных обстоятельствах, так полный неожиданными событиями и прошел.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

ТОГДА на излете того памятного, 1985 года по начатым с приходом нового министра первым перестроечным реформам нам было еще не разглядеть их последствий. Но уже скоро картина заметно прояснилась.

На смену подъему, который на первых порах вызвали в нашем коллективе продекларированные в начале перестройки программы и лозунги, к исходу двух последующих лет у многих он практически сошел на нет, все больше уступая место привычной апатии и скепсису.

Ряд заместителей становились все более неудобны новому министру, высказываемое ими несогласие с позицией министра по ряду принципиальных вопросов вызывали у него растущее и плохо скрываемое раздражение, которое прорывалось наружу.

Вскоре немало талантливых дипломатов высокого ранга, несогласных с порядками и стилем работы нового руководства, либо ушли сами, либо постепенно выдавливались из МИД.

Шаги нового министра по искоренению фаворитизма, чтобы не сказать блата, особенно положительно воспринятые в молодой мидовской среде, были дискредитированы последующими кадровыми решениями самого министра. Такими, например, как продвижение своего сына на работу в секретариат ЮНЕСКО в Париже, что удивительным образом совпало с отменой давнего порядка об обязательном возврате российскими гражданами, работающими в международных организациях, значительной части своей ежемесячной зарплаты государству. Избирательный характер носила кампания по борьбе с семейственностью. Поставив крест на карьере немало числа подающих надежды талантливых молодых дипломатов, она вместе с тем не коснулась приближенных к нему лиц.

Инициированная министром структурная реформа нашего ведомства, начатая с перестройки и объединения нескольких подразделений, вскоре показала на практике свою несостоятельность. От вновь созданных громоздких структур в последующие годы пришлось отказаться, вернувшись фактически к прежней компановке территориальных отделов.

Недолго продержался в системе МИД «сухой закон», активно использованный в интересах кадровых перетасовок. Шаг за шагом, благодаря изобретательности и разного рода ухищрениям в центре и на местах, все вернулось на круги своя.

О РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЙ ГРАНИЦЕ

Кирилл Черевко

ПО ДОГОВОРУ о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и КНР 2001 года стороны взаимно отказались от территориальных претензий (ст. 6). Однако в Китае по-прежнему отчетливо звучат голоса таких политиков и ученых, которые не только считают, что этот отказ с точки зрения международного права не имеет отношения к необходимости восстановить «историческую справедливость» в результате отмены «насильственно навязанных Россией Китаю, неравноправных договоров» середины XIX века, но и ошибочно полагают, что пограничные географические ориентиры первого русско-китайского договора XVII века представляют собой вершины гор Станового хребта (Внешнего Хингана) и его продолжения до Чукотского полуострова. Из этого исходит государственный Северо-восточный проект КНР (2002-2007 гг.) по изучению окраинных земель начиная с периода Цин (с 1644 г.)¹.

Так, в 2003 году в Институте китайско-российских отношений при Харбинском университете состоялась проведенная при участии руководства Высшей партийной школы Коммунистической партии КНР и дирекции этого института научная

Кирилл Евгеньевич Черевко - ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН, доктор исторических наук.

конференция по вопросам истории и современного состояния российско-китайских отношений (доклады ее участников были изданы в 2004 году в Пекине в форме сборника статей). На этой конференции китайская сторона утверждала, что «необходимо прежде всего пересмотреть отношение к русско-китайскому Нерчинскому договору 1689 года», с тем чтобы, вопреки мнению российской стороны, возобладала точка зрения, будто по этому договору все, что находится к югу от линии, начинающейся от горы Кенте в пределах Монголии и идущей до Восточного (т.е. Охотского. - *К. Ч.*) моря, принадлежит Китаю, и только то, что находится к северу от Внешнего Хинганского хребта, является территорией России. И далее: «Амур и Уссури находятся в пределах Китая», хотя, с точки зрения китайской стороны, бассейны этих рек были аннексированы Россией по Пекинскому договору 1860 года, и это - несмотря на то, что такая оценка противоречит международно-правовому принципу «свободы договоров», допускавшему в XIX веке и ранее договоры с любым содержанием.

В 1850 году русские заняли устье Амура, и Сенат России 17 февраля 1851 года уведомил Трибунал внешних сношений Китая о том, что Россия больше не допустит, чтобы какая-либо морская держава заняла хотя бы один стратегический пункт в устье Амура как потому, что истоки этой реки берут свое начало на территории России, так и потому, что пространство к востоку от реки Удь, через которое протекает река Амур, вплоть до ее устья, в соответствии с условиями договора, заключенного между Российской и Китайской империями, остается неразграниченным.

Китайское правительство не упомянуло такой пограничный ориентир, как горы Вэйикэ-Алинь и пограничные знаки, и предало забвению ориентир Химкон (Хингун)-Тугурик. Тем самым оно пошло на уступку правительству России, разрешив генерал-губернатору Восточной Сибири Н.Н.Муравьеву в 1854 году сплав судов по Амуру, а затем, подписав в 1858 году Айгунский договор, утратило все левобережье реки Амур.

Если исходить из основного пограничного ориентира Нерчинского договора 1689 года - вершин «Каменных гор», тянувшихся до моря, то есть хребта, обозначенного в его маньчжурском тек-

сте как Большой Хинган, в том смысле, в каком его понимали в конце XVII века, то первоначальная трактовка этого ориентира цинской картографией, на наш взгляд, точнее отражает условия этого договора, чем русская и западноевропейская, преимущественно картография иезуитов. При этом, с точки зрения такого важного пограничного ориентира этого договора, как река Амур (Сахалин-ула), более точной оказывается первоначальная трактовка линии границы русской стороной - по «первому камню» к северу от Амура с последующим уточнением южных пределов пространства к югу от реки Уда в зависимости от направления пограничного хребта в низовьях реки Амур.

Первоначальная интерпретация же указанных ориентиров Нерчинского договора иезуитами представляла собой огрубленную, однозначную в пользу Китая трактовку линии пограничного хребта как проходящего севернее Амура на всем его протяжении и заканчивающегося не вблизи слияния рек Сунгари и Амура, а значительно севернее, причем не разграниченное пространство оказывалось неправильно истолкованным как расположенное к северу, а не к югу от реки Уды.

В целом же все три трактовки были противоречивы как с точки зрения составляющих их компонентов, так и по отношению одна к другой. Это свидетельствует о несовершенстве Нерчинского договора и естественности его пересмотра в XIX веке по Пекинскому договору 1860 года с делимитацией границы по реке Амур и по реке Уссури, демаркированной по российско-китайскому соглашению 1995 года. Несмотря на заключение этого соглашения как окончательного, китайские политологи и историки с не афишируемого открыто согласия властей КНР считают, что Россия должна признать свои территориальные долги Китаю.

Вопрос о русско-китайской границе по Нерчинскому договору 1689 года обсуждается около двух с половиной веков, с тех пор как в 1757 году в России вышла в свет статья известного историка Сибири Г.Ф.Миллера о сомнениях, которые вызвала у него граница, особенно по р. Горбице и на горном участке. В этой затянувшейся дискуссии китайские авторы считают, что расхождения между текстами Нерчинского

договора не существенны, что вся граница определена этим договором ясно, четко и однозначно.

Эта проблема сохраняет свою актуальность в связи с настойчивыми требованиями КНР, несмотря на взаимный отказ от территориальных претензий по «Большому» российско-китайскому договору 2001 года, признать, что по Нерчинскому договору, якобы установившему границу между двумя государствами по Становому хребту (по-китайски Большому, или Внешнему Хингану), тянущемуся на северо-восток по хребту Сунтар-Хаята и заканчивающемуся к северу от Камчатки, Китаю принадлежала территория на 1,5 млн. кв. км больше, чем в настоящее время. Это произошло в результате его пересмотра Пекинским договором, «навязанным ему вопреки исторической справедливости» в 1860 году (не считая утраченных Китаем территорий Тувинской Республики и Монгольской Народной Республики общей площадью в 1540 тыс. кв. км)².

Для того, чтобы показать научную несостоятельность такой позиции китайских историко-географов и политиков, автор среди прочих аргументов вводит впервые в научный оборот рукописную карту Петра Жукова (около 1737 г.).

Эта карта представляет большой интерес, так как на ней помимо северного Станового хребта на северо-востоке от впадающей в р. Шилка пограничной речки Горбицы изображен южный Становой хребет, первый «камень» (хребет) к северу от р. Амур и впадающей в него р. Шилка (вместе обе реки по-маньчжурски назывались Сахалин-ула), тянувшихся вдоль Амура через низовья р. Зея «по опокам», то есть вершинам гор, до Тихого океана. Именно по этим вершинам послы России и Китая согласились установить границу по Нерчинскому договору 1689 года с оставлением не разграниченным пространства между бассейном р. Уда и упомянутым хребтом вдоль р. Амур³.

Кратчайшую пограничную линию между истоками Горбицы и первым от Амура хребтом, как установил автор, можно провести по одной из более поздних российских карт «Карта путей сообщения Дальнего Востока дорожного отдела управления водных путей сообщения Амурского пароходства» (Благовещенск, 1915.

Квадрат р. 4, л. 4) по горам высотой в 1118 м и 1605 м к северу от г. Крестовая у Горбицы, расположенной, как и эти высоты, на Амазарском хребте, переходящем на востоке в цепь гор в системе гор Олёкминского становика - далее по хребтам Западный Люндор и Урушинский - Джелтулинский становик - Чернышева - Янкан - Тукурингра - Соктахан - Джагды - Селемджинский - Элькире-Алинь (Вэйикэ-Алинь) с г. 2295 м - Мевандж с оканчивающимся у берегов Тихого океана Омальским хребтом между бассейнами рек Уда и Амур при оставлении не разграниченным района к югу от р. Уда и этим хребтом с реками, впадающими в Охотское море⁴.

К сожалению, к точке зрения, что в Нерчинском договоре граница между Россией и Китаем была проведена по современному Становому хребту, присоединяются и некоторые видные отечественные ученые. В маньчжурском тексте договора этому ориентиру было дано собственное название «Большой Хинган»⁵ - буквально «Большие скалистые горы» (несмотря на то что японский ученый Ацуси Номияма на основе своего анализа этого словосочетания в начале ст. 1 маньчжурского текста Нерчинского договора без обычно употребляемого суффикса «алинь» для обозначения собственного названия гор убедительно доказал, что, как и в латинском, в русском тексте договора оно употребляется в качестве нарицательного)⁶.

В пользу точки зрения о том, что установленная в 1689 году граница до середины XIX века проходила не по Становому хребту, а упомянутой выше цепи гор, свидетельствуют периодически проверявшиеся китайской пограничной инспекцией, по сообщениям местных тунгусов, каменные пирамиды с маньчжуроязычными записями на деревянных дощечках о времени инспекции границы.

Такой пограничный знак известный российский географ А.Миддендорф во время путешествия по Приморью в 1842-1844 годах обнаружил «на уступе крутого спуска, покрытого горелым лесом и выдающегося между левым берегом Гилюя и правым Зеи». Другие знаки находились у впадения ручья Меван в реку Нара - правый приток р. Селемджа, на устье реки Килер - притока реки Бурей, у впадения реки Нимакан в реку Ниман, у впадения реки Умальтин

в реку Бурей, а также на водоразделе рек Амгунь и Тугур, а также в других местах значительно южнее Станового хребта⁷.

Из этого следует, что по Нерчинскому договору вся Верхне-Зейская равнина площадью в 50 тыс. кв. верст, расположенная между Становым хребтом и первым «камнем» к северу от р. Амур, сохранялась во владении России.

«Историческая» граница по Становому хребту до Камчатки была упомянута в 1964 году Мао Цзэдуном в его «счете» по еще не предъявленному реестру требований о «возврате» Китаю якобы его бывших упомянутых выше обширных территорий.

Такой подход китайской стороны к проблеме российско-китайской границы на Дальнем Востоке, изучение которой началось формирующейся русской географической наукой еще в XVII веке, свидетельствует о том, что рассмотрение ее сохраняет свою важность и актуальность, тем более что приверженцы подобного подхода превратно использовали географические исторические факты, а также принцип историзма, считая, что иные, чем упомянутые китайские версии в оценке этих договоров, «станут в будущем ядром и серьезным препятствием на пути строительства долгосрочных добрососедских отношений между Россией и Китаем»⁸.

В пользу мнения о необходимости противодействия упомянутым тенденциям в условиях оттока российского населения с Дальнего Востока, сократившегося в 1991-2006 годах с 10 млн. человек до 8 млн. человек при заполнении этого вакуума китайскими гражданами, общая численность которых в самых приграничных областях этого региона превышает все население России в 143 млн. человек, свидетельствует заключение российских экспертов в связи со специальным заседанием Совета безопасности РФ от 20 декабря 2006 года под председательством Президента России В.В.Путина о том, что «прогнозируемые претензии соседних государств на российские территории должны инициировать принятие дополнительных мер» по укреплению ее дальневосточных границ со значительным увеличением личного состава погранвойск⁹.

В октябре 2007 года XVII съезд Компартии Китая включил

Россию как государство «буржуазного либерализма» в число своих идеологических противников. Руководствуясь традиционной даосско-конфуцианской доктриной, восходящей к «Канону перемен» («Ицзин») - основному памятнику китайской цивилизации (VIII-VII вв. до н.э.), деление мира на три Севера (теперь это Северная Америка, Европа и Северная Евразия к востоку от Урала) и четыре моря с Центром (Середина) в Китае (Срединное государство), Военный совет Компартии Китая во главе с генералом Сун Гуанкаем, ведущим стратегом КНР, заявил, что в период прогнозируемого кризиса третьего Севера в 2010-2012 годах путем предъявления справедливых требований к РФ на базе наращивания реестра невыполненных Россией обещаний, таких как строительство нефтепровода Ангарск - Дацин в 2001 году и установление границы по Внешнему Хингану (Становой хребет), и, прибегнув к мягкой демонстрации военной мощи в союзе с финансовым интернационалом, представленным его третьим по мощи расчетно-кассовым центром - Гонконгско-шанхайской банковской корпорацией. Таким образом, Пекин - Центр (КНР) - должен будет подчинить третий Север, так как это соответствует предстоящим кругообразным изменениям в мире по «Ицзину». При этом, стремясь к установлению в мире «гармонии и справедливости», Пекин применяет тактику «пути хитрости (обмана)», провозглашенную в «Трактате о военном искусстве» («Сунь-цзы») IV века до н.э.¹⁰, в котором приводится в пример храбрость военачальника Цао Куя (VII в.) из царства Лу, добившегося хитростью с помощью меча, спрятанного под одеждой во время мирных переговоров с противником, выполнения требования о возврате правителем царства Ци (северного соседа Лу) захваченных им своих территорий¹¹.

Хотя последний официально спорный вопрос о принадлежности мелких островов в русле рек Амур и Аргунь и был урегулирован 14 октября 2004 года в результате официального визита Президента Российской Федерации В.В.Путина в КНР (за Россией осталась часть острова Большой Уссурийский у города Хабаровска, а КНР отошли часть этого острова, острова Тарабаров и Большой), китайские историки и политики продолжают писать о территориальных долгах России к Китаю.

При демаркации этих и других спорных территорий между двумя сторонами они были разделены примерно пополам (с учетом особенностей рельефа местности), причем сторонам было предоставлено право совместного с партнером по переговорам хозяйственного использования уступаемых районов. Если бы Россия отказалась идти на уступки, то Пекин возобновил бы претензии на 1,5 млн. кв. км по реестру Мао Цзэдуна 1964 года, в соответствии с которым граница должна была быть восстановлена по Становому хребту (Внешнему Хингану) в его произвольном истолковании по Нерчинскому договору 1689 года как оканчивающемуся к северу от Камчатки*.

Несмотря на то что последняя уступка Китаю островов в Приморье не противоречит современному международному праву, по результатам опросов ВЦИОМ, проведенным в августе 2005 года, только 8% россиян согласились с применением этого принципа, а 79,2% населения Дальневосточного федерального округа выступили против этой уступки.

Данные результаты объясняются тем, что в настоящее время китайцы с нарастающей активностью создают в приграничных районах российского Дальнего Востока мощные социально-экономические анклавные компакты проживания своего населения, не интегрирующегося в окружающий социум. Правительство КНР считает районы их проживания Внешним Дунбеем - исторической территорией Китая, поощряет их заселение, что не исключает развития ситуации по «косовскому» варианту¹².

Возникающие анклавные территории - это уже, по сути дела, участки китайской территории в районах России. Здесь действуют китайские законы, имеется вся независимая инфраструктура, собственная мобильная связь... и даже денежные банки... На протяжении уже десяти лет в дальневосточных регионах можно наблюдать

**Впервые принцип паритетного разграничения (с совместным использованием уступаемых территорий) был реализован в соглашении в отношении острова №279 (по-китайски Мэнкэсэли) - отмели длиной в 175 км с южным мелеющим рукавом реки Аргунь восточнее острова Большой, а затем и других спорных районов восточного участка российско-китайской границы.*

организованные отряды китайских сельскохозяйственных рабочих с армейской выправкой.

Здесь формируется и укрепляется некое маргинальное общество, активно способствующее перекачке природных ресурсов России в Китай и Японию. Известно, что Япония хотела бы играть и уже играет роль «серого кардинала». В дальнейшем велика вероятность того, что маргинальное общество обнажит свою китайскую принадлежность и открыто потребует часть [этой] российской территории, вспомнив помимо прочего и недавний прецедент - передачу Китаю островов на Амуре у Хабаровска¹³.

Политика китайского руководства в отношении активного заселения районов российского Дальнего Востока диктуется не только потенциальными территориальными притязаниями (это, несмотря на его официальную позицию по этому вопросу, является очевидным хотя бы из фактов создания учебников с изображением наших восточных регионов как части территории КНР). Важнейшую роль в этой миграционной политике играет стремление внедрить «черные» схемы экономического грабежа России¹⁴. «Главная проблема (по крайней мере) в настоящее время коренится не в численности китайских мигрантов, а в том экономическом ущербе, который наносится России китайскими землячествами»¹⁵ - широкомасштабный вывоз леса, рыбы, цветных металлов, дикоросов и другой ценной продукции.

Возможные социальные потрясения в Китае могут вызвать массовые потоки китайских мигрантов, которые устремятся в приграничные районы России, в Амурскую область, Хабаровский и Приморский края, что будет чревато опасностью их отторжения от России.

Такую же, если не более серьезную, опасность тянет в себе реализация пяти крупных международных проектов освоения нашего Дальнего Востока - «Туманган», «Большой Владивосток», проект китайской компании «Ли Фа», проект «Универсальный транспортный узел» и «Стратегический план развития Приморского края», так как главная цель этих проектов - превратить указанный регион с помощью китайских мигрантов в сырьевой при-

даток КНР и Японии¹⁶. При этом российские интересы в их осуществлении, естественно, отодвигаются на второй план.

Из этого следует вывод, что противодействие негативным последствиям миграционной политики КНР в приграничных районах Дальнего Востока России требует разработки комплексных мер по обеспечению ее территориальной целостности с опровержением фальсификаций истории формулирования российско-китайской границы и разработки мер по обеспечению национальной безопасности РФ.

¹Со Гильсу. Северо-Восточный проект Китая и фальсификация истории Когурё (резюме доклада на международной конференции «Корея на стыке времен»). М., 26 октября 2006 г. С. 2.

²Гончаров С., Ли Даньхуай. О «территориальных претензиях» и «неравноправных договорах» // Проблемы Дальнего Востока. 2004. №4. С. 118.

³Российская государственная библиотека, картографический отдел, рукописная карта №253 (КО 22/67). Неоднозначность местоположения пограничных гор вытекает из наименования в легенде этой карты «Становой хребет», в отличие от более северного «Станового хребта» и «водораздельных гор между вершин рек Черной, Амазара и Тугира». Теперь здесь изображается Амазарский хребет. О реке Горбика в отличие от речки Горбика см. также: Российско-китайские отношения. XVII в. Т. II. С. 460-462.

⁴Русско-китайские отношения. М., 1972. С. 547, 573, 756; см. также: Черевко К.Е. На границе тучи ходят хмуры (Русско-китайский Нерчинский договор 1689 года) // Геодезист. 2004. №1. С. 35-38; №2. С. 35-41; Его же. Киньити Ёсида. О восточном участке китайско-русской границы по Нерчинскому договору // Специализированная информация. АН СССР. ИНИОН. М., 1990. С. 1-20.

⁵Номияма Ацуси. Росин гайко-но кэнкю (Изучение дипломатических отношений между Россией и цинским Китаем). Токио, 1977. С. 9.

⁶Там же.

⁷Миддендорф А. Путешествие на север и восток Сибири. Ч. 1. СПб., 1860. С. 166.

⁸Проблемы Дальнего Востока. 2005, № 3. С. 20.

⁹Аргументы недели. 2006. 12 декабря.

¹⁰Девятков А. Специфика процветания (Заметки о XVII съезде Компартии Китая) // Завтра. №49. 2007. 5 декабря; Девятков А. Союз китайских кланов // Смысл. 2007. №19. С. 53.

¹¹«Сунь-цзы». Трактат о военном искусстве. Перевод и исследование // Кон-

рад Н.И. Избранные труды. Синология. М., 1977. С. 27, 41, 301. Об этом трактате как наиболее важном среди классических книг (канонов) на данную тему подробнее см.: *Путята Д.В.* Принципы военного искусства в толковании древних китайских полководцев // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Т. XXXIX (1889 г.) // Там же. С. 23.

¹²*Романов И., Забаев И., Чернов В.* Геополитика России. Стратегия восточных территорий. М.: Институт русской цивилизации, 2008. С. 61, 64.

¹³Там же. С. 71.

¹⁴Там же. С. 69.

¹⁵*Гельбрас В.Г.* Перспективы китайской миграции на Дальнем Востоке // Отечественные записки. 2004. № 4. С. 11.

¹⁶*Саначев И.Д., Голодинкина С.О.* Северо-Восток Китая и российский Дальний Восток: глобальные последствия региональной интеграции // Китай в мировой политике. М., 2001. С. 298.

СМУТНОЕ ВРЕМЯ: КАК АНГЛИЧАНЕ НА РУССКИЙ СЕВЕР ПРОРЫВАЛИСЬ

Андрей Торин

ПЕРИОД, который в отечественной историографии принято называть эпохой Смутного времени, как и любой переломный период в истории, не может пожаловаться на недостаток трудов, посвященных ему. Крупнейшие исследователи, включая таких как Н.М.Карамзин, С.М.Соловьев, В.О.Ключевский и С.Ф.Платонов, посвятили ему отдельные главы или целые исследования. И тем не менее при наличии фундаментальных трудов по российской истории в целом и по отдельным аспектам первой четверти XVII века остается немало непроясненных вопросов, в том числе связанных с развитием внешнеэкономических связей Московского государства в этот период. Русско-английские торговые отношения и связанные с ними дипломатические усилия представителей обеих стран относятся к числу таких, не до конца исследованных проблем. Известно, что торговые контакты между Московским государством и Англией имели существенное значение во второй половине XVI века и положили начало новому этапу освоения русского Севера. Но какую же позицию заняла Англия и ее купечество во время Смуты, и какую роль сыграло

Андрей Игоревич Торин - обозреватель журнала «Международная жизнь».

это во внешнеполитической деятельности Московского государства в XVII веке?

Смута нанесла существенный урон внешней торговле России, однако английские купцы из Московской компании страну не покинули. В 1612 году, когда Москва была захвачена поляками, головная контора компании эвакуировалась в Вологду. Следует подчеркнуть, что к тому времени Вологда превратилась в важнейший торговый центр, где сформировалось купеческое сообщество, объединившее русских и иностранцев. «Еще зимой 1608-1609 годов, из-за осады Москвы поляками в Вологде задержались русские и иностранные купцы, направлявшиеся в Москву с товарами. Узнав об этом, царь Василий Шуйский приказал воеводам организовать оборону города, в котором неожиданно сосредоточилось столько ценностей. К этой обороне привлекли и иностранных купцов - собственников застрявших товаров. Их выборные должны были участвовать в руководстве военными действиями, «быть с головами и ратными людьми за один». Таким образом, составилсЯ своего рода мирской совет, руководивший городскими делами в целом¹.

В Лондоне опасались, что победа католической Речи Посполитой приведет к полной потере англичанами русского рынка. В это самое время некий капитан Чемберлен, служивший в русских войсках и участвовавший в сражениях против шведов, направляет английскому королю Якову I Стюарту проект интервенции в Московию. Смысл проекта состоял в том, чтобы, высадив английские войска в Архангельске, защитить северные регионы от шведской опасности и заодно обеспечить свои собственные торговые интересы*. В случае успеха английские войска могли бы продолжить движение на юг с целью занятия Москвы. В результате Московское государство восстанавливалось, но уже под протекторатом Стюартов. При этом Чемберлен настаивал, что интервенция не будет стоить Лондону слишком существенных средств, ибо все расходы оплатит русское купечество.

**Именно в Архангельске высадились англичане три века спустя, во время интервенции 1918 г.*

Далее мы вступаем в область предположений. Советские историки, крайне негативно оценивавшие этот план, признают, что проект Чемберлена действительно был основан на переговорах с какими-то представителями российского общества и что англичане пытались «использовать страх некоторых представителей знати перед движением народных масс»². Между тем в проекте Чемберлена совершенно четко давалось понять, что речь идет не об аристократии, а именно о купечестве. Поэтому резонно предположить, что проект английской интервенции был порождением «вологодской обороны». Не стоит забывать, что в период Смутного времени смена политических ориентиров и перебегание из одного лагеря в другой были явлением вовсе не редким и этот фактор учитывался разработчиком проекта. К тому же Чемберлен вполне мог знать о том, что именно в эти дни в Нижнем Новгороде по инициативе купца К.З.Минина шел сбор денег на создание русского ополчения, и попытаться использовать этот факт в свою пользу. Кроме того, после череды неудач в Ливонской войне за овладение побережьем Балтийского моря, которую дворянская по своему составу русская армия вела в течение 20 лет при Иване Грозном, доверие купечества к ней находилось на самой низкой точке. К 1612 году иностранные военные специалисты составляли существенную (и вполне боеспособную) часть русской армии, а потому русскому купечеству ненавязчиво предлагалось нанять англичан под предлогом общих коммерческих интересов.

Нам известно, что королевский двор в Лондоне отнесся к идее Чемберлена об английском протекторате как к фантазии, но возможность интервенции отнюдь не исключил. Слишком многое оставалось неясным. Для того чтобы принять конкретные решения, необходимо было продумать в мельчайших деталях все «за» и «против». В частности, в Лондоне хотели знать подробнее, кто с русской стороны просил об отправке английских войск и насколько представительны эти люди. В Англию был вызван Джон Мерик, главный агент Московской компании в России, а затем направлен в Архангельск вместе с Уильямом Расселом, одним из директоров компании. В сопроводительных доку-

ментах упоминалось некое предложение, сделанное в прошлом году Мерику «видными и главными лицами», касавшееся вопросов «безопасности» и восстановления мира «при помощи нашего вмешательства»³.

Джон Мерик, сын высокопоставленного сотрудника Московской компании Уильяма Мерика, считался своим человеком в среде русской бюрократии и купечества. Он вырос в Москве на Английском дворе, свободно говорил по-русски и провел здесь изрядную часть жизни. Среди русских он был известен под именем Ивана Ульянова. Это был идеальный посредник, хорошо понимавший не только английские интересы, но и интересы русского купечества.

Когда Мерик и Рассел прибыли в Архангельск, они обнаружили, что вопрос об отправке экспедиционного корпуса отпал сам собой: Москва была взята войсками князя Д.М.Пожарского, а на царство был избран Михаил Романов. Англия немедленно признала нового царя, хотя прочность его положения представлялась многим сомнительной⁴.

В 1617 году Англия выступила официальным посредником при переговорах между Москвией и Швецией. Работа эта, как и предполагалось, была поручена Джону Мерику. Столбовский мир со Швецией, подписанный 27 февраля (9 марта) 1617 года в том числе благодаря челночной дипломатии Мерика, был для России тяжелым, но весьма необходимым. «Неблагодарные», по мнению британцев, требования шведов были отвергнуты, но Россия на целое столетие потеряла доступ к Балтийскому морю. Шведы овладели малонаселенной, но чрезвычайно важной стратегически полоской между Нарвой и Выборгом. Для Англии Столбовский мир был, безусловно, благоприятным. Имея налаженные торговые отношения со Швецией через Балтийское море, а с Россией - через Белое, она продолжала их теперь, сохраняя статус-кво, и получала от обеих стран необходимые корабельные товары - пеньку, готовые канаты, мачтовый лес, смолу, не считая множества других товаров. Товары эти требовались адмиралтейству для строившегося английского флота. В XVI веке получение этих товаров способствовало победе над испанской «Непо-

бедимой армадой» в августе-сентябре 1588 года, но и в XVII веке они были не менее нужны, так как предстояла борьба с другим морским конкурентом Англии - могущественной морской державой Голландией⁵. Сама Московская компания утратила свои монопольные привилегии в 1698 году, в ходе преобразований Петра I. Однако взаимовыгодный симбиоз английского и русского купечества существовал вплоть до революции 1917 года.

¹Советская наука. 1941. №2. С. 25.

²Английская буржуазная революция XVII века/Под ред. Е.А.Косминского и Я.А.Левицкого. Т. 2. М., 1954. С. 93. Известная отечественная исследовательница И.Любименко не сомневается, что предложение об отправке английских войск поступило «от части русского дворянства» (Советская наука.1941. №2. С. 20), однако в другом месте она же делает предположение, что инициаторами проекта английской интервенции были представители купечества, имевшие общие дела с англичанами в Вологде (там же, с. 25).

³Цит. по: Английская буржуазная революция XVII века. Т. 2. С. 93. См. также: *Любименко И.* Новые работы по истории сношений Московской Руси с Англией // Исторические известия. 1916. №3-4. С. 29-53; *Letters Illustrating the Relations of England and Russia in the Seventeenth Century* / Ed. By Lubimenko I. // *English History Review*. 1917. Vol. 32/N125. P. 92-103; *Lubimenko I.* A Project for the Acquisition of Russia by James I. // *English History Review*. 1914 .Vol. 29. N114. P. 246-256.

⁴Английская буржуазная революция XVII века. Т. 2. С. 94.

⁵Там же. С. 95.